

Решад Нури
ГЮНТЕКИН

Решад Нури ГЮНТЕКИН

коллекция лучших романов

Последний приют

Последний приют

Решад Нури Гюнтекин — классик мировой литературы, родился в 1889 году, преподавал французский язык и служил атташе по делам культуры в посольстве Турции в Париже. Его книги и по сей день самые читаемые в Турции, по ним снимаются фильмы и сериалы, которые обожают зрители, в том числе и российские.

Одиночество подчас объединяет людей самых разных профессий, судеб и возрастов. Особенно если у них есть что-то общее. Например, любовь к театру.

Во время вынужденной стоянки поезда четверо попутчиков решают основать Новый турецкий театр. Поначалу все идет неплохо. Но вскоре деньги заканчиваются, и труппа постепенно начинает распадаться. Однако дома их никто не ждет, а за то недолгое время, что эти люди провели вместе, они стали семьей. А театр — их последним приютом, последним убежищем...

ISBN 978-5-486-02752-9

9 785486 027529

МИР КНИГИ

Решад Нури
Гюнтекин

Последний приют

Reşat Nuri
Güntekin

Son sığınak

Решад Нури
Гюнтекин

Последний приют

УДК 821.41
ББК 84(5Тур)
Г99

Reşat Nuri Güntekin
SON SİĞİNAK

Использование текста, в том числе фрагментов,
без разрешения правообладателя
запрещается и преследуется по закону.

The SAID WORK is protected by the International
Copyright conventions.
(НАСТОЯЩЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ защищено
Международными Конвенциями по авторским правам).
This book is published with the arrangements
of ONK AGENCY LTD.
(Настоящая Книга издана по договоренности
с ONK AGENCY LTD.)

Гюнтекин, Решад Нури
Г99 Последний приют / Пер. с тур. С.А. Стоматовой. — М.:
ООО ТД «Издательство Мир книги», 2009. — 288 с.

Во время вынужденной стоянки поезда, следующего в Стамбул, четверо попутчиков коротают время в местном доме культуры. В этот день как раз празднуется свадьба. В самый разгар веселья случайные гости показывают сцены народного турецкого театра. Публика принимает «актеров» на «ура». Успех воодушевляет их. Заручившись финансовой поддержкой и вернувшись в Стамбул, они решают основать Новый турецкий театр. Поначалу все идет неплохо. Но вскоре деньги заканчиваются, и труппа постепенно начинает распадаться. Однако дома их никто не ждет, а за то недолгое время, что эти люди провели вместе, они стали настоящей семьей. А театр — их последним приютом, последним убежищем...

ББК 84(5Тур)

Copyright © 1961 Reşat Nuri GÜNTKIN
All rights reserved
© Стоматова С.А, перевод, 2008
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», издание на
русском языке, 2009

ISBN 978-5-486-02752-9

Глава первая

В детстве мои пробуждения ото сна напоминали комедию. Приставленная ко мне няня дергала меня то тут, то там и, видя, что все это бесполезно, наклоняясь ко мне, просовывала руки мне под мышки и, наполовину приподняв с постели, на ломаном турецком начинала причитать, что я снова опоздаю в школу и меня опять накажут.

Не знаю, может, потому что я спал слишком крепко, или переход от теплой постели к ее теплой груди меня полностью расслаблял, но я опять закрывал глаза и проваливался в небытие. В конце концов мой старший брат Селим, который брился в соседней комнате, входил ко мне в комнату и с криком:

— Замолчи, ради Аллаха! Не говоришь, а колыбельную поешь, ребенка еще больше убаюкиваешь, — брал с комода графин с водой, набирал в руку воды и брызгал мне в лицо.

* * *

И в тот день, когда я спал в углу у двери купе, я вздрогнул и вскочил от таких же брызг. Но на этот

раз это оказался не Селим. В дверях у меня над головой, завернутая в одеяло и посиневшая от холода, стояла женщина. В руках у нее была кружка с водой. Обеспокоенная своей неосторожностью, она засмеялась и сказала:

— Ой, господин, не моя вина. Это ребенок. Бедняжка только что от жажды лизал стекло. А у меня в термосе осталось немного воды. Хотела напоить, но он испугался и дернул рукой, — она еще громче засмеялась, — как оказалось, на ваше счастье.

Быть застигнутым спящим мне всегда доставляло беспокойство, словно я совершил какое-то преступление. Только этот каприз и остался в моей нынешней бродячей жизни от роскоши прежних лет.

— Ничего, пустяки, уважаемая, — заверил я, стараясь прийти в себя, и улыбнулся.

Вот уже четыре дня, как я ехал на почтовом поезде из Диярбакыра*.

На дороге до Февзипаша** из-за невиданной за многие годы снежной бури поезд очень сильно задерживался. Дальше до Тавра*** хоть немного, но стало лучше. Однако после выхода из туннеля в Позанты**** мы попали в метель сильнее прежней. Мело без перерыва. Стекла в поезде покрылись льдом, из-за табачного дыма воздух в вагоне был тяжелым и спер-

---

* Диярбакыр — город на юго-востоке Турции. (Здесь и далее примеч. пер.)

** Февзипаша — город западнее Диярбакыра недалеко от границы с Сирией.

*** Тавр — хребет в южной части Азии. Общая протяженность от озера Эгридир на западе до верховья реки Евфрат на востоке — 600 км.

**** Позанты — поселение близ Тавра.

тым. Из-за этого трудно было определить, где мы находимся.

Казалось, поезд ехал сам по себе, наугад, простаивая часами на маленьких станциях и платформах. В конце концов мы надолго застряли на станции какого-то маленького городка, название которого не хотелось и спрашивать.

Я уже имею некоторый опыт в подобного рода путешествиях. Помню, что очень давно по этой же дороге мы ехали в поход на Канал*. В вагоне нас было сорок солдат. Вместе со мной тогда ехали еще несколько таких же изнеженных стамбульских ребят, каким я был прежде. Помню, что нам очень не нравилась грязь в вагоне, и мы тогда жаловались друг другу на это. Позже в лагере Зеказик** в Египте, когда англичане держали меня и еще одного из оставшихся в живых две недели в какой-то яме, мы вспоминали наш вагон, и он казался нам люксом. Думаю, это навсегда останется в моей памяти.

Сейчас я уже не в том возрасте, но знаю, что все же должен воспринимать свой угол в этом застрявшем в снегу почтовом поезде как один из подарков, дарованных мне судьбой.

Вся трудность моего путешествия заключалась еще и в том, что со мною следовал мой больной четырехлетний друг.

Наконец буря немного унялась, вокруг стало очень тихо, и мы погрузились в сон. Этот сон, наверное, длился довольно долго, так как, когда меня слу-

---

* Во время Первой мировой войны общее название двух военных операций, организованных османами в Египте, для того чтобы помешать англичанам переправить свои войска на западный фронт, через Суэцкий канал.

** Зеказик — лагерь, названный по местности в Египте.

чайно разбудила эта женщина, за окном было совсем темно.

Из соседей по купе, кроме спящего старика в мягких домашних тапочках, завернутого в желтое одеяло, никого не осталось. Этот бедняга искал своего внука, который убежал из дома с какой-то певичкой. И даже во сне он спорил с ним, а иногда проснувшись, не отличив сон от реальности, продолжал ругаться, но уже вслух: «Станешь ли ты когда-нибудь человеком?»

Так вот, если не считать старика, то в купе мы с женщиной были почти одни. Я уже упомянул, что быть застигнутым во время сна, мне всегда доставляло беспокойство, словно я совершил какое-то преступление. По правде говоря, я просто боялся выглядеть смешным. В молодости я был влюблен в одну девушку. Помню, что когда думал о нашем с ней будущем, то принимал подобного рода решения: «Если женюсь на ней, то мы обязательно должны спать в разных комнатах, она не должна видеть моего лица, когда я буду спать». Как я уже говорил, только это и осталось от моей прежней, роскошной жизни.

Было видно, что женщина в одеяле не собирается отходить от дверей.

— Когда давала ему воды, он очень испугался, — сказала она, а потом спросила у ребенка: — Почему ты все время молчишь?

— Он всегда такой молчаливый, уважаемая...

— Ваш?

— Да, четыре-пять дней как мой, — не сразу ответил я.

Она так звонко рассмеялась, что даже закашлялась. И словно спеша рассказать, чем вызван смех, не дожидая пока пройдет кашель, давась, она начала объяснять:

— Господин, какое совпадение! У меня тоже один такой ребенок есть. Вот уже недели две как. Какое

счастье без труда, без затрат обзавестись ребенком. Может, в будущем поженим их и станем с вами сватами. У меня ведь девочка. Будете в восторге, когда ее увидите. А вы ее обязательно увидите.

За эти четыре дня мы сблизились не только с соседями по вагону, но и с пассажирами из других вагонов. Однако эту женщину я видел впервые. Наверное, она села на какой-то ближайшей станции. По ее внешнему виду можно было предположить, что она взбалмошная, болтливая, привыкшая к мужскому обществу. Скорее всего, певичка в одном из клубов Анатолии.

Моя новая знакомая оказалась маленького роста и довольно упитанная. Когда говорила, она постоянно жестикулировала, время от времени поправляя спадавшее с головы и тела одеяло. Это получалось у нее ловко и изящно.

Из-за того, что свет падал сзади, я не смог хорошо разглядеть ее лица. Только заметил, что оно круглое и без следов краски. Но когда женщина говорила, нижняя часть ее лица вытягивалась, и оно заострялось к низу.

— Если разрешите, я присяду, — произнесла она и, не дожидаясь приглашения, устроилась напротив.

После этого, словно собираясь рассказать что-то тайное и очень важное, приблизила свою голову ко мне и, понизив голос, сказала:

— Знаете, господин, эти бороды и усы очень страшная вещь. Вот уже двадцать четыре часа их перед глазами вижу, и поверьте — все холодеет внутри. Гази*, да благословит его Аллах, очень хорошо сде-

---

* Гази — звание героя-победителя, присуждаемое правительством особо отличившимся командирам и городам. В данном случае имеется в виду Гази Мустафа Кемаль-паша (1881–1938) — первый президент Республиканской Турции. Турецкий парламент присвоил ему имя Ататюрк (отец турок).

лал, что заставил всех бриться. Скажете: «Тебе что за дело до чужих бород», и, возможно, окажетесь правы, но не думать не получается.

Я не смог сдержаться и рассмеялся. Только одним этим замечанием она сумела превратить этот нищенский поезд, в котором дети вот уже как четыре дня от жажды лизали стекла, в балаган. Не обращая внимания на мужчин и женщин, которые, спасаясь от холода, замотали вокруг поясов пледы, одеяла и даже мешки, а на головах смастерили из всякого барахла колпаки, да и на другие безобразия, она заметила только обросших бородами мужчин. В этой обстановке очень странное замечание, однако — верное. Только после ее слов я заметил, что в поезде кроме меня не осталось ни одного бритого мужчины. Бритье было для меня каким-то наваждением. Даже в лагере Зеказик, когда мы сидели с ребятами в яме и ждали, что нас вот-вот поведут на расстрел, даже тогда, найдя ржавый кусок лезвия, я не забывал побриться.

Оглядевшись, я понял, что в словах женщины прозвучал скрытый комплимент в мой адрес.

Я тоже не удержался, чтобы не сделать ей ответный комплимент, хотя вовсе не был разговорчивым человеком.

— Со вчерашнего дня я иногда слышу, как кто-то поет очень красивым голосом. Не вам ли он принадлежит?

— Да, мне. Пою от скуки, господин, а не то в драку полезу. О Аллах, как дерутся люди... Даже женщины... А разве есть другой способ согреться?

Она опять рассмеялась до кашля и стала рассказывать о своем вагоне, в который села на станции Нарлы*.

---

*Нарлы — небольшой городок на юго-востоке Турции.

— Вы не представляете, куда я попала! В одном купе со мной едет одна семья из Харпута*. Куча детей и женщин... Одежда, корзины... Ребятишки орут и дерутся... Женщины, стараясь их утихомирить, грызутся между собой. А их отец следует в соседнем купе. Если верить его словам, он болен. Вот он время от времени приходит их успокоить и таким голосом, который никак не вяжется со столь хилым человеком, начинает истошно орать. Хоть уши затыкай. С его слов я поняла, что он едет в больницу и там ему должны сделать операцию на горло. Так вот этот господин, чтобы хоть как-то спастись от холода, на одной из станций купил целую кучу мешков. А когда женщины стали их натягивать на себя, вроде пелерин, я не выдержала и рассмеялась. Но потом, испугавшись, спохватилась. А что, если они перестанут между собой ссориться и все разом ополчатся на меня? Но все обошлось. Мы даже подружились. Теперь уже, когда детишки начинали озорничать, я даже на них покрикивать стала. А женщинам я пела песни. Я ведь певица. Заметили, я не говорю, что артистка. Я так зла на дилетантов, которые, выучив две песни, выходят на сцену, считают себя артистами, что само это слово мне опротивело, поэтому я предпочитаю называть себя певицей... Вот возвращаюсь с гастролей. Была в стороне Урфы** и Антепа***. Меня очень любят и хорошо принимают в Анатолии. Случайно не приходилось вам слышать Айшевен?

---

* Харпут — город в Турции. В наши дни один из центров туризма, славится своими крепостями, церквями и мечетями.

** Урфа — полное название Шанлыурфа — город на юго-востоке Турции.

*** Антеп — полное название Газиантеп — город на юго-востоке Турции, расположен в местности с 6000-летней историей.

— Очень красивое имя, — произнес я, чтобы не говорить «нет».

— Красивое, но это псевдоним. Сцена того требует. А настоящее мое имя — Макбуле. Может, и древнее, но оно мне больше нравится. Да, вернемся к ребенку. Я ее недели две назад на улице нашла. А если точнее, то у себя в номере отеля. Комиссар задавал очень много вопросов: «Кто такая? Чья будет? Что делает в моем номере?» Я ему и говорю: «Мне откуда знать, милоч, разве есть разница между отелем и улицей... Бросил кто-то... А вы думаете, что я ее в перерыве между песнями быстренько родила и теперь здесь прячу? А если б к вам в участок подбросили, значит, была бы ваша? Ладно, давайте прекратим этот базар... Отдайте ее мне, и дело с концом...»

В лучах света, бывшего сбоку, я смог получше разглядеть черты ее лица. Это была женщина тридцати-тридцати двух лет. Скорее даже не женщина, а нечто среднее между скандальной бабой и так и не повзрослевшей девочкой-подростком. Говоря о чем-то, она перескакивала с одного на другое. Ее маленький нос картошкой с тонкими, трепетными ноздрями постоянно словно обнюхивал все вокруг. В противоположность носу губы были большими и чувственными, со следами помады. И все бы ничего, но стоило мне представить, как она, словно базарная баба, начнет ругаться, становилось не по себе. Один голос чего стоит...

Вначале мне показалось, что ее кашель после смеха, из-за какой-то болезни, но потом понял, что это просто тик. Голос немного глухой и надтреснутый... Однако, как и тогда, когда она рассказывала о подброшенном в ее номер ребенке, да и вообще если говорила о чем-то ей приятном, то в ее голосе слышалась ка-

кая-то странная мелодика, которую я редко встречал у других людей. И если ее слова о том, что в Анатолии народ ее очень любит правда, то наверняка благодаря этой особенности.

Спящий рядом с нами старик зашевелился. Раскрыв огромные глаза, он, как всегда, принялся ругаться:

— Станешь ли ты человеком?.. Станешь ли ты человеком?..

Казалось, женщина нисколько не удивилась такому поведению. Рассмеявшись, она спросила:

— Кто станет, отец, мы?

В коридоре появился проводник с фонарем. Наше купе осветилось слабым светом, и мы снова сумели разглядеть друг друга.

В руках у проводника были свечи. Протягивая нам одну из них, он сказал:

— Стоять будем еще два часа — это официальное сообщение. Но мы можем задержаться здесь и до утра, поэтому постарайтесь экономить и обойтись одной свечой...

Однако все дело заключалось не только в этой свече. Пока ночь полностью не вступила в свои права, надо было позаботиться о еде. Кстати, и тихо в нашем вагоне было по этой же причине. Я рассказал женщине, что собираюсь сделать, и попросил разрешения отлучиться.

— Если хотите, я и вам чего-нибудь прихвачу, — выходя, предложил я.

— Не утруждайтесь, — ответила она. — В нашем купе, кроме птичьего молока, остальное все есть: фаршированные перцы, пироги, жаркое... Спою парочку песен, и будет все в порядке. Даже знаете что, дайте мне вашего мальчишку... Я его накормлю и рядом с моей уложу...

Она посадила Исмаиля на колени и два раза поцеловала, хотя он давно вышел из того возраста, чтобы с ним обращались, как с маленьким.

— О Аллах, столько проговорила, а где вы нашли малыша, так и не спросила, — спохватилась она.

«История моего мальчика намного длиннее!» — чуть не вырвалось у меня, но я промолчал. Однако чтобы не оставлять женщину совсем без ответа, сказал:

— Он мне не чужой, сын брата.

Глава вторая

Сразу за станцией в одном из бараков, наполовину заваленных снегом, горел свет. Я пошел в ту сторону. Это оказалась кофейня. Зайдя туда, я понял, почему наш поезд был пуст. Большинство пассажиров сидели здесь, и по их лицам можно было сказать, что они вполне довольны, что, вовремя спохватившись, нашли себе провизию. А сейчас, собравшись вокруг нескольких печей, в которые время от времени подкидывали хворост, они пили чай и играли кто в карты, а кто в нарды.

Я сел в углу и тоже попросил чаю. На столе лежала потрепанная газета «Кероглу». Я решил полистать ее, пока пил чай с печеньями, которые завалились у Исмаиля в карманах. Я давно потерял счет времени, поэтому точно не мог определить, сколько я там пробыл. Иногда я просил подлить кипятку. И так с газетой «Кероглу» и чаем, слушая иногда вспыхивающие между играющими ссоры, я не заметил, как прошли часы.

Вдруг недалеко послышалась музыка. Хозяин кофейни сказал сидевшим за соседним столиком, что в доме культуры сегодня играют свадьбу. Сразу после его слов в кофейню вошел толстый мужчина с круглым красным лицом, в смокинге с лентой че-

рез плечо. Вместе с ним были два бедно одетых мальчика.

— Хюсмен, мы опять к тебе за помощью, — обратился он к хозяину кофейни. — Нам нужны твои стулья...

— Хорошо говоришь, а где, скажи на милость, мои клиенты сидеть будут?

Мужчина в смокинге, подумав полсекунды, нашел выход из сложившейся ситуации.

— Друзья мои! — громко воскликнул он. — Это судьба, что ваш поезд застрял в нашем городе. Я директор дома культуры. Сегодня вечером мы женим одного молодого офицера. Я всех вас приглашаю на свадьбу. Дом культуры — общественный дом, значит, для народа. Мы все приятно проведем время. Поезд здесь застрял как минимум до завтрашнего утра. Я поговорю с начальником станции, если случится что-то непредвиденное, он нам сообщит... Одним словом, если вы соблаговолите быть рядом с нами в эту праздничную счастливую ночь, вы окажете нам огромную честь.

В городе с единственным оставшимся открытым магазином, где кроме монопольной раки больше ничего не купишь, обнаружить дом культуры, где играли свадьбу, и вправду было радостным событием.

Один из пассажиров радостно захлопал в ладоши, все другие поддержали его. Доски из-под нардов с грохотом стали захлопываться, люди стали спешно одеваться. Через две минуты в кофейне кроме двух местных и меня никого не осталось.

— Господин, а вы не пойдете? — спросил хозяин.

— Здесь мне поспокойнее будет, — ответил я извиняющимся тоном.

В большом скоплении людей я всегда ощущал какой-то страх. Доктора, кажется, говорили, что это

агорафобия, то есть боязнь открытого пространства... Эта болезнь появилась у меня после Египта, когда я начал постепенно возвращаться к нормальной жизни.

Однако директор дома культуры вернулся снова, на этот раз за стаканами, и тут увидел меня сидящего в углу за столиком.

— Дорогой мой, разве можно нас так расстраивать? — спросил он и чуть ли не силой потащил меня за собой.

С большим трудом, в разыгравшейся с новой силой метели, мы преодолели несколько улиц. Директор часто включал электрический фонарик, чтобы показать мне дорогу, и иногда останавливался стряхнуть снег со своего смокинга. Он словно не чувствовал холода. Уж очень ему хотелось быть полезным, и это у него превосходно получалось.

Когда мы свернули за угол, перед нами выросло здание со ступенями и куполами, которые чем-то напоминали хамам. У дверей под светом, рассеянным метелью, показалась толпа народу. Директор, взяв меня за запястье, стал расталкивать толпу. К нему обратился мужчина с довольно взрослым мальчуганом на плечах.

— Послушай, хоть этого возьми и пристрой там где-нибудь, — стал просить он. — Плачет, кашляет...

— Что за вздор, приятель? В Турецкой республике нет сирот, — бросил в ответ директор.

Директор не выпускал моей руки даже когда, растолкав молодых парней с лентами, мы прошли внутрь. Несмотря на то, что пришел последним, я стал его особенным гостем. Он хотел обязательно провести меня вперед к самой сцене. Он сжал мое запястье, словно тисками, и ни на минуту не ослаблял хватку. Так мы добрались до середины зала. Люди си-

дели чуть ли не на коленях друг у друга. В такой давке невозможно было сделать даже шаг. Мне показалось, что мы застряли. Как раз в тот момент оркестр заиграл гимн. Все поднялись на ноги. Тогда директор очень проворно выхватил стул из-под одного из гостей и, подняв его в воздух, поставил у стола в паре шагов от него.

— Для уважаемого гостя, — объяснил он.

Это был стол для гостей работников юстиции. Даже в самые сложные моменты моей жизни я всегда старался следить за своим внешним видом, поэтому они приняли меня за одного из своих и встретили очень хорошо. Председатель суда по профессиональной привычке спросил, кто я такой и чем занимаюсь. А я, чтобы не сказать, что их уважаемый гость работает секретарем в магазине, где продается краска, тихо ответил:

— В торговом секторе.

Было похоже, что предстоящий разговор будет не из приятных. Однако после гимна заиграл марш Мендельсона, и это спасло мое положение. Жених и невеста стали проходить под скрещенными молодыми офицерами саблями. Потом последовали поздравления, объятия. Наконец директор, как фокусник, вытягивая одно слово из другого, произнес прекрасную речь о том, что нет народа без населения, населения — без свадьбы, а свадьбы в это сложное время нет без дома культуры. Он посмотрел на вытященное из кармана свидетельство о браке и сообщил, что эта свадьба пятнадцатая в этом году, и пообещал, что до конца года их станет уже двадцать. А потом, сохраняя серьезный вид, заявил, что, если это число не будет достигнуто, он отправит свою жену на пенсию и женится еще раз. Потом все засмеялись и раздались аплодисменты.

С первого ряда поднялась пожилая женщина в соломенной шляпе, по всей видимости, его жена.

— Даст Аллах, не доживешь ты до этих дней, чтоб тебя... — прокричала она, чем еще больше развеселила публику.

После нее поднялся седоволосый худой мужчина.

— Даю честное слово, ёнге*. Если этот прохвост сделает такую глупость, я ему над головой вместо сабель из дубовых палок такую триумфальную арку смастерю, что народ от удивления рты разинет, — пообещал он.

После его слов радостное возбуждение охватило всех. И даже до этого момента сохранявшие серьезность, словно за судейской кафедрой, судьи засмеялись и зааплодировали.

— Хорош, ничего не скажешь! Такого днем с огнем не сыщешь, — сказал один из них.

Кто знает, когда построили этот постоянный двор, в котором мы сейчас находились. По краям всего здания был навес, под которым прятались путники в такую же погоду, как и у нас сейчас. Печи, где они разводили огонь, и столбы, к которым привязывали своих коней, до сих пор стояли на своих местах. Сколько воды утекло с тех пор! Прошли века, и вот уже мы очутились в этом месте. Здесь кое-что поменяли и подкрасили, и получился превосходный дом культуры. Повсюду между столбами были развешаны красные и зеленые флажки с зазубринами на концах, сделанные из бумаги. То там, то тут из-под осыпавшейся штукатурки виднелась обшивка, со временем ставшая похожей на черное дерево. На ней были заметны написанные ког-

---

* Енге — обращение к жене друга.

да-то афоризмы и, напоминающие схватку Баттала* Гази, картины Войны за независимость...

Как всегда, мне захотелось раствориться в толпе, чтобы обо мне никто не вспомнил. Однако и тут директор не оставил меня в покое. Впереди у самой сцены за столом сидела многочисленная группа: стоящий с самого начала праздника на ногах и целовавший в лоб невесту и жениха генерал; рядом с ним два высокого звания офицера; одетые с иголки несколько гражданских; женщины, напоминающие павлинов в своих сверкающих платьях и шляпках с перьями...

Между ними ко мне спиной, завернувшись в шубу, сидела светловолосая женщина. Ее движения и звонкий смех, после которого непременно следовал кашель, напомнили мне мою попутчицу с поезда. Но это, конечно же, было практически исключено. До такой степени я уверил себя в невозможности подобного, что даже когда она вместе с другими барышнями обернулась, я не поверил своим глазам. Однако она, заметив меня, улыбнулась и поздоровалась. После чего сделала весьма бесцеремонный жест. Как в пантомиме, она изобразила объятия, а потом положила голову на запястья рук, словно этим хотела показать, что дети в поезде крепко спят, прижавшись друг к другу. Потом она рассказала что-то обо мне генералу и сидящим за столом. Это я понял по тому, как они все разом обернулись и посмотрели в мою сторону. Все это стало причиной того, что директор дома культуры снова вспомнил обо мне и уже не оставлял меня в покое ни на минуту. Таким образом, я был приглашен за

---

* Баттал Гази (Сейид Баттал Гази) — лидер, живший предположительно в VIII веке, о котором сложено множество легенд.

стол к почетным гостям. Этой ночью мое социальное положение становилось все выше и выше. Пойти против воли директора и отказаться от приглашения было просто невозможно. Я даже не сомневался, что, если откажусь, он вцепится в мое запястье и все равно приведет меня к столу. Поэтому, чтобы больше не позориться, я согласился. Отступать не было смысла.

Глава третья

По своей природе я застенчивый человек. Однако мне не нравится испытывать чувство неловкости, когда я попадаю в шумную компанию. Каким, по моему представлению, являлось социальное положение моих собеседников, в таком духе я и начинал с ними разговаривать. Наверное, это можно считать одним из моих комплексов неполноценности...

Было невозможно понять, как Макбуле учуяла запах свадьбы, как она умудрилась нарядиться и накрастись среди одеял и корзин семьи из Харпута, а самое главное — как ей удалось сесть по правую руку от генерала. Наверное, и меня она выставила в лучшем свете, если меня приняли за важного человека и усадили за стол для уважаемых гостей.

Женщина еще раз поведала историю о том, о чем показывала пантомимой. Она так рассказывала о том, как укладывала спать детей, что у меня сложилось впечатление, что мы с ней муж и жена. Подумав об этом, я сразу испугался: а что, если и другие так же решат?

Генерал оказался благородным и весьма приятным человеком. Обратившись ко мне, он сказал:

— Это большая удача, что среди нас находится знаменитая певица. А что, если попросить ее продемонстрировать нам свой прекрасный голос? Как вы думаете, это не будет выглядеть неучтиво?

— Да разве мы можем упустить такой шанс! — воскликнул директор, опершись спиной о край сцены. — Слава о госпоже Айсель гремит по всей Турции. И вот дорога привела ее в наш дом культуры. Она не может покинуть нас, не окрасив наши своды звуком своего божественного голоса.

Макбуле сказала начальнику, что ее зовут Айшевен, а не Айсель, потом повернулась к генералу.

— Для меня это большая часть, паша! Большая честь! — произнесла она и снова рассмеялась до капли. Затем продолжила: — После столь ужасного путешествия, вы думаете, что у меня сохранился голос? Однако я все же попробую... Вот только где мы найдем аккомпанемент?

С места поднялся седой мужчина, который недавно обещал директору сделать триумфальную арку из дубовых палок.

— Наш джазовый оркестр, наверное, сможет сыграть народную турецкую музыку. Только, госпожа, сможете ли вы спеть под сопровождение трубы?

После его слов все засмеялись.

Этому человеку было лет пятьдесят пять-шестьдесят. Но он казался высохшим стариком. Его шея была немного всегда повернута в сторону, у него был выпуклый лоб, впалые щеки, а наружный край правого глаза слегка подпорчен оспой. Его тонкие щеголеватые усики по этой же причине осыпались в нескольких местах.

Потому как все во главе с генералом смеялись и аплодировали ему, стало понятно, что это известная и всеми любимая личность в городе.

— Ходжа*, если ты захочешь, то всегда найдешь выход, — сказал генерал.

---

* Ходжа — обращение к учителю.

— Самый лучший выход из этого положения — это мой уд*. Он, безусловно, лучше трубы, — заверил старик, еще больше изогнув шею. — Однако в такую погоду как его из дому-то принесешь?

Директор сразу отправил домой к старику машину.

Среди приглашенных находился один хорошо одетый мужчина. Почему-то мой взгляд то и дело задерживался на нем. Макбуле, заметив это, сказала, что и он из нашего поезда и едет в плацкартном вагоне, который подцепили к нам в Февзипаша. Хорошо-то оно хорошо, но что делает среди нас этот аристократ, если у него в поезде купе с теплой постелью?

Один раз Макбуле, прижав свои губы к моему уху, попыталась посплетничать, щекоча перепонку своим простуженным голосом.

— Рядом с ним в каракуле — машинистка, — шептала она. — По всей вероятности, делит с ним купе. Удобно как, правда?

Меня прошиб пот: с одной стороны, я боялся, как бы кто-нибудь из сидящих за столом не услышал ее свистящего шепота. А с другой — того, что люди, увидев нас, могут все превратно истолковать.

Выручил меня из столь щекотливого положения вовремя подоспевший уд.

Директор, взяв Макбуле за руку, под бурные аплодисменты вывел ее на сцену и хотел посадить в принесенное из его кабинета кресло. Однако она наотрез отказалась и, осторожно пройдя на середину сцены, остановилась.

Бурными аплодисментами и свистом зрители просили ее петь снова и снова. По правде говоря, песни оказались совсем неплохими. Однако человек с арис-

---

* Уд — музыкальный инструмент, распространенный на Ближнем Востоке и в странах Магриба.

тократичной внешностью настолько засел у меня в голове, что это мешало мне наслаждаться ее пением. Я очень хорошо знал этого человека — только вот откуда? Начинаящая лысеть острая макушка, большой мясистый нос, словно без хрящей, при каждом повороте головы свисающий то в одну то в другую сторону, глаза, начинающие подрагивать и моргать, если его о чем-то спрашивали. Где я мог видеть все это? В памяти стали проноситься портреты когда-то виденных мной людей: знаменитого профессора юриспруденции, которого я узнал по фотографии в газете, потом щеголеватого торговца-армянина. Однако я быстро отмел эти две кандидатуры. Постепенно его образ стал уносить мои мысли далеко в прошлое — в мое детство. Помню, что в последние годы правления Абдул-Гамида* я часто видел одного прожигателя отцовского состояния. Его можно было встретить то на известных базарах Фенербахче**, то перед театром Минасяна***, то проезжающим в первоклассном фаэтоне, запряженном венгерскими скакунами. Поговаривали, что он был сыном паши Софу Сейфуллаха и что в саду отцовского особняка в Булгурлу построил сцену и играл там в пьесах вместе с самыми настоящими артистами и разными прихлебалами.

Образ его казался настолько противоречив, что не запомнить его было просто невозможно. Ровный

---

* Абдул-Гамид — 34-й султан Османской империи правил с 1876 по 1909 годы. Установил деспотичный режим. Турция при его правлении превратилась в полуколонию западноевропейских стран. (Примеч. ред.)

** Фенербахче — район Стамбула в азиатской части города на берегу Мраморного моря.

*** Минасян — османская драматическая труппа, образованная Мартиросом Минасяном, откуда и получила свое название. (Примеч. ред.)

пробор каштановых волос, нос вроде бы такой же, как и у всех, тонкая талия, теряющаяся в присборенных жакетах; покрытая красными прыщами макушка, нос — словно без хряща, трудно принимающий прежнюю форму, если он иногда вытирал его платком, и круглый, как барабан, живот, никак не вяжущийся с его щуплой фигурой.

Забегая в своих воспоминаниях немного вперед, вижу этот образ опять, но на этот раз более похожий на сегодняшнего аристократа. На этот раз в районе Бейоглу* времен провозглашения конституции в театре «Партизан». Вокруг него, как обычно, полно прихлебал. Вижу, как он бросает из своей ложи на сцену банановую кожуру, а потом на этой же сцене вместе с венгерской танцовщицей танцует кабакчи арап**. Вспомнив все это, я уже не сомневался. Да — это, без сомнения, был он — господин Сервет. Нет ничего удивительного в том, что время так меняет людей. И эти двадцать лет сделали свое дело и наложили свой отпечаток. Однако нельзя было не удивляться прочности состояния паши Софу Сейфуллаха, если его сын до сих пор его не растранижил и может себе позволить путешествовать первым классом в сопровождении машинистки в каракуле...

---

* Бейоглу — один из районов, расположенный в европейской части Стамбула. Включает в себя 45 микрорайонов.

** Кабакчи арап — танец.

Глава четвертая

Время пролетело быстро. С улицы иногда доносился сигнал генеральского автомобиля, гости стали группами расходиться по домам, а зал постепенно пустеть. Прощаясь с нами, генерал, чтобы не зевнуть, стал морщиться и шевелить дрожащими губами, словно читая какой-то документ. Потом, проводив до своей машины оставшуюся последнюю даму, вернулся, помолодев от холода на несколько лет.

— Я еще, пожалуй, останусь, — сказал он. — Весело здесь. Хлопают, в печку дрова подкидывают... В тесноте, да не в обиде.

Человек, который аккомпанировал Макбуле, предложил директору:

— По всему видно, что поезд до утра не тронется. Нет смысла, чтобы наши гости до утра дрожали от холода в вагонах. Пусть проведут ночь здесь...

— Дай Аллах тебе здоровья, ходжа! — воскликнул директор. — Дров много! Раскочегарим печь докрасна... В буфете полно симитов*, поставим самовар и будем пить чай.

Ходжа чуть не летал от восторга.

— Да, и некоторые из нас составят компанию нашим гостям. Хорошо, что уд мы не успели домой отправить...

---

* Симит — бублик, баранка.

Макбуле, повысив голос, сказала:

— Я, ходжа, поняла, что ты хотел этим сказать. Но увольте, я пас. Это было один раз и только по просьбе генерала. Умираю от усталости, подтяну кресло поближе к печке и буду спать.

Ходжа, изогнув еще больше свою и без того кривую шею, произнес:

— Ничего страшного, ты спи! А у меня для пробуждения спящих такие номера есть — закачаешься!

Наблюдая за перепалкой, нельзя было не удивляться тому, как эти двое за столь короткий срок стали такими закадычными друзьями.

— Нет, нет, ходжа, — сказал директор, найдя подходящий случай, чтобы оставить его, — ты должен пойти домой и лечь спать! Мы еще сможем вынести бессонную ночь, а вот ты — нет! Ты же у нас старый!

— Хорошо задел, прямо за живое, ничего не скажешь. Но не переживай, я как-нибудь потерплю. И так скоро выплюсь — засну вечным сном! — А потом, повернувшись в нашу сторону, продолжил: — Бесстыдник, конечно, но... Да храни его Аллах, если бы не этот дом культуры, протухли бы мы здесь... Да, именно протухли, другого слова нет.

Произнося это, ходжа, словно задыхаясь, поднял голову к потолку и пальцами старался ослабить воротничок рубашки.

Этот человек обладал одной странной чертой. Я огляделся — среди стольких людей он выглядел чудновато: изрытое оспой лицо, заячья губа, маленькие глазки, блестящие, как угольное ушко, выпуклый лоб. Но, не смотря на все это, когда он говорил, он так завораживал собеседника, что его лицо казалось самым прекрасным на свете. И, казалось, более красивого лица я просто не видел.

Эта ночь была ночью неожиданностей. Сидящий за одним из соседних столиков под навесом довольно плотный человек, с трудом раздвигая толпу, тяжело дыша, подошел к нам и встал напротив меня.

— Вы господин Сулейман, не так ли?

Присмотревшись, я тоже его узнал. Это был один из моих старых приятелей по лагерю — фармацевт по имени Азми. Хотя мы в то время не были очень близки, он, чуть не плача, расцеловал меня. Ему сразу нашлось место рядом со мной. По его движениям и разговору стало понятно, что он перенес инсульт. И эти слезы, наверное, тоже были результатом перенесенной болезни.

Азми после возвращения из Египта поселился в этом городе и открыл свою аптеку. По тому, как к нему относились окружающие, стало понятно, что он один из самых уважаемых здесь людей.

Азми поведал генералу о том, что я герой. Это очень испугало меня, я подумал, что они поднимут меня на смех. Ведь все мое геройство заключалось в том, что я, уложив на землю английского надзирателя, отобрал у него оружие, когда тот прикладом хотел ударить одного из моих друзей. За что нас обоих и посадили в узкий сырой подвал на две недели.

Пока на сцене пели и танцевали, Азми гладил меня, как маленького ребенка, и, не переставая, рассказывал о минувших днях. Немного успокоившись, он перешел к другим историям из лагеря Зеказик. На этот раз герои выступали в роли артистов. Он стал говорить о том, как я опять же с моим другом организовали в лагере сцену, самостоятельно оформили ее и начали ставить спектакли. Они были настолько хороши, что даже иногда приходившие посмотреть выступления английские офицеры восхищались нашим мастерством. А Азми,

по его словам, ни в детстве, ходя на спектакли в театр Минасяна, ни после в Дарюльбедаи* не ощущал того восторга, как тогда, когда смотрел на нас в лагере. Пока он это говорил, у меня вертелся вопрос. Мне так хотелось спросить у него, в каких фруктах он находит вкус диких слив, съеденных им в детстве!

От этого театра в лагере у меня осталось несколько смешных воспоминаний. Например: играющая на скрипке под окном любимого девушка. Эту роль мы дали одному рядовому музыканту, нарядив его в женское платье. Стоя у вымышленного окна, вместо скрипки он дудел на трубе. Всякий раз, когда я вспоминаю эту картину, то не могу сдержать улыбки.

Видно, эти воспоминания и всколыхнули в его сердце переживания, которые до сих пор дремали где-то очень глубоко в душе. Вместе с тем этот театр в лагере Египта стал для нас чем-то вроде приюта. Эту сцену мы украшали с большим старанием. Даже переносили с места на место, не обращая внимания на комизм своего положения.

Господин Сервет**, слушая истории о театре, стал смотреть на меня как на очень важного человека.

— Эх... Значит, и вы в него влюблены, — произнес он.

— А разве был в наше время в Стамбуле кто-либо равнодушный к театру? — вместо меня ответил ходжа. — Меня в свое время из-за этого исключили из

---

* Дарюльбедаи — первая османская консерватория. Для ее создания был приглашен из Парижа известный в то время режиссер, постановщик и основатель «Свободного театра» Антуан Андре. (Примеч. ред.)

** Сервет — мужское имя, означающее богатство, состояние.

Бахрие*... Я тогда был морским лейтенантом. Для того чтобы играть, мы собирались в районе Фатиха** в одном доме. Потом на нас донесли во дворец, что, мол, мы готовим заговор против султана... В жандармерии после хорошей взбучки нас отправили кого куда. Мне посчастливилось — я попал в Адану***. После ссылки, мотаясь по свету, я решил осесть здесь.

— Наш уважаемый ходжа Эюр Арсой произнесет речь, — сказал директор, подходя к ходже. — Пусть это будет сюрпризом.

Директор посмотрел на нас и еле слышно добавил:

— Посмотрим, над кем негодник станет издеваться на этот раз. Будем надеяться, что он не выкинет какую-нибудь глупость!..

— Ну, вы меня вынуждаете, — ответил ходжа, потирая руки. — Не знаю, о чем и говорить... И совсем без подготовки... Если разрешите, начну я, пожалуй, с директора дома культуры...

Он показал нам небольшую пантомиму, в которой безжалостно изображал директора, показывая, как он, якобы приглашая на танец барышень, потом гладит их по мягкому месту.

Директор, смотря на все это, только руками разводил, а потом, не выдержав, выкрикнул:

— Ах негодник ходжа! Клянусь Аллахом, я тебе тоже подготовил сюрприз. Сейчас расскажу всем, какие глупости ты творишь в твои-то годы...

Ходжа сразу прервал свое выступление.

---

* Бахрие — морское ведомство (министерство).

** Фатих — микрорайон Стамбула в европейской части города.

*** Адана — областной центр на юге Турции, на северо-западной границе с Сирией.

— О Аллах! — воскликнул он и стал артистично кидаться то в один, то в другой угол сцены.

Все засмеялись. Пройгнорировав наш стол, ходжа сел за столик начальника уезда.

— Послушай, ты вроде как пошутил, а ходжа так испугался, так смутился, честное слово, — сказал начальник уезда директору.

— Разве у него осталась совесть, чтобы смущаться? Набедокурил, а теперь боится, что все расскажу...

— Да бросьте вы, не надо, господин директор.

— Да разве я на такое способен, дорогой мой! Просто решил пошутить. Хотел немного припугнуть, а он не оставил возможности насладиться...

Тут директор опять вспомнил обо мне.

— Слушай, дружище! Дай я тебя познакомлю с начальником нашего уезда!

Теперь все мы были у стола начальника уезда. Азми опять стал рассказывать о лагере Зеказик. Как он однажды с другом решил совершить побег, но англичане их схватили и три дня продержали в яме.

— Хромата моего друга и моя плохая речь — это последствия того случая, — объяснил он.

Пока он говорил, я услышал, как ходжа произнес странные слова:

— В своей стране одно, а на чужбине — совсем другое. Куда побежишь?!

На эти слова никто не обратил внимания, однако я после этого стал внимательнее присматриваться к нему.

— В этом лагере мы организовали театр, — продолжал рассказывать Азми. — На руках у нас не было текстов пьес, поэтому записывали то, что помнили наизусть, и декорации тоже по памяти делали. Наш театр прославил этот лагерь.

Когда завели разговор о театре, страдания господина Сервета возобновились. Он поднялся со своего

места и, подойдя ко мне, хотел было о чем-то спросить, но и на этот раз ходжа влез в разговор.

Прошрое со своими запахами и надеждами окутало нас. Я не узнавал себя.

— Мы смогли уйти намного дальше, чем можно было надеяться, — прошептал я ходже на ухо ответ на поставивший меня задуматься вопрос.

На этот раз он на меня посмотрел. В его глазах читалось глубокое сострадание. Мы словно были опьянены каким-то неизвестным напитком. Прошрое, как кинолента, проплывало перед нашими глазами и таяло. Все это и повлекло за собой самое непредвиденное — ходжа и господин Сервет решили поставить пьесу. Это решение они приняли под запах свежезаваренного чая и сырных бубликов, подогревающихся на печи. В результате эта ночь стала незабываемой. Все стали самими собой. Все были детьми.

Быстренько стали готовиться. Вечером во время свадьбы была поставлена пьеса о Родине силами театрального кружка дома культуры. От них остались некоторые вещи. Из них мы смастерили янычарские кавуки* и мантии. Среди людей, приведенных в возбуждение этими приготовлениями, была и Макбуле. На этот раз она вела себя как маленькая девочка.

— И я, и я тоже буду играть, не правда ли? — спрашивала она, словно ребенок, который боится, что его не примут в игру.

Было решено, что в роли Пишекяра** выступит важный господин Сервет, а в роли Кавуклу*** — ходжа.

---

* Кавук — головной убор.

** Пишекяр — действующее лицо в турецком народном театральном представлении Орта-оюну.

*** Кавук — один из главных персонажей в народном театре орта-оюну.

На них надели мантии и кавуки. Любителей из кружка дома культуры тоже нарядили в подходящих персонажей. Вместо зурны нашли кларнет и начали играть пьесу «Кровавая Нигяр*».

Еще в самом начале было ясно, что и господин Сервет и ходжа как раз из тех людей, которые готовы ради этой страсти пожертвовать жизнями.

Господин Сервет не выговаривал букву «р». Вместо «р» он произносил «й». Он знал все диалоги наизусть, и ходжа тоже. Кроме того, у ходжи имелся огромный талант к пародированию и очень богатая фантазия.

Господин Сервет был далеким от жизни, простодушным человеком. И ходжа, пользуясь этим, стал изображать его, смеясь над тем, что господин Сервет не может произносить букву «р», и вместо «раки» произносит «йаки», а вместо «рыба» — «йыба». Ходжа и окружающих не оставил без внимания. Например, подзвав музыканта в белой рубашке, играющего на зурне, заставил его влезть на стул, а потом тайком прицепил ему к задку кусок газеты, приготовленный заранее. И директору дома культуры тоже от него досталось. Да так, что тот вмешался в ход представления, крича со своего места. Нельзя было узнать и Макбуле. Она стояла в конце сцены в чадре и все роли исполняла невероятно правдоподобно. Играя девочку-подростка, она превращалась в настоящего ребенка; то становилась дряхлой старухой, принимающей в дом одного за другим распутников, и кричала: «Девочки, закрывайте двери на засов!» Мы так смеялись! Даже генерал, сидевший очень прямо, словно боясь спутнуть муху на своей голове, стучал каблуками и заливался смехом.

Между выступлениями ходжа опять обратился к зрителям со сцены:

---

* Нигяр — женское имя, означающее «красавица».

— Друзья мои, сейчас я представлю вашему вниманию несколько оригинальных пародий. Посмотрим, понравятся ли они вам? Однако это не столь любимые директором миниатюры о медведе и волке... Это пародии на некоторых старых артистов. Я надеюсь, что они понравятся нашим гостям из Стамбула.

После того как занавес вновь открылся, он стал изображать артистов из труппы театра Минасяна. Это была импровизация, которую я нигде до этого не видел. Минасян, Холас, Бинемесиянлар — одним словом, вся Османская драматическая школа в полном составе. Самые яркие воспоминания детства оживали в моем сознании: «Продавцы восковых свечей», «Дама с камелиями», «Парижские бедняки» — своими голосами, и они смеялись и жаловались на судьбу.

Один раз наши взгляды с господином Серветом встретились. Он растерялся и, казалось, пребывал в замешательстве.

— Господин, это что такое? Это уже слишком. Это не может происходить на самом деле, — сказал он мне.

Однако немного погодя мы увидели еще более невероятные вещи. На этот раз ходжа играл Кель Хасана*. Это даже назвать ролью невозможно, потому что это был сам Кель Хасан — собственной персоной. Высокий, как доска, худой с усами и бровями, намазанными кофейной гущей, с усталым видом он тяжело шел по сцене. И тонким слабым голосом говорил:

— По такой погоде, когда хороший хозяин собаку на улицу не выгонит, пришел я к вам предать привет от Караджаахмета**. — Потом, сделав вид, что только что заметил директора, продолжил: — А, Нашит, ты

---

* Кель Хасан — руководитель труппы «Театра импровизации» конца XIX начала XX вв. (Примеч. ред.)

** Караджаахмет — кладбище в Стамбуле. (Примеч. ред.)

тоже здесь... Негодяй, и тут не оставишь меня в покое!

Это была насмешка над директором, так как его нос, как и у Нашита — оказался довольно впечатляющего размера. Однако директор не понял насмешки и с места стал отвечать ему:

— Какая же свадьба без Камбера*?

Потом Ходжа произнес известную реплику из монолога Хасана, в которой говорится о могиле, где он якобы находится.

— Я подумал, что подлецы меня по ошибке в мясной лавке закрили.

Представление продолжалось. На этот раз Маленький Исмаиль и Абди** собирались в гости. Чобанян*** тоже хотел пойти с ними. Однако сафты**** прогнали его, предварительно хорошенечко поколотив.

— Как вы поняли, что я не из ваших? Потому что есть у меня на теле один опознавательный знак, говорящий о том, что я не мусульманин? — всхлипывая, спрашивал Чобанян.

Было показано еще много подобного рода забавных проделок... В конце выступления ходжа сказал:

— Протухнем. — Потом, словно задыхаясь, поднял голову к потолку и, расстегнув пуговицу на воротничке рубашки, набрал в легкие побольше воздуха и облегченно произнес: — И здесь тоже неплохо...

---

* Камбер — раб халифа Али, верный слуга.

** Абди, здесь: название пьесы «Абди, продавец старья». (Примеч. ред.)

*** Чобанян, здесь: Чобанян Аршак (1872–1954) — армянский писатель, критик и историк. Родился в Стамбуле. Писал на армянском и французском языках. (Примеч. ред.)

**** Сафта — унижительная кличка духовного лица.

Неплохо, да только вы, опять-таки, насколько это возможно, постарайтесь здесь надолго не задерживаться! Ну что ж... Не поминайте лихом! — После этих слов он сгорбился, опустил голову на грудь и пошел прочь.

Но, подходя к краю сцены, он еще раз обернулся и подковырнул в последний раз директора, сказав:

— Уважаемый директор, жду тебя среди недели с ночевкой.

Мой взгляд опять скользнул по господину Сервету. Однако на этот раз, чтобы никто не заметил, что он плачет, он повернул голову в сторону и громко вытирал нос. Макбуле вела себя немного естественней, чем все мы. Она не побоялась открыто показывать свои чувства. Ходжа подошел к нам все той же усталой походкой.

— Заставил-таки нас поплакать, — произнесла Макбуле, взяв его за руку и опустив свое заплаканное лицо ему в ладони.

А потом, нисколько не стесняясь, она вытерла свой маленький носик о рукав его рубашки, выглядывающей из-под коротких рукавов. Ее плач, так же как и смех, сопровождал кашель. Это делало ее похожей на ребенка. Ни директор, ни местные гости не могли понять причину ее слез и смотрели друг на друга, широко раскрыв глаза. Однако она не обращала на них никакого внимания и продолжала плакать. Наревевшись вдоволь, она схватила ходжу за руку и, словно женщина, готовая отдаться любимому, с дрожью в голосе произнесла:

— А теперь можешь и за свой уд взяться, я тебе покажу, что значит усталость!

Макбуле вышла на сцену. Пропев несколько строчек, она опять начала плакать и, поняв, что не сможет продолжить, оборвала свою песню.

— Ради Аллаха не подумайте, что я притворяюсь, — сказала она. — Потому что у артистов есть подобные странности. Но я, клянусь Аллахом, ненавижу подобные вещи. И не думайте, что я влюблена. Это давно в прошлом... — После произнесенной речи она опять решила спеть, однако остановилась и добавила: — Однако сегодня я поняла одно: что от тех чувств кое-что все-таки остается у человека в душе.

Генерал, показывая мне на все еще продолжающего украдкой вытирать глаза господина Сервета и Азми, спросил:

— Странное дело плакать от пародии, вы не находите? Ладно, она женщина... Но с этими что? А что вы думаете по этому поводу?

Он не понимал, что дивизионному генералу спрашивать мнение офицера запаса — это и есть своего рода плач.

Почему мы все почувствовали печаль? Может, потому что на улице свирепствовала метель, и это вывело нас из равновесия. А может быть, по другой причине, которую я, как мне казалось, начинал понимать.

— Они плачут не из-за Хасана Минакяна. Они плачут, потому что вспомнили свое детство, паша! — ответил я генералу.

Генерал, наивно улыбаясь, одобрил мои слова.

— Да, вы правы, — сказал он. — Между нами довольно большая разница в возрасте... Однако мы с вами одного поколения. Когда я учился в военной академии, то тоже иногда убегал в театр «Конкордия». И за это не раз был наказан.

Немного в отдалении ходжа опять рассказывал о чем-то собравшимся вокруг него. Он говорил, что с ним приключилось из-за любви к театру. Его рассказ был словно ответом на наш разговор, поэтому мы то-

же замолчали и прислушались. Он был морским лейтенантом. И если бы хорошо постарался, может, из него что-нибудь и вышло бы. Плюс ко всему ходжа оказался искусным оратором: к нему прислушивались. Краем глаза он заметил, что генерал смотрит на него, и продолжил:

— То, о чем я говорю, это не вымысел. Если сегодня ночью во всем Стамбуле погода такая же, как и в Коджамустафапаше*, это значит, что старый майор в отставке жжет ненужные коробки и ящики, или же будущий благословенный шахит** бежит с корабля, стоящего на якоре в халиче, бежит подале, чтобы играть в пьесе... Однажды летним субботним вечером в парке вместе с Хамди он играет в «Кровавой Нигяр». Он в роли Зенне. Спросите, почему в роли Зенне***? Да чтобы под покрывалом его никто не узнал... Но покойный маленький Исмаиль оступается и переворачивает все на сцене... Мушмула**** летит в одну сторону, чаршафы и покрывала, — в другую. Тут представители закона ловят ходжу под покрывалом в подвернутых до самых колен штанах, с румянами на щеках и пудрой на усах...

— Знаю, знаю, я не был там, но слышал! — прокричал господин Сервет в полном экстазе.

— Вот спасибо тебе, — поблагодарил его ходжа и продолжил свой рассказ: — Казалось бы, после того позора взяться бы за ум! Но нет... На этот раз с при-

---

* Коджамустафапаша — район Стамбула (*Примеч. ред.*)

** Шахит — так говорят о мусульманине, погибшем, убитом на войне, павшем в бою.

*** Зенне — актер, играющий женские роли в народном театре Орта-ойну.

**** Мушмула — род листопадных растений семейства розовых. (*Примеч. ред.*)

ятелями вместе они собрались, чтобы играть в орта-оюну* в Сюлеймании**. И однажды ночью были захвачены врасплох... Даже господин Сакаллы Ахмет был с нами, — добавил ходжа, обращаясь к господину Сервету.

— Да, знаю, знаю... — опять стал поддакивать господин Сервет в волнении.

Оказывается, агенты донесли, что стамбульские младотурки*** под руководством Ахмета Ризы**** из Парижа готовят покушение на Абдул-Гамида... Но о какой подготовке могла идти речь, когда у нас в руках были только зурна, барабан да трещотки. Никто ни сном ни духом не ведал ни об Ахмете Ризе, ни о младотурках.

Услышав это, директор не упустил возможности его поддеть.

— Произнося речь на объявлении независимости, не ты ли орал: «Мы младотурки! Эту свободу мы завоевали своими руками!» — спросил он.

— Время требовало подобных речей, — ответил ходжа, обидевшись.

Он хотел было снова начать свой рассказ, но не смог проглотить обиду. Мысли его рассеялись. Он на-

---

* Орта-оюну — турецкий народный театр. (*Примеч. ред.*)

** Сулеймания — провинция на севере Ирака с преимущественно курдским населением (*Примеч. ред.*)

*** Младотурки — политическое движение в Османской империи, которое начиная с 1876 года незаконно пыталось провести либеральные реформы и создать конституционное государственное устройство. Целью младотурков было уничтожение монархии, свержение Абдул-Хамида II. С 1923 года большинство младотурков начали активную деятельность в Республиканской народной партии.

**** Ахмед Риза — один из виднейших младотурок-эмигрантов, пользовался большой популярностью в Турции. После революции 1908 г. был избран председателем палаты депутатов. (*Примеч. ред.*)

чинал и останавливался. Его заячья губа все время подрагивала.

— И ты тоже после войны за независимость произносил речь: «Республику мы завоевали!» Забыл, что ли? — сказал ходжа, после чего продолжил свой рассказ как ни в чем не бывало.

— На этот раз ходжу отправили не на корабль, а в жандармерию. Вот если б и на этот раз отделаться простым телесным наказанием! Однако не тут-то было! Без суда и следствия с него сорвали погоны. И отправили в ссылку в Адану. После ссылки, шатаясь по Анатолии, он осел в этом городке, женился...

Я посмотрел на господина Сервета, и мне стало интересно: может, он сейчас в поисках новой мечты или нового дела? Однако в настоящий момент он был простым поклонником театра.

— Друзья мои, мы должны с вами открыть театр! — воскликнул он. — От отца в Сирии мне кое-то осталось. Я как раз туда ездил улаживать дела. Все расходы я возьму на себя. Я уверен, что мы с вами создадим труппу лучше даже, чем в Дарюльбедаи... И, как в лагере Зеказик, во главе поставим господина Сулеймана. А здание под театр будет как у одного парижского театра — маленькое, зато все при нем. А пока оно будет строиться, мы начнем в другом месте... А потом возьмем и поедem на гастроли по Анатолии. Будьте уверены, что это будет театр, какого еще не было. Только вы мне должны обещать...

Это походило на коллективный сон, причем все спали с открытыми глазами. Ходжа, чтобы не возвращаться в реальность, в волнении закрыл глаза.

— Не может быть, такого просто не может быть, — повторял он. — Однако если все же возможно...

Потом, повернувшись к нам, он спрашивал у каждого, будем ли мы участвовать.

— Все будем, — ответили мы хором.
— Что нам терять! — произнес ходжа.
— Вы так думаете? — спросила Макбуле сквозь слезы.

— Дайте слово... — произнес господин Сервет с жаром. — Только дайте слово... И через несколько месяцев все будет готово.

— Я тоже с вами, — пообещал директор.
Ходжа злился на него за то, что тот портит все дело.

— Нет, ты не можешь, — язвительно сказал он. — Скоро станешь депутатом и будешь играть уже в другом месте!

Руки присутствующих, как в пьесе, для произнесения клятвы легли на стол. Ходжа клялся чуть не плача. Странно то, что среди вытянутых рук была и моя — холодная и неподвижная, готовая следовать всем желаниям и волнениям. Что может из всего этого выйти? Разве мы не проводим время, разве мы не развлекаемся? Разве мы не видим коллективный зимний сон, в котором ожили все наши детские мечты?

В детстве такие сны снятся часто, однако потом все идет своей дорогой, и никто даже не подумает обернуться, чтобы найти друг друга. Однако у нас все вышло совершенно иначе.

Глава пятая

Многие годы я жил в Стамбуле в еврейском пансионе в районе Куледиби. Этот дом находится в одном из тихих проулков. Он до того стар, что его стены снаружи поддерживают подпорки. В этом доме мне принадлежали две смежные комнаты на верхнем этаже. Из окон сквозь доползший почти до самой крыши плющ виднелась часть халича* и Рами**.

Наш магазин по субботам обычно не работал, поэтому у меня впереди были длинные выходные. По натуре я домосед и очень редко без надобности выходил на улицу.

Сидя дома, я часто вспоминал нашу жизнь в лагере в Египте и скучал только по одному. Посреди пустыни, окруженные колючей проволокой и английскими надзирателями, мы чувствовали непреодолимое желание жить. Несмотря на жесткие условия, мозг, как печатный станок, без остановки выдавал все новые и новые мечты и желания. Даже странно, что наши с Азми самые полные надежд дни оказались днями, когда англичане продержали нас в узкой сырой яме.

Если говорить начистоту, то для нас настоящим лагерем Зеказик стал Стамбул в годы перемирия. Потому что бежать было некуда.

---

* Халич — по-турецки — залив. (*Примеч. ред.*)

** Рами — исторический микрорайон Стамбула, расположенный в европейской части города.

В Стамбуле у меня почти никого не осталось. Семья давным-давно разбрелась по свету. Кое-где жили дальние родственники, но и они считали необходимым делать вид, что не знают друг друга. В старых вещах, с незатянувшейся раной на ноге, я казался себе таким жалким и чувствовал себя настолько униженным, что не сомневался: что бы я ни делал, они бы думали, что я собираюсь у них что-то попросить. А я бы не смог убедить их в обратном.

Как-то спускаясь по улице Чакмакчилар, я встретил друга, с которым мы вместе находились в лагере.

— Ты, конечно, помнишь, как мы в пустыне под палящим солнцем шли босиком, — спросил он. — Так вот сейчас, обходя в поисках работы военные министерства да и многие другие места, мои ступни горят еще больше.

В конце концов один еврей нашел мне нынешнюю работу. В магазине, где в куче были свалены кисточки и банки из-под краски, где места хватало только на то, чтобы поставить небольшой стол и стул; где было так темно, что приходилось целый день работать с включенным светом, я сидел в маленькой каморке, считаясь кем-то вроде секретаря. Я составлял бухгалтерские счета. А так как в Египте я немного выучил английский, то еще плюс ко всему писал письма на английском и на французском языках. Иногда хозяин отправлял меня на таможду и во всякого рода государственные инстанции, чтобы проследить за ходом дел. Если бы рана была только на ноге, я, быть может, приложил усилия и мое положение стало бы намного выше прежнего. Однако, видно, не судьба.

* * *

В комнате, окна которой выходили на халич, стоял длинный стол, больше похожий на верстак. Свои вы-

ходные дни я проводил за этим столом, рисуя картины и делая декорации. С тех пор как я взял к себе Исмаиля, я перестал чувствовать себя одиноким. На нашей улице находилась небольшая частная школа, в которой был один подготовительный класс. В него старая еврейка набирала детей работающих матерей. И я тоже каждое утро водил туда Исмаиля. Однако по субботам и воскресеньям мы были вместе. Я боялся, что в школе еврейские ребяташки научат его проказничать, однако он, как и прежде, оставался молчаливым и боязливым ребенком. Исмаиль, как и я, любил рисовать. Я собирал макеты из картона и дерева, а он, сидя на старом коврикe на полу, развлекался тем, что разбирал оставшиеся от макетов кусочки.

Как-то он стал напевать себе под нос не то песню, не то молитву, услышанную у еврейских детей.

— Молодец, Исмаиль, можешь петь громче, — сказал я, стараясь его подбодрить. Однако он совсем замолчал и больше не произнес ни слова.

С самого детства у меня появилось странное влечение к краскам и к их запаху. Это влечение было настолько сильным, что напоминало болезнь. Я помню, как еще ребенком, когда в нашем особняке в Багларбаши красили ставни или в саду отцовский экипаж, я не отходил ни на шаг от коробок с краской, а один раз даже лизнул разбавленную льняным маслом загустевшую краску.

Эту болезнь мой бедный старший брат принял за проявление таланта и даже одно время заставлял меня писать акварелью.

После смерти отца наша многочисленная семья перенесла что-то вроде периода анархии. В то время и мы, пусть в какой-то степени, но стали господами-сервентами. В саду особняка летними вечерами мы сооружали декорации, приглашали соседей и ставили драмы. Несмотря на то что я был самым младшим из

братьев, я превосходил их в мастерстве. Я являлся декоратором нашего театра, а мое лицо и рубашка были постоянно вымазаны в краске. Однако мы не могли позволить себе быть расточительными, как господин Сервет, потому что отец, кроме всего прочего, оставил нам и свои долги. Поэтому через некоторое время наш старший брат решил покончить с этой анархией. Все, что имелось, было распродано, и каждый получил свою долю.

Я учился в старшем классе в лицее «Галатасарай». Однако, что из меня выйдет, было пока не понятно. Некоторые из моих родственников хотели, чтобы я стал военным. Наверное, это и было бы тогда самым правильным решением. Однако мой старший брат Селим с давних пор мечтал сделать из меня гражданского чиновника.

— Нет, нет, пусть хоть один из нас будет гражданским, — настаивал он на своем. — Поживем увидим, что из него получится.

Он возлагал на меня большие надежды. Он хотел, чтобы я на доставшиеся мне от наследства деньги поехал в Европу и там выучился на инженера или архитектора.

Около двух лет я прожил в Париже. Я был серьезным юношей, учился хорошо. Кроме театра я больше ни на что не тратился. Если бы смог еще немного задержаться в Париже, может, из меня что-то и получилось бы. Однако началась война. Запрыгнув в первый же поезд, я вернулся в Стамбул. Оттуда в армию, дальше — в поход на «Канал», а там — лагерь Зеказик и опять Стамбул...

Глава шестая

За долгие годы мои полки наполнились макетами. Иногда приходившая убираться мадам Ребекка, думая, что это игрушки, очень удивлялась, почему я их держу и не продаю. По сути, они и были моими игрушками...

В нашем лагере Зеказик английские надзиратели для сооружения барачных помещений использовали пленных. За работу они давали им консервы, чистое белье, табак. Я решил им помочь в декорировании казино, которое они строили для себя. Они очень удивились, когда увидели, что я сделал из их казино при помощи разукрашенных ящичков из-под боеприпасов. Я их жалел. Они ведь тоже были своего рода пленниками этого лагеря. По вечерам, сидя в этом вымышленном казино, они пили и, представляя, что они на родине, веселились. За мою работу мне хотели дать денег, но я отказался. Но все же я нарушил свой обет молчания, который до этого времени настойчиво хранил, и попросил у одного офицера, говорящего по-французски, разрешения, чтобы из остатков строительного материала построить сцену. Вот так из моего увлечения декором родился наш театр в Зеказике.

Среди моего поколения, которое так и не смогло прийти в себя после этой войны, были славные ребята. У нас не было книг, и мы вспоминали то, что когда-то видели или слышали. По памяти мы даже поста-

вили пьесу «Родина, или Сигнальный горн». Так этот театр спас наши молодые души от еще больших необратимых разрушений.

Надзиратели, приходившие по вечерам посмотреть на нас, не замечали того, что, несмотря на колючую проволоку и постовых, шагающих за ней, мы бродили по Стамбулу, Бурсе и Конье.

А в своем пансионе в Куледиби с начинающей сидеть головой я занимался только созданием своих макетов.

После той ночи, проведенной в доме культуры, прошло около трех месяцев. На дворе стояла весна. Погода с каждым днем становилась все лучше. И вот в один из таких дней господин Сервет свалился, словно снег на мою голову.

— Задержался я, господин Сулейман, — произнес он, как будто мы договаривались о свидании. — Привести дела в порядок оказалось не так просто. Из-за имения в Сирии пришлось еще два раза в Бейрут съездить. Однако сейчас все в порядке. В течение нескольких месяцев поднимем занавес.

Я застыл на месте, как вкопанный. Мадам Ребекка, которая привела в мою комнату гостя, не отходила от дверей и, уставившись в пол, странно улыбнулась.

Господин Сервет с покрасневшим от волнения лицом схватил меня в охапку и, не сильно потряхнув, сказал:

— Я вам приготовил сюрприз, поверните голову к окну и попробуйте угадать, кто приехал со мной!

В это мгновение из коридора послышался несдержанный смех и сразу после него кашель. Повернув голову, я увидел в дверях Макбуле. Она не изменилась с тех пор, когда я увидел ее в первый раз. Только одежда была другой... Вместо одеяла на плечи было накинуто зеленое шелковое мантио. Волосы выкрашены

в другой цвет. И лицо, как на обложках американских журналов, казалось, излучало свет...

Она снова вела себя как девочка-подросток. Неловко подбежала ко мне, и мы столкнулись головами. Незнакомый тяжелый запах лаванды обволок мое лицо. Она хотела поцеловать меня еще несколько раз, но вдруг увидела Исмаиля, молча сидевшего на коврике с кусочками картона в руках и неподвижно смотревшего на нас.

— Ах, это же мой мальчик! — вскрикнула она и подбежала к нему.

Обняв Исмаиля, она повалила его на пол. Лицо мальчика за секунду покрылось краской. Я, предположив, что и мое лицо сейчас в точно таком же состоянии, достал влажную салфетку и стал вытирать его. Но это было не все! Меня ждал второй сюрприз, вернее, третий.

— Это еще не все, еще не все, есть еще сюрприз, — от радости прыгал на месте господин Сервет. Я опять повернул голову в сторону дверей и увидел в полутемном коридоре заячью губу Эюпа ходжи. На это нельзя было смотреть спокойно. То, что недавно Макбуле проделывала со мной, проделал и я с ним, но только в несколько раз сильнее. Я приподнял его, легкого, как ребенок, несколько раз. Несмотря на то что у меня не имелось привычки обращаться к кому бы то ни было на «ты», этот человек стал для меня чем-то, в чем я не мог до конца разобраться.

— Ты! Как! Как ты тут оказался? — радостно вскрикивал я.

Однако сегодня сила ходжи была в его молчании и неподвижности. Он смотрел на меня пожелтевшими глазами и только устало улыбался. Вместо него говорил господин Сервет. Оказалось, что когда он ездил в Сирию во второй раз, он встретил ходжу на

станции... Однако было уже поздно... Проводники стали закрывали двери вагона, он только помахал рукой из окна и успел крикнуть: «Я опять еду в Сирию. Все готово... Когда буду возвращаться, заеду за тобой!» Ходжа только успел спросить: «Когда?», но поезд тронулся, и они уже не слышали друг друга. Господин Сервет отправил из Сирии письмо, но надежды на то, что ходжа его вовремя получит, было мало. И вот, когда он однажды под утро возвращался, он нашел ходжу одного на станции с зонтом, в плаще и с чемоданом. Он ждал его.

Сегодняшний день, как и тогда в доме культуры, был днем неожиданностей... Я услышал на лестничной площадке тяжелый звук шагов и догадался, что это был Азми. Этот единственный гость иногда заходил ко мне в пансионе. Однако звук шагов, приблизившись к дверям, стих. Потом потихоньку стал отдаляться. Услышав это, я догнал его у лестничного пролета и, взяв за руку, силой заставил вернуться.

— Ну что ты, Азми, давай заходи. Ты же знаешь, что я не буду знакомить тебя с первым встречным. Ты знаком с этими людьми, — говорил я, уговаривая его войти в комнату.

Господин Сервет, увидев Азми, сначала ничего не понял. Но как только я произнес его имя, не только он, но и ходжа с Макбуле сразу вскочили.

— А кто говорил, что не видит господина Азми и не знает, где он и что с ним. Жив ли он, здоров ли? — с удивлением спросил господин Сервет.

Азми был потрясен столь большим интересом, проявленным к его персоне малознакомыми людьми. На его лице читалось волнение, которое я не видел уже много лет. Однако все же чувствовалась какая-то отчужденность. Он молча сидел в углу, взяв на руки Исмаиля, и ждал удобного момента, чтобы улизнуть.

С Исмаилем он как-то сразу нашел общий язык. Может, по этой причине Азми и стал чаще заходить ко мне.

Когда Азми пришел, господин Сервет был занят тем, что рассматривал мои макеты. Сейчас он опять вернулся к этому занятию, прерванному появлением Азми.

— О Аллах, посмотрите на эти произведения искусства! Что мы будем ставить в этих декорациях? — спрашивал он, радуясь, как ребенок.

В другом месте и в другое время этот человек, кроме отвращения, не мог бы больше вызвать во мне никаких чувств. Но теперь я готов был обнять и расцеловать его.

Глава седьмая

Когда стало темнеть, мы все дружно собрались и господин Сервет повел нас в ночной клуб «Тепебаши». Время ужинов под открытым небом еще не настало, хотя погода была довольно теплой. Господин Сервет приказал, чтобы в сад вынесли несколько столов, и мы не спеша принялись ужинать.

За рюмкой-другой о чем только мы не говорили той ночью. Никто ничего не утаивал. Мы рассказывали о своей жизни вплоть до мельчайших подробностей, испытывая от этого огромное наслаждение.

Первой поведала нам свою историю Макбуле:

— Я дочь секретаря небольшого богословского заведения. Раньше я стеснялась говорить об этом, а теперь мне все равно.

Как выяснилось, лето она проводила у одного из своих богатых родственников в особняке в Ферейолу*.

— Он одевался как европейцы, а сам был простым агентом тайной полиции, — сказала она, снова махнув рукой.

В особняке частенько проводились музыкальные вечера игры на сазе. Женщины слушали музыку из-за стены, в женской половине особняка в саду среди де-

---

* Ферейолу — улица в азиатской части Стамбула. (Примеч. ред.)

ревьев. Однако она всегда находила повод и убегала в мужскую половину дома.

— Я была ровесницей других девочек, живших в особняке, на которых уже надели чаршафы. Однако выглядела намного младше своего возраста, да и турецкий мой тогда, да как и сейчас, оставлял желать лучшего... Родственники не обращали на меня никакого внимания, потому что в противном случае мне пришлось бы потратиться, заказав шелковый чаршаф. Если говорить начистоту, то мое положение в особняке почти ничем не отличалось от положения прислуги. Но меня называли «барышня», хотя я это и не принимала на свой счет.

В те времена был один известный музыкант, играющий на уде. Звали его господин Ферхат. Это был красавец шатен с полным лицом и большими пышными усами. Чтобы меня принимали за ребенка и не закрывали в женской половине, я подстригала себе челку и носила короткие юбки. Но господин Ферхат не клюнул на это. Пока я с восхищением слушала его игру на уде, сидя на полу и сложив руки на острых коленках, он в это время, словно в экстазе, прикрывал иногда глаза и из-под длинных ресниц бросал взгляд на мои ноги, видневшиеся из-под юбки... Каждый раз под этим его взглядом я, не удержавшись, поправляла юбку. Я до сих пор поражаюсь тому, как господин Ферхат, несмотря на то что я даже не раскрыла рот, рассмотрел во мне талант и определил что у меня прекрасный голос. В особняке из уважения к хозяевам он давал одной девочке уроки игры на уде и взялся давать мне уроки пения. Сам он был любителем турецкой народной музыки, однако ему не нравилось, когда пели в нос.

«Держи голову прямо, рот вот так открой, — говорил он и без остановки дергал меня за шею, щеки,

подбородок и губы. — Не пой в нос, говорю тебе», — орал он и зажимал мне нос.

«Господин, вы говорите, пой грудью, но так сильно сжимаете мне грудь», — сказала я ему однажды, не выдержав. — Макбуле, произнеся это, засмеялась, потом закашляла и добавила: — Я всегда горжусь тем, что господин Ферхат был моим первым учителем по вокалу, однако в то время на моем теле не было такого места, где бы ни побывали его руки.

Слушая ее, мы все заливались смехом.

— Наверное, я очень откровенно рассказываю, может, это неприлично, — смутилась Макбуле и остановилась.

— Ничего подобного, ничего подобного! Что может быть лучше откровенности на этом свете? Если этот бессовестный сорванец сделал тебе еще что-нибудь, то, ради Аллаха, и об этом расскажи, не стесняясь, — с волнением в голосе произнес ходжа.

— И ты тоже нам расскажи, как малолетних школьников просил оголить грудь и ноги и рисовал их! — сказала Макбуле. И я понял, что той ночью Азми рассказал об этой выходке ходжи не только мне, но и ей.

Услышав это, Эюр ходжа как-то неестественно дернулся. Он хотел сделать серьезный вид и надуться, как той ночью в доме культуры. Однако, быстро поняв, что не сможет изменить настрой этого вечера, поменял политику. Теперь он потихоньку потягивал виски, бросая откровенные взгляды на Макбуле. Иногда он тыльной стороной ладони легонько шлепал ее по рту или внезапно сжимал нос, который этой ночью еще больше напоминал нос ребенка.

— Этот прохвост мало дергал тебя за нос. Он должен был просто вырвать его с корнем! — произнес ходжа, и мы все весело ему зааплодировали.

Господин Сервет опять превратился в прожигателя отцовского состояния, сына паши.

— Это вам не мечеть, уважаемый Эбюсууд. Это театр! — чуть ли не прыгая от радости, говорил он.

Бедняжка даже не знал, что уважаемый господин Эбюсууд не был имамом в мечети, зато он очень хорошо знал, что такое театр... Все мы в этот вечер не могли усидеть на месте, словно в нас тыкали иголками...

Из истории Макбуле мы поняли, что из особняка в Фенерйолу она частенько ходила в сад Папазян* и в театры. Маленькой девочкой она вначале увидела пьесы «Дама с камелиями» и «Бедный юноша», а потом влюбилась в исполнителя главной роли Бинемеджияна. Однако у Бинемеджияна, в отличие от господина Ферхата, не было возможности давать частные уроки.

Она нашла книгу «Дама с камелиями» в книжной лавке одного иранца и выучила наизусть. В особняке вместе с мальчишками, которые учились в лицее «Галатасарай», она устроила театр. И так хорошо играла роль Маргариты, что семья начала переживать, как бы чего не натворил этот ребенок. На этот раз, несмотря на все ее протесты, на нее надели шелковый чаршаф и изолировали от мужского общества. Однако разве это выход? В сердце человека этот огонь загорается раз и навсегда!

Когда она вернулась домой в Сюлеймаие, ее стали запирать. А мать услышав, как из ее комнаты доносится крик «Арман, Арман», думая, что ее дочь влюбилась в неверного, всполошилась. Возможно, тогда и не было причины для беспокойства, но кто может дать гарантии, что и потом не произойдет?!

---

* Папазян — один из мастеров армянской сцены. (Примеч. ред.)

В те годы в Шахзадебашаи произошел один случай: дочь одной женщины влюбилась в сына лавочника-грека. Они вместе убежали в Измир. Там парень принял ислам. И, по велению Аллаха, они поженились, однако жить им было не на что. Взявшись за руки, они пошли в сторону Анатолии и стали бродячими артистами. Парень взял себе мусульманское имя, однако девушка выходила на сцену под греческим. И так продолжалось много лет, пока их не поймали в Эскишехир*.

— Постой, постой, вспомнил, — закричал ходжа, ударив себя по лбу. — Комик Хюсни, не правда ли? А женщина, выходящая на сцену под греческим именем, — турчанка.

— Я бы согласилась стать второй женой, но такого, как ее парень, не нашла, — сказала Макбуле. — Потому что в то время, чтобы стать актрисой, другого выхода не было. В конце концов меня, невзирая на все мои вопли, выдали замуж за пожилого адвоката...

После этих слов женщина смолкла и задумалась, но, вспомнив, что говорила той ночью в доме культуры, засмеялась.

— Вы скажете, а разве твой муж не майор? Конечно, майор, но он был моим третьим мужем... После всего, что мы с вами пережили, разве могут быть между нами тайны? Всем этого не рассказываю, но вы же свои. Я женщина, которая была замужем три раза. Что на это скажете? Такая уж моя участь!

Макбуле стала рассказывать, как она умудрилась выставить своих трех мужей одного за другим. Все трое были неплохими людьми. Однако она искала в семейной жизни совсем другого.

---

* Эскишехир — город в Северо-Западной Турции, являлся столицей молодого Османского государства в начале XIV века, вплоть до завоевания Эдирне.

— Кто знает, может, все это случилось от безделья, — говорила она. — Ешь, пей, спи... Что можно было делать в маленьком провинциальном городке в Анатолии? Ну, отдав свой сверток прислуге, сходить в хамам. Или пойти попить газировки со взрослыми женщинами, или же сходить в дом офицеров, чтобы послушать музыку — вот и все. Такая жизнь была не для меня. Если бы мой муж-бедняга поднял бы на меня руку, может, я, и задержалась бы подольше возле него...

В конце концов она и его бросила. Слава Аллаху, в то время турецкая женщина уже обрела право выходить на сцену. Пусть немного поздно, но она направилась в Дарюльбедаи. Много раз обивала его пороги, но никто не хотел ее понять.

— Ах, ну не могла же я пойти в труппу к Нашиту, чтобы там заниматься импровизацией... Я поклялась себе, что лучше стану посудомойкой, но в четвертый раз замуж не выйду. От безысходности я прибилась к группе музыкантов, играющих на сазе, которые гастролировали по Анатолии.

Она очень быстро прославилась. Выйдя из рядовых певичек, стала известной как Кероглу, чье имя передавалось из уст в уста. Хотя это и не походило на театр, но все же что-то. Хотя желание свое удовлетворила. Но как раз в это время на радио запретили арабеску*. Узнав об этом, губернаторы проявили большое рвение и стали выпроваживать певцов из больших городов. В одной области начальник управления безопасности ей предложил:

— Если вместе с играющим на сазе музыкантом согласишься исполнять турецкие народные песни, — прекрасно... А петь базарные песни я вам не позволю.

---

* Арабеска — музыкальная пьеса изящного характера с причудливым орнаментированным мелодическим рисунком.

— Раз приехали, не уезжать же с пустыми руками, — согласилась на это предложение Макбуле. Однако, увидев, что зад пуст, она в негодовании схватила сумку и убежала оттуда. Это был ее последний выход на сцену.

Макбуле рассказывала об этом с радостью, смешанной со злостью, а в глазах стояли слезы.

— Как хорошо, что мы встретились... О Аллах, как хорошо! — воскликнула она и добавила: — Как жаль, но я уже не в том возрасте, чтобы играть в «Даме с камелиями». Однако могу исполнять комические роли.

Произнося эти слова, она одновременно смеялась и плакала, чем нас очень удивила.

Ходжа сразу вытащил платок и стал вытирать ей нос.

— Не дури. Старость — где там. С таким носом ты просто ребенок, младенец! — произнес он, а у самого в глазах заблестели слезинки.

Макбуле еще раз с большим трудом вырвала свой нос из цепких рук ходжи.

— Какой ужас, просто позор, — сказала она, открыла сумку и, достав оттуда косметику, стала приводить себя в порядок.

На этот раз начались страдания у ходжи.

— Видите, что происходит? Нет, не видите? — спросил он, показывая на находящиеся немного в отдалении расплывчатые очертания залива золотой рог, где заканчивается свет Касымпаши*. — А я вижу... Это мой броненосец «Хыфзыррвхман». Однако я вижу больше этого, я вижу канат, свисающий с его кормы... Вижу, как молодой офицер, обхватив его руками, спускается по нему в лодку, чтобы убежать с корабля в те-

---

* Касымпаша — исторический центр в Бейоглу.

атр «Конкордия». Вы спросите: «Как можно убежать с броненосца?» Вот вам мой ответ — если человек захочет, он не только может убежать с корабля, но и привести к себе в каюту женщину.

Однако, радостно начав рассказывать свою историю, он, как и Макбуле, стал волноваться.

— О Аллах, такое впечатление, будто это было не тридцать пять лет назад, а случилось вчерашней ночью. Как стыдно... Какой позор, — возмущался он.

После множества историй мы перешли к жизни ходжи в Анатолии. Оказалось, что с возрастом приключения ходжи немногим отличались от тех на броненосце. Наслаждения и страдания шли по его жизни рука об руку.

— «Мы пошли на поводу у разбитого сердца, а оно нас привело к любви и страданиям», — закрыв глаза, слабым голосом прочитал ходжа строчку из стихотворения.

Однако когда казалось, что все выпавшие на его долю мучения и страдания закончились, он приехал в этот маленький городок к своей семье, чтобы больше не расставаться, и настоящие бедствия только тогда и начались...

Одно время ходжа состоял на службе в Бюро по переписи и корректировке зданий в стороне Антепа... А потом он очень сильно заболел в одном из селений и слег. Его поместили в каменное небольшое помещение, где осенью обычно делали компоты, больше похожее на туалет, чем на комнату. Каждое утро ему приносили кувшин воды и разбитые в оливковое масло два яйца. Оставив все это, уходили.

— Там с сорокоградусной температурой в беспмятстве я пролежал очень долгое время. Иногда приходя в себя, я с радостью думал о том, что если выка-

рабкуюсь, то обязательно отправлюсь взглянуть на мир.

Его ощущения были поразительно похожи на те, что мы испытывали, когда сидели с Азми в яме в лагере Зеказик. Поэтому мы с ним часто переглядывались, слушая историю ходжи.

Рассказывая о семейном счастье, ходжа как-то вдруг осунулся и казался совсем старым. Он уже не скрывал своего увольнения, в котором прежде не признавался.

— Был оклеветан злыми языками. Да, допустил оплошность. За это мне полагалась ссылка. Я попросил меня отправить в какой-нибудь уголок Анатолии. Какой смысл выпроваживать меня к себе домой. Хуже не придумаешь. Жена давно меня не интересовала. Бедняга совсем состарилась. Однако сыновья выросли, превратились в мужчин. Кроме того, и внуки у меня появились.

«Что ты натворил, отец? Честь семьи смешал с грязью», — набросились все разом на меня.

«Олухи, о какой чести вы говорите», — хотел возразить я, но, опасаясь большего скандала, промолчал.

Нападки закончились, началась «забота».

«Папа, ты уже старый, не должен есть ни мяса, ни мучных изделий, ни сютляча*, ни гюлляча**. Тебе рано надо ложиться спать...»

Сигареты ножницами разрезали на две части, чтобы я меньше курил. А пол-литра раки, которую я, быть может, пил в течение недели, они прятали на кухне, заворачивая в полотенца...

Борьба ходжи с детьми была самой смешной частью всей его истории. Он и сам, рассказывая, смеялся

---

* Сютляч — сладкое блюда из молока, сахара и риса.

** Гюлляч — вид сладостей из вафель.

и передразнивал своих отпрысков. Однако бывали такие моменты, когда он, совершенно не стесняясь, плакал, как ребенок.

— Я бы тоже с тобой поплакала. Но ты опять начнешь вытирать мне нос, — шутила Макбуле. И мы все снова смеялись.

Очередь рассказывать дошла до господина Сервета.

— Не печалься, брат, не будь ребенком, — говорил он ходже, стараясь играть роль сильного человека, однако и он сорвался.

Страдания господина Сервета очень походили на мучения ходжи.

Жена его — дочка потомственного визиря, была неплохой женщиной, однако когда дети подросли, во всех вопросах они стали поддерживать мать. Кроме этого некоторые ее родственники-смутьяны занимались подстрекательством, поэтому постоянно возбуждались различные судебные тяжбы, которые выводили его из себя. Тяжбы между мужем и женой, скорее всего, были связаны с проблемами наследства. Однако наш патрон не хотел подрывать наше доверие, поэтому предпочел об этом много не распространяться.

Мы с трудом упросили Азми пойти с нами. Но у самых дверей в клуб он попробовал от нас отделаться.

Господин Сервет подумывал взять его в труппу в качестве главного актера, наслушавшись в ту снежную ночь о нашем театре в Зеказик и, наверное, спутав его с «Комеди Франсес». Несмотря на все старания, господин Сервет не смог вывести его из состояния отчужденности. И чтобы долго не распространяться о своей жизни, он спросил у Азми:

— Господин Азми, вы все молчите, у вас что, совсем нет проблем?

Азми сидел под деревом, тень от огромной ветки закрывала его лицо. Этот вопрос мог его очень задеть. В эту секунду сердце мое бешено забилося. Однако он ответил голосом прежнего Азми:

— Да у меня нет проблем. Честное слово, нет. Когда нет надежд и желаний — проблем тоже нет.

Потом, улыбнувшись улыбкой прежнего Азми (такой улыбки, без преувеличения, я больше ни у кого не видел), добавил:

— Я даже забыл, что такое проблемы. Я по-настоящему счастливый человек, достигший нирваны.

Эта последняя фраза, на мой взгляд, очень многое объясняла.

Когда-то учитель, дававший нам уроки персидского, рассказывал о лысом попугае, которого хозяин побил за то, что разбил бутылочку с миндальным маслом. Попугай с горя перестал говорить. Но, увидев однажды входящего в магазин лысого мужчину, он востепенел и заговорил на персидском языке:

— Интересно, и ты тоже, наверное, разбил бутылочку из-под миндального масла?

Вспомнив это, я чуть не заплакал от радости. Это для меня было очень важно.

Может, мы сидели на месте, где в свое время во время знаменитого пира Голубого и Черного Ахмет Джемиль* смотрел на эти же звезды и наблюдал звездный дождь из жемчуга и алмазов.

В макетах, которые я делал в пансионе, я искал сказку, в которой должны были осуществиться все мои

---

* Голубое и Черное, здесь: роман Ушаклыгиля Халида Зии (1866–1945), турецкого писателя и государственного деятеля. Черное — это общество, которое враждебно отдельной личности, а Голубое — романтическая греза, стремление к идеалу. Черное подавляет Голубое, общество губит мечту героя романа талантливого поэта Ахмета Джемала и убивает его самого как личность. (Примеч. ред.)

заветные желания. Однако эта сказка со временем становилась реальностью. Доказательство тому люди, окружавшие меня. В другом месте и в другое время во мне кроме отвращения не вызвал бы других чувств этот, несмотря на свой пятидесятилетний возраст, остающийся глупым и легкомысленным, расточитель отцовского состояния; эта болтливая певица и трепач-старик. Они точно не мои герои. Вместе с тем все это для меня до сих пор остается игрой, сном, от которого не пробуждаешься. Однако когда ужин закончился, как и в ту ночь на станции, наши руки опять оказались вытянутыми на столе. Господин Сервет принес шампанское, и, чтобы выпить, мы все встали, и вот тогда я вдруг пришел в себя, и меня прошиб пот. Я вдруг увидел, что незаметно для меня все зашло слишком далеко. Никто лучше меня не знает этого прожигателя отцовского наследства. Кто ведает, за каким его очередным капризом мы все потянулись. Я ясно все это увидел. Однако было уже очень поздно... С другой стороны, а что я потеряю? Перед глазами вдруг предстал мой хозяин магазина. А я уже находился на дороге, с которой не мог свернуть. Я решительно шагнул в мир грез, дверь в который мне открыли мои макеты.

Я, размышляя об этом, иногда брал Азми за руку. Его руки были влажные и холодные. Видимо, он нервничал.

Такие люди, как господин Сервет, сразу хотят воплотить в реальность то, что им придумается. Кто знает, может, это и есть расточительство. Помню, как на одной вечеринке он пачками разбрасывал купюры, а когда шел на другую вечеринку, его уже окружала толпа почитателей. И вот теперь и я один из них. Кроме того, у меня самая сложная роль. Мне поручили управление театром и режиссуру. По крайней мере, годы научили господина Сервета бояться своей

расточительности. Он предложил нам взять себя чуть ли не под опеку.

— Бюджетом будете распоряжаться вы. Без вашего разрешения не буду тратить, — говорил он.

Это, конечно, была сказка, не имеющая конца. Однако это не облегчало моего бремени.

Все с невообразимой быстротой вошло в свою колею. Временное бюро разместили в особняке паши Софу Сейфуллаха, который был выставлен на продажу, и взялись за работу. Этот особняк за долгие годы пришел в запустение. Жить в нем было практически невозможно. Однако вся мебель оставалась на месте. Ходжа иногда прохаживался по комнатам и, рассматривая старинные мебельные гарнитуры, большие зеркала и люстры, присвистывал:

— Наверное, мы берем грех на душу, говоря плохо об этом человеке. Если бы он был таким, каким его представляют, разве от всего этого что-нибудь осталось бы? — размышлял он.

Однако он все это говорил, не потому что верил во все эти сплетни, а чтобы поднять мой дух, понимая, что я начинаю подозревать, во что ввязался.

— Может быть, — соглашался я. — Возможно, годы научили его кое-чему.

В доме господина Сервета мы единогласно отложили в сторону проект нового здания театра. Дай ему волю, он бы опять, как всегда, стал сорить деньгами. Однако из-за того, что все мы были бедными людьми, и чтобы, насколько это возможно, дольше продлить это дело, мы взяли его под свою опеку. Организованное нами управление без моего разрешения денег не тратило.

Господин Сервет сам предложил нам это, так как не был уверен в себе.

Нашим первым делом, как он сам сказал, было привести временное бюро в подобающий вид.

Мы отказались от предложенных им расходов. Моим главным помощником в этом деле стал ходжа.

— Ради Аллаха, господин, грех платить десять, если можно обойтись пятью! — говорил он.

Господин Сервет не мог понять смысла слов ходжи, когда тот говорил о том, что если работа продлится на день дольше, то ему это выгодно.

Мы наняли несколько бедных женщин, живших на нашей улице, чтобы они прибрались в мужской половине особняка.

Макбуле в халате, повязав голову платком, не отходила от них ни на шаг и периодически, как в хамаме, то орала, то пела песни. Азми тоже был одним из тех, кто работал не покладая рук. Мы его поместили в одну из комнат особняка под предлогом того, что он будет его сторожить. Он долгое время был без работы. Последний раз он устроился в одну вечернюю газету за гроши, лишь бы прокормиться. И там одному секретарю без видимой причины заехал по морде, за что его уволили. Если говорить честно, то было за что. В походе на канал Азми ранили в голову, в лагере он постепенно ослеп на один глаз. Однако это не было заметно. Он скрывал это и от меня, и от других. Даже обманывал меня, говоря, что немного видит. Несмотря на то что он очень внимательно исполнял свои обязанности, секретарь из-за одной ошибки накричал на него, при этом сказав: «Ты что, слепой!» А Азми не смог проглотить обиду. Я не знал, где он жил все это время после увольнения. Он не заходил ко мне, пока не оставался совсем без денег и голодным. Если бы он почувствовал, что я догадываюсь о его

бедственном положении, он бы больше не пришел, поэтому я делал вид, что ничего не подозреваю. Немного погостив, не сказав ни слова, он опять пропадал.

Сейчас Азми стал снова вполне нормальным человеком. Разговаривал, работал, как в походе на канал. Это меня очень радовало и являлось основной причиной моего счастья.

Глава восьмая

Мы оказывали дружное сопротивление расточительности господина Сервета, но иногда приходилось потакать некоторым его прихотям. Одна из них — это обед в честь открытия, на который были приглашены жены, друзья и, что хуже всего, несколько журналистов. Ему не терпелось объявить всем, что он образовал труппу, которая превзойдет в своей славе Дарюльбедаи. Мы пытались отговорить его от этой затеи, так как нам нечего было показать, но, как мы ни старались, нам это не удалось. Однако нам удалось убедить его не проводить ужин в одном из ресторанов в Бейоглу. Мы заверили его, что будет лучше, если мы устроим ужин у нас в особняке, оформив один из больших залов и заказав еду в одной из столовых Аксарая.

Второй его прихотью было провести экзамен. Противиться этому его желанию означало испортить все. При помощи экзамена мы хотели набрать молодых образованных специалистов, не попавших под влияние Дарюльбедаи. Но на то, что у нас получится, было мало надежды.

Мы решили оба этих мероприятия назначить на один день. Поразмыслив, мы намеревались и пиршество, и экзамен провести как можно тише, чтобы не опозориться на всю округу. Раз уж взялись за это дело, то надо было довести его до конца. В конце концов,

это ведь тоже своего рода театральное представление.

Банкет... Этот банкет я буду всегда вспоминать с улыбкой. Под него мы украсили большой зал в мужской половине особняка. Был накрыт большой старинный стол — самое дорогое, что у нас имелось из табельного имущества. Господин Сервет в тайне от нас взял напрокат из дорогого ресторана очень красивый и дорогой набор столовых приборов. И еду заказал не в столовой, как мы договаривались, а в дорогом ресторане под названием «Гюзель Аксарай Локантасы».

Во главе стола восседал господин Сервет. По обе стороны от него расположились несколько его пожилых родственников и старых друзей семьи. За ними следовало несколько писателей и переводчиков, которые были в ссоре с Дарюльбедаи. Далее несколько журналистов и театральных критиков, опять-таки обиженных на Дарюльбедаи. И наконец, мы... В красивом вечернем платье — Макбуле, ходжа — в поношенном смокинге из нашей коллекции костюмов и так далее...

Ближе к концу банкета господин Сервет, посмотрев на настенные часы и вспомнив, что они не работают, взглянул на свои наручные часы и постучал ножом по тарелке. Официант — тоже один из аксессуаров, взятых напрокат в том же ресторане «Гюзель Аксарай Локантасы», подумав, что это зовут его, быстро подбежал к столу. Между тем как это было сделано для того, чтобы привлечь внимание и призвать к тишине разговаривающих на другом конце стола гостей. Господин Сервет много дней готовил свою речь, но в последнюю минуту на лист с речью опрокинулось оливковое масло, поэтому разобрать, что там написано, было практически невозможно.

Время от времени бросая взгляд на эту бумажку, господин Сервет начал:

— Уважаемые гости и драгоценные друзья-театралы! Своды этого полуразвалившегося особняка хранят на себе печать истории Османской империи. Ученые поговаривают о том, что скоро изобретут аппарат, на который, как на пластинку граммофона, будут записывать старые голоса на этих древних камнях. Если бы эти ученые поспешили, то мы бы с вами сегодня смогли бы услышать голоса моего деда Садразма Ниязи-паши и весь кабинет министров, когда он, бывая больным или уставшим, проводил в этом самом салоне собрание. И ныне тоже покойный мой отец Софу Сейфуллах-паша во времена, когда управлял вакуфами*, опять же в этих стенах вместе со своими сослуживцами говорил о самых важных делах государства.

И этот особняк, как и Османская империя, скоро станет историей. Мне, как последнему представителю этого великого рода, посчастливилось в последний раз произнести речь под этими сводами.

Он замолчал, и в салоне повисла гробовая тишина.

— Однако, мои дорогие гости и любимые друзья, — произнес он, встрепенувшись. — Вы не подумайте, что я жалею на свою судьбу. Потому что, закончив свою миссию в истории, эти развалины сегодня самое прекрасное место для возрождения. Я хочу вам сообщить превосходную новость. Здесь будет открыт Новый турецкий театр!

Эти последние слова находящиеся в конце стола артисты встретили дружными аплодисментами. Си-

---

* Вакуфы (вакыф) — имущество мусульманских религиозных общин.

дящие рядом с господином Серветом сановники ответили на эти рукоплескания легкими кивками и слабой улыбкой.

На этот раз господин Сервет со слезами на глазах и голосом, иногда срывающимся до писка, обратился к ним:

— Вы оказали нам честь своим присутствием на нашем скромном банкете в честь открытия Нового турецкого театра. Друзья и члены моей семьи самые старые завсегдатаи этого особняка. Вы очень хорошо помните, что я с малых лет предчувствовал, что театр — это школа благовоспитанности и нравственности. Моя семья много билась, стараясь избавить меня от этой любви. Однако эта любовь в сердце никогда не погаснет. Самые лучшие учителя того времени давали мне уроки, а я в это время думал о Мольере и Шекспире. Ночью, перепрыгивая через каменную стену «Галатасарая Султанасы», я убежал в театр. Поэтому бесчисленное количество раз был наказан. Вы хорошо помните, что однажды отец даже отправил меня из-за этой любви в ссылку в наше имение в Халепе. Однако ничто меня не сбilo с этого пути. Может, немного поздно, но в конце концов я достиг своей цели. А успех Нового турецкого театра, без сомнения, развеселит и их души.

Люди на другом конце стола аплодировали этой тираде, а драгоценные гости сидели с все больше вытягивающимися лицами и помутневшими от злости глазами и молчали. Только находящийся рядом со мной и щелкавший, как деревянными тапочками для хамама, вставной челюстью мускулистый бывший паша, словно говоря: «Да покарает тебя Аллах», ехидно улыбался.

После столь напыщенной речи господин Сервет перешел к программе. Он долго ругал Дарюльбедаи.

— Мэр города Джемиль-паша начал очень хорошее дело. Однако очень жаль, что довести его до конца не смог. В первые годы среди управления был один добродетельный человек, мой друг детства — ныне покойный Решат Рыдван. Этот уважаемый театрал, умерев в расцвете лет, не успел передать «Дарюльбедаи» в хорошие, знающие свое дело руки, и это благое намерение превратилось в «тащи, что плохо лежит». Я не буду произносить длинную речь о том, что нам предстоит с вами делать, дабы не наводить на вас скуку. Но, что бы мы ни предпринимали, мы должны сделать это во много раз лучше, чем в «Дарюльбедаи». Главными ценностями в Новом турецком театре будут только искусство, мастерство и талант.

Когда господин Сервет представлял новым гостям своих сослуживцев и во главе всех их меня, мне показалось, что люстра, положение которой на треснувшем потолке мне с самого начала не нравилось, свалилась мне на голову. Сидящий рядом со мной мускулистый паша повернул голову в мою сторону. Его взгляд нельзя было забыть. Я точно так же смотрел той ночью на глупости господина Сервета.

Наконец все закончилось. Провожая почтенных гостей до дверей, я стал свидетелем того, как мускулистый паша, не заметив меня сзади, говорил своему соседу:

— Софу Сейфуллах-паша и вправду был прорицателем. Он всегда говорил, что этот негодный мальчишка разрушит мой дом.

Глава девятая

Перейду теперь к экзамену. В мощеном дворике, тянувшемся до сада на женской половине особняка, нас ждала, можно сказать, устрашающая толпа. После того как проводили гостей, мы все вместе прошли сквозь эту толпу и направились в комнату для адъютантов, находящуюся в домике напротив. В тот момент это была комната режиссера. У дверей нас ждал араб в сюртуке, в полах которого заплетались его кривые ноги, с длинными седыми волосами, доходившими почти до поясницы.

— Дядька ходжи, мы заняты. Никого не впускай! — сказал ему господин Сервет.

Дядька ходжи был самым старым работником. Интересно, сколько могло ему быть лет, если он еще при Садразате Ниязи-паше был унтер-офицером? Потом с Софу Сейфуллахом-пашой, который был в то время ответственным за доставку денег и подарков в Мекку, поехал туда, где и получил титул ходжи. А сейчас, постарев, он исполнял обязанности дворецкого при Новом турецком театре.

Мы пригласили для проведения экзамена несколько сценаристов, учителя литературы и одного из газетных критиков. Другой не смог остаться, потому что должен был написать статью о муниципалитете и порте. После пятнадцатиминутного совещания комиссия вышла из комнаты режиссера и опять с той же

торжественностью проследовала в сторону сада, где должен был проводиться экзамен.

Из ожидавших на улице желающих попасть на экзамен большинство оказались молодые ребята. К тому же и основным нашим условием была молодость и хорошее образование. Однако среди них были и пожилые и даже, как мне показалось издали, несколько актеров театра импровизации. Кто знает, на что они надеялись, ожидая здесь. Среди них имелся даже маленький горбун... До банкета, видя как один из наших людей издеваясь, гонял его от дверей, мое сердце не выдержало, и я сказал:

/ — Оставь его в покое, пусть войдет!

Несколько дней назад рабочие стали разбирать и выносить двери с верхних этажей, шкафы и тому подобный хлам. Некоторые из этих вещей свалили прямо во дворике. Проходя мимо, я заметил, как с одного из двух стоящих у дверей старых кресел поднялся высокий человек и с притворной веселостью и смелостью двинулся в сторону господина Сервета. Оказалось, он знал нашего патрона. Увидев его вблизи, мне тоже не составило труда его узнать. Это был один из самых авторитетных актеров первых лет после провозглашения конституции... Я видел его в пьесе «Высокопочтимый победоносный Константин». Тогда на нем были блестящие доспехи, наверное, он играл роль Константина. Сейчас он был стар, бледен и одет в лохмотья. Бедняга, чтобы скрыть свое бедственное положение, сделал все, что возможно: старый черный костюм очень аккуратно выгладил, жирные пятна на воротнике вывел бензином, однако запах бензина до сих пор не выветрился. Его лицо из-за того, что он довольно редко брился, имело какой-то странный блеск. Из-за глубоких морщин он в нескольких местах порезался, когда брился. На манишке виднелось еле

заметное кровавое пятно, тщательно замытое водой, хотя разводы еще были видны.

Господин Сервет с жаром, дающим надежду бедняге, пожал ему руку и, потрепав по щеке, сказал:

— Подумать только, наш любимый мастер!

Мастер играл свою роль совсем неплохо.

— Я зашел пожелать вам удачи. Вы обязательно добьетесь успеха в этом деле! — говорил он, и его манишка раздувалась, как доспехи Константина. Да, выбранная роль оказалась действительно неплохой. Однако не то время он выбрал для нее. Это была минута, когда господина Сервета больше всего переполняли эмоции. Поэтому наш патрон обошелся только тем, что просто пожелал ему долгих лет жизни.

На войне я видел многих людей, убитых рядом со мной. У некоторых из них, перед тем как упасть, был такой вид, словно они не верили, что их подстрелили. И у этого появилось такое же выражение на лице. Он продолжал улыбаться во весь рот. Потом я заметил, как его губы побелели, их словно свело судорогой.

Второй тоже был известным актером того же периода. В отличие от первого, он оказался маленького роста и полноватым. Он сидел во втором кресле. Не заметив нас, он продолжал ожидать своей очереди.

Третий был любимцем зрителей более раннего периода и относился еще к орта-оюну. Он играл вместе с Кавуклу Хамди. И у того были такие же мягкие черты лица и взгляд. Сейчас он, наверное, на улице продавал сладости. Однако я сразу понял, что у нас он ничего просить не станет, ему даже не придет это в голову. Только немного посидев в уголке — уйдет. Это было понятно по его нерешительности.

По двору бегали дети и преграждали нам дорогу. Господин Сервет, раздаривая улыбки, кивая, привет-

ствовал всех. А я словно совершил какое-то преступление, шел, опустив голову. И если кто-то хотел подойти ко мне с вопросом, то, увидев мое состояние, отходил, так ничего и не спросив.

В конце сада на женской половине находились развалины кухни с несколькими выступами стен и двумя торчащими трубами. Возле них проходила стена, на которую можно было взойти по нескольким ступенькам. Мы хотели провести экзамен на свежем воздухе, на этой стене под деревьями среди дико растущей травы.

Из-за того, что рабочие сложили во дворе вынесенные с верхних этажей огромные куски мрамора, господин Сервет нашел сходство с древнегреческим театром. Кроме того, эта стена имела для нашего патрона историческую ценность. Во времена, когда его отец был губернатором, под предлогом чьей-то свадьбы он соорудил здесь сцену и до конца лета ставил на ней пьесы. Напротив сцены под высокими каштанами поставили длинный стол.

Господин Сервет, посадив с одной стороны учителя литературы, с другой меня и Макбуле, расположился во главе стола. Мы еще раз повторили наш девиз: «Искусство, только искусство... Только бы не набрать в труппу разного сброду!»

И начали.

Молодые талантливые ребята, выбравшие, правда, неверное время, как немного раньше старый актер, и полагающие, что зайти первыми это большая смелость, как ночные мотыльки, бросились на огонь, потеряв разум. Девочки, мальчики, студенты, сбежавшие из школы ученики... Опрятно одетые ребята из хороших семей... Рядом с ними, может, с утра искавшие на фабрике или в каком-нибудь магазине маломальскую работу подростки из бедных семей... Люби-

тели из домов культуры и безработные бродячие артисты...

Сначала экзаменуемые подходили к столу. Им задавали стандартные вопросы. Почти все, словно узнав о нашем девизе, подняв глаза к небу, отвечали:

— Любовь к искусству, только любовь к искусству!

Один из них, будто вспомнив второе ключевое слово нашего девиза «мастерство», заговорил невинным голосом:

— Уважаемый, посмотрите в мой табель успеваемости. По математике у меня есть двойки, но зато по литературе я первый ученик в классе. — Тем самым он и выдал себя с головой.

— А, значит, так? Подойди, я хочу, чтобы ты прочитал наизусть отрывок из «Эшбер»*, — сказал учитель литературы.

Учитель был неплохим человеком, однако очень серьезно относился к своим обязанностям. Его бывший ученик стоял и умоляющим взглядом просил помиловать его. Но тот с сердитым лицом стал его отчитывать:

— Ради Аллаха, что я, обязан везде, куда ни пойду, видеть твое лицо?! Что ты, все время будешь маячить передо мной?

Однако парня после школы жизнь изрядно потрепала, и он прозрел. Увидев, что его надеждам не суждено сбыться, он не стал сдерживаться и выпалил:

— О, это вы, ваше высочество, всегда стоите у меня на пути и преграждаете мне дорогу! — чем рассмешил нас всех.

После подобных разговоров ребята выходили на сцену и читали на выбор один из трех предложенных

---

* «Эшбер» — первая сура Корана.

нами отрывков, а потом то, что подготовили сами. Таким образом, из первых вошедших на экзамен после первой схватки провалили шесть человек. Потом оказался юноша примерно двадцати трех лет. Тело как у Аполлона, курчавые темно-русые волосы, белый широкий лоб, одна из бровей немного приподнята, безукоризненной формы нос, ослепительно белые зубы — одним словом, писанный красавец. Кроме того, направляясь в нашу сторону, он шел спокойно, а не спотыкался от страха, как другие. По этой походке и не по годам серьезному лицу можно было решить, что он уже успешно сдал экзамен.

Макбуле, слегка присвистнув, не смогла сдержаться и прошептала:

— Аллах, это же Арман из «Дамы с камелиями!»

Экзаменаторы приняли вежливый вид, потому что после того как юноша назвал свое имя (Пертев Турхан), они поняли, что он из знатной богатой семьи.

На сцене он говорил медленно, закрыв глаза. Однако это было не столь важным недостатком. Даже где-то выглядело совсем неплохо.

— Думаю, что Новый турецкий театр нашел молодую звезду, — сказал господин Сервет, чуть не прыгая от счастья. — Есть, уважаемые, есть в этом народе что-то... Какие таланты... Только надо уметь искать!

После Пертева Турхана произошел скандал. Все тот же маленький горбун вывел из себя и развеселил уставших от чрезмерной серьезности членов приемной комиссии. Он, проигнорировав очередь, как-то пробрался за дверь, ведущую в сад. А чтобы его не поймали, бегал по саду. Отделавшись от преследователей, он, тяжело дыша, подошел к столу и сделал перед господином Серветом реверанс, согнувшись при этом в два раза, словно было мало того, что он кар-

лик. В освещенном солнечным светом саду я смог разглядеть его получше. Узкий лоб, близко посаженные глаза, маленькие уши, похожие на две деревянные ложки, выступающая челюсть, доходящая, когда он говорил, до самых ушей. Он был в пиджаке и очень походил на обезьяну, надевшую жакет, рукава которого доходили до самых колен. Не дожидаясь, когда ему что-то скажут, он вытащил из кожаного мешочка, который держал в руках, какие-то бумаги и выложил их перед господином Серветом. Там говорилось, что он выступал с труппой бродячих актеров и работал очень хорошо. Среди этих бумаг обнаружилось одно волнующее свидетельство, в котором говорилось о том, что «это алмаз и для любой труппы редкостное счастье». Но горбуну этого было мало, и он сам написал для себя еще несколько свидетельств.

Господин Сервет проявил настоящее благородство. Он в противоположность некоторым членам комиссии, которые надсмехались над горбуном, уважительно, мягко, с добродушной печалью в голосе произнес:

— Сынок, очень хорошо, даже прекрасно. Однако это не труппа бродячих артистов.

Он произнес еще много подобного рода утешительных вещей. Однако горбун не хотел понимать и продолжал рассказывать о том, что он очень способный и умеет делать прекрасные пародии.

— Ну что вам стоит, попробуйте меня, — умолял он.

В конце концов он вытащил самый сильный, как ему казалось, козырь.

— Можете мне не платить, я кое-как проживу, — сказал он.

Азми встал с места и, вытянув руку в сторону двери, скомандовал:

— А ну быстро пошел отсюда!

Его жест и голос оказались настолько устрашающими, что даже члены комиссии испугались. Однако он не думал никого страшить, просто хотел прекратить эту пытку, потому что знал, что не выдержит, если горбуна, взяв за шиворот, выбросят за дверь.

После этого вынужденного перерыва, после формальных вопросов отсеялось еще несколько молодых людей. И появилась новая звезда, но на этот раз в женском воплощении. Ее ходжа заприметил, еще когда она проходила под каштанами.

— Кажется, и примадонну нашли! — не выдержав, сказал он господину Сервету.

Вблизи девушка оказалась намного красивее. Формальная часть экзамена для нее длилась намного дольше, чем для других. Она была уверена в себе. Говорила очень хорошо. Ходжа часто снимал и протирал очки, а когда девушка направилась в сторону сцены, он спросил:

— Разве есть в этом необходимость? Разрешите, пусть читает прямо здесь!

Потом вскочил на ноги, словно они у него от долгого сидения онемели и, тяжело ступая, поднялся на середину сцены и оттуда наблюдал за ее выступлением.

Отрывок, который читала девушка из «Совы», был совсем неплох. Однако всего только одно замечание газетного критика испортило все дело и погубило девушку.

— Да, надо признать, совсем даже неплоха, — произнес он. — Однако у нее желтый билет, она обычная проститутка!

Нос господина Сервета, который до этого, от радости покраснев, распустился, как цветок, как-то сразу сник и побелел...

— Не говорите так, ради Аллаха, — произнес он, заикаясь. — Что, на самом деле работает по желтому билету? Ну, тогда нам не стоит понапрасну терять время!

Газетный критик сто раз пожалел о сказанном, однако в журналистике не принято отказываться от своих слов. Поэтому он выложил все доказательства относительно профессии девушки вплоть до последнего места ее работы.

Господин Сервет посмотрел на каждого из нас, словно ища поддержки. Однако лица у нас были насуплены. Учитель, который за время ее выступления без остановки что-то записывал, положил ручку на стол.

— В таком случае давайте не будем терять время. Не так ли, господа? — произнес он.

Тогда господин Сервет, повернув голову в сторону девушки, произнес:

— Да, театр — это школа благовоспитанности...

Ничего не подозревающий ходжа, словно на церемонии бракосочетания, стал подводить девушку, закончившую читать отрывок, к столу. Однако она сразу догадалась о том, чего не смог понять он, словно почувствовала по вибрации воздуха, и выражение ее лица сразу изменилось. Остановившись у стола, она сделала вид, что собирается опять сесть на стул, однако взяла сумку и, не отвечая на слова благодарности господина Сервета, направилась к выходу.

— Что здесь происходит? — спросил ходжа, глядя на всех по очереди. — Я не понял?

Когда ему рассказали обо всем, он, чтобы о нем ничего плохого не подумали, воскликнул:

— Ах, бесстыжая девка!..

После этого стали одна за другой приходить особы женского пола, словно они захватили входные две-

ри. У первой на голове была странная шапка, похожая на вязаный шерстяной носок, волосы собраны сзади в узел, на плечи наброшена пелерина. Одним словом, обыкновенная арапская метиска, низкого роста, с красными щеками и с довольно большим животиком. Не стесняясь, она с невинной простотой сказала нам, что приходится приемной дочерью известному адвокату.

Вторая была маленькая девушка с крохотным личиком и косыми глазами. Ее исключили из школы за то, что она осталась два раза подряд на второй год в одном и том же классе. Она говорила, будто у нее никого на этом свете нет.

Экзамен для обеих закончился очень быстро.

А для третьей — еще быстрее, потому что она внезапно забыла вторую строчку из выученного отрывка и, расплакавшись, выбежала из сада.

Вся веселость ходжи куда-то пропала. Он сидел насупившись.

— Что-то вы ничего не говорите, господин Эюп, — сказал ему господин Сервет.

— Я думаю о том, что у этих, наверное, нет желтого билета. Вот не могу никак решить, какую из них взять, — ответил он немного погодя голосом, полным сарказма.

— А я, если честно, думаю о той другой. Давайте совершим ей ритуальное омовение в Эюб Султане*. И пусть она покается во всех своих грехах, хотела я предложить вам. Но, к сожалению, там сегодня закрыто, — пошутила Макбуле.

---

* Эюб Султан — мечеть, находящаяся в Эйюбсултане — пригороде старого Стамбула на берегу Золотого Рога. Там находится знаменитое кладбище с гробницей Эйюбсултана — легендарного сподвижника пророка Мухаммеда, причисленного мусульманской религией к лику святых.

Пока Макбуле говорила, мы увидели, как, совершенно не волнуясь, в сад вошла невысокого роста девушка в сером костюме и остановилась в пяти-шести шагах от стола, за которым мы сидели. На воротничке кружева, в руках кружевные перчатки и маленькая сумочка. С первого взгляда мне показалось, что она сиделка, у которой выходной.

Ходжа, тяжело вздохнув, прошептал мне на ухо:

— Еще один образец добродетели!

Начались вопросы:

— Ваше имя?

— Ремзие.

— Сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— Выглядите моложе!

Она, не обращая внимания на комплимент, продолжала спокойно отвечать:

— Нет, мне двадцать четыре.

В отличие от других, у нее был довольно дерзкий вид.

— Конечно же, вы образованы?

— Немного.

— Где вы учились?

— После педагогического училища немного в университете.

Господин Сервет даже присвистнул.

— Это надо не так тихо, а крича во весь голос произносить, детка!

Она и на этот раз не обратила никакого внимания на комплимент. Только стала немного раздражаться.

— Да, в вас не только добродетель, но и знания, — похвалил ходжа.

Дело принимало совершенно другой оборот. Обе стороны стали артачиться. Господин Сервет старался ее разговорить, девушка на все его вопросы отвечала

односложно. Мне показалось странным такое поведение человека, который пришел на собеседование, чтобы устроиться на работу в театр.

— Сколько вы проучились в университете?

— Три года, уважаемый.

— Три года... Так это же почти законченное образование...

— Да, вроде того, уважаемый.

— Не хочу показаться нескромным, но мне очень интересно, почему вы бросили университет? Наверное, какая-то несправедливость вышла?

— Нет, уважаемый, ничего такого не было. Образование не требует большого ума... Я, как попугай, очень легко запоминаю.

— Если так, почему тогда не закончили?

— На то были причины личного характера...

Речь ее была сухой, но спокойной. Она отказалась от предложенного ей господином Серветом стула и продолжала стоять.

На этот раз в разговор вмешался учитель литературы:

— Это все хорошо, но вы, и не окончив университет, могли бы работать учительницей!

— Я работала до университета более полутора лет. Не понравилось.

Я машинально рисовал на бумаге, лежащей передо мной, непонятные рисунки. Услышав эти слова, поднял голову и внимательно посмотрел ей в лицо. После провозглашения республики профессия учителя начальных классов стала чем-то вроде табу, о ней нельзя было говорить плохо. И требовалась большая смелость, чтобы так просто сообщить о том, что ей не понравилось работать учителем. Наверное, она просто играла. За эти два часа мы насмотрелись разных номеров, но этот отличался от всех других. С начала

экзамена я не проронил ни слова, только слушал. Но тут не выдержал:

— В таком случае вам, наверное, больше нравится искусство?

Девушка чуть повернулась в мою сторону. Впервые она задумалась. И это делало ее в моих глазах привлекательнее и располагало к ней. Однако после первого табу она не преминула нарушить и второе.

— Мне трудно сразу ответить. Кто знает... Приобрету опыт... Конечно, если вы меня примете!

Хотя говорила она без обиняков, было видно, что она продолжает сомневаться и размышляет. На этот раз она заговорила, прежде чем кто-то из нас снова задал ей вопрос:

— Я думаю, что у меня есть небольшой талант и я могу выступать на сцене. Я уже говорила, что уверена в своем умении быстро и хорошо запоминать. Насчет восприятия не могу ничего гарантировать. Мне все равно кого играть — молодых или старых. Конечно, и незначительные роли тоже...

Мы не рассчитали, что под каштанами, растущими плотным кольцом, вечер наступит так быстро. За стеной сада виднелись башни мечети, свинцовое покрытие которых блестело на солнце. Но, несмотря на это, мы пребывали в темноте.

На лице девушки, полностью погруженном в темноту, играли отблески света. До неузнаваемости изменившимся голосом она сделала смешное сравнение:

— На сцене что-то вроде служанки... Немного готовки, немного глажки... Посуду помыть, белье постирать, подмести, если надо... Даже во время женских болезней могу не покидать сцену на день-два...

— Вот так, немного улыбнись, дочка! — не выдержав, сказал ходжа.

Все вместе рассмеялись, но она опять стала серьезной.

— Еще один вопрос, — сказал я. — Нельзя об этом не упомянуть. В театральной жизни есть некоторые минусы. Кто знает, в каком уголке Анатолии, в каких ужасных условиях придется жить во время гастролей...

На лице — все тот же блестящий взгляд и улыбка.

— Я обо всем подумала, все просчитала, уважаемый.

Азми, как и я, во все глаза смотрел на нее. Девушка гордо направилась к сцене. Она стала первой, кто, не перепутав и не наступив на ступеньку, камень которой расшатался, поднялась на сцену.

И на прослушивании она ни на секунду не останавливалась. Она говорила быстро и непринужденно. Странно, но ни одно из произнесенных ею слов не терялось, только звучало немного суховато. В особенности ее тирада из трагедии напоминала упражнение по арпеджио*. В роли Федры, мне показалось, что она прыгает выше головы. Мне даже стало стыдно за нее. Однако она раскрылась, когда стала читать отрывок из комедии, которую выбрала сама. Это была роль девушки-служанки, та, что на одном духу обманывает внезапно вернувшегося домой простоватого хозяина, чтобы не рассказывать ему о том, что его жена пошла на маскарад, и не пускает его в спальню до прихода жены.

— Да это же комедия «Хозяйка спит!» из Минасяна, — узнал господин Сервет.

— Да, хотя вещь и не очень, однако для меня тема для размышления, поэтому и выбрала, — объяснила она.

---

* Арпеджио — последовательное извлечение звуков аккорда (обычно начиная с нижнего тона). (Примеч. ред.)

Этот отрывок, похожий на плутовство, был для Ремзие не только темой для размышления, но и подал ей хорошую мысль. Кроме того, взять в труппу актрису с университетским образованием было для господина Сервета большой удачей.

— Да, жаль бабу! — произнес ходжа, тяжело вздохнув.

— Почему жаль? Разве театр это не разновидность школы? — спросил господин Сервет.

Однако ходжа имел в виду совсем другое. Он до сих пор думал о той с желтым билетом и смотрел в сторону двери на тропинку, по которой она прошла. Еще раз, тяжело вздохнув, он повторил название знаменитой пьесы Гюлю Агопа*:

— «Может ли быть повержена добродетель?» Ну что сказать: дай Аллах, чтобы все закончилось хорошо!

Среди пришедших на собеседование я заметил старого актера по имени Садуллах Нури. Он не спешил, просто сидел и ждал своей очереди. Наконец вышел из своего угла и медленно направился к столу. Сухо поздоровавшись, как чиновник, он остановился. Долгие годы он совмещал и актерство и службу. Работал секретарем в небольшом управлении по земельным делам и иногда выходил на сцену под именем Вехби.

В первые годы после провозглашения конституции он как-то сразу стал знаменит. Такие театры, как Бирхапеттин и Донанна, на главные роли всегда приглашали только его. Потом, когда дела пошли плохо, он исчез из поля зрения. А потом мы узнали, что Са-

---

* Гюлю Агоп (Агоп Вартовьян) (1840–1891) — основатель и руководитель турецкого национального театра «Шарк тиятросу», видный артист, режиссер, переводчик. (*Примеч. ред.*)

дуллах Нури поехал в Анатолию и там работал сборщиком налогов при министерстве финансов и начальником одного из районов Анатолии. Однако и это не продлилось долго. У него выявили небольшие хищения. Его даже посадили в тюрьму, пока шло следствие. После этого он вернулся в Стамбул в театр. Двери театра были для него всегда открыты, однако на этот раз фортуна, судя по всему, отвернулась от него. Плюс ко всему он начал потихоньку стареть. Он знал, что в таком небольшом кругу все почти всё знают друг о друге. Однако притворился, что ему все равно. С печальной покорностью могучим голосом стал говорить о том, что он всего лишь старый любитель и ни в коем случае не собирается сравнивать себя с молодежью. Но он смеет надеяться, что пригодится для ролей стариков. Если мы, конечно, дадим ему возможность показать себя, за что он будет нам бесконечно благодарен.

Он очень хорошо рассчитал время. Если бы он, как тот известный актер, поспешил, то, без сомнения, прогорел бы.

Мы заседали вот уже много часов подряд. Перед нами прошло очень много похожих молодых лиц. А на этом большом полноватом лице наши глаза просто отдыхали. В вечернем полумраке его огромные грустные глаза и природная благовоспитанность, принадлежащая господам из старого Стамбула, бесконечная вежливость и учтивость — все это произвело хорошее впечатление на членов комиссии, большинство из которых были людьми в возрасте.

К тому же мы все очень устали. В тот момент вся наша суровость и принципиальность куда-то улетучилась.

— Что за экзамен в самом деле, — выступил в его защиту Азми. — Вы человек, который давно доказал

всем, что не нуждается в подобного рода экзаменах.

— Да, это, безусловно, так! — подтвердило сразу несколько голосов во главе с господином Серветом.

Теперь уже играли мы. Садуллах Нури, чтобы еще больше укрепиться в своих позициях, с тем же учтивым упорством, согнув шею, настаивал:

— Порядок есть порядок! Надо оказывать уважение установленным правилам. С вашего разрешения, я начну!

Не выходя на сцену, а только лишь сделав шаг назад, он начал читать последнюю тираду из «Совы», где старик выступает против смерти молодого парня. Несмотря на то что он говорил безо всякого напряжения, его голос дрожал.

— Злоба моя в этом сияющем предателе, — произнес он.

А когда погрозил пальцем в сторону неба, его скорбь дошла до предела. Кто этот предатель? Кто может это знать? Однако, не правда ли, мы все на кого-то жалуемся. А в таком случае должен быть виновный! Даже в глазах журналиста, который не был в том возрасте, чтобы до конца все понять, стояли слезы.

В результате Садуллах Нури исполнил свою лучшую роль и выиграл партию. Пришедших с ним троих девушек, не без его содействия, мы тоже приняли. Одна из них была красивая, хорошо сложена. Ее манеры, голос и речь не могли не понравиться. Только была в ее лице одна странность: если смотреть в профиль, оно казалось очень красивым, если посмотреть на него в анфас, оно как-то странно сужалось и вытягивалось. А если столкнуться с ней нос к носу, ее взгляд, как у хищной птицы, не давал чувствовать себя в полной безопасности рядом с ней.

Мы уже поднялись из-за стола. Находившийся рядом со мной ходжа тоже обратил внимание на эту ее особенность и, схватив меня за руку, зашептал:

— И у этой, наверное, в сумочке есть желтый билет. Спаси Аллах, чтобы наш парнишка и эту не вывел на чистую воду. А если говорить о лице: в сентиментальных ролях будет играть, как Карагез*, в профиль, а в нагловатых — в анфас. Однако ноги и вправду ошеломляющие!

Последними были одинаково одетые, взявшиеся за руки, как школьницы, две девочки-подростка. Станным было то, что они обе захотели зайти на экзамен. А так как наше дело уже давно потеряло свою серьезность, мы разрешили.

— Вы что, сестры? — спросил один из нас.

— Нет, подруги! — ответили они в один голос.

— И на сцене в один голос собираетесь говорить? — пошутил ходжа.

Девочки засмеялись.

— Да разве можно так, уважаемый, — смутившись, ответила одна из них.

Господин Сервет поинтересовался, почему они захотели зайти на экзамен вдвоем. Обе разом посмотрели на него.

— Ты скажи, — сказала одна другой.

— Уважаемый, мы не хотим разлучаться. Если Аллах смилостивится и мы вам понравимся, то будем вместе сюда ходить.

— Но если вдруг вам не понравится одна из нас... — начала другая, прикусив губу, но как-то сразу сникла и замолчала.

— А если не понравитесь, что тогда? — спросил ходжа.

---

* Карагез — одна из кукол в театре теней «Карагез и Хадживат».

— Тогда мы вместе будем плакать, уважаемый, — ответили они, не осмелившись произнести «тогда не будем ходить». И, словно собираясь перейти от слов к делу, у обеих задрожали губы.

— Вы, наверное, и замуж вдвоем пойдете, — спросила Макбуле, и девочки, передумав плакать, рассмеялись вместе с нами.

— Сейчас сразу двух брать в жены запрещено. Не правда ли, уважаемые — спросила одна из девочек, приподняв бровь.

И опять мы все захохотали.

— Эти хотят выдать себя за детей, — тихо сказал мне ходжа. А потом, повысив голос, спросил: — Как тебя зовут, дочка?

Девочки были похожи на артистов, выступающих в паре. Однако одна из них была высокая, а другая — низенькая и полноватая. Получался неплохой контраст.

— Масуме*, уважаемый!..

— Ух, ты, прекрасно, а тебя?

— Мелек**, уважаемый!..

— Ух, ты... Ух, ты!..

Ходжа не выдержал и начал паясничать.

— Только вот, детки мои, театр — это не царство небесное... — произнес он, громко смеясь. — Не могу даже представить себе, что в театре могут делать ангелы с праведниками! Интересно, а где вы учились?

— В доме культуры...

— И в средней школе учились, уважаемый, — добавила другая. — В доме культуры мы брали уроки театрального мастерства.

---

* Масуме — женское имя, означающее — невинный, безгрешный.

** Мелек — женское имя, означающее — ангел.

— Ох уж эти дома культуры! Почти как в консерватории, — сказал ходжа. Потом, моргнув, шепнул мне: — И ваш театр «Зеказик» не будем забывать!

Я не смотрел на девочек как на претенденток. Только чтобы их не расстраивать и не нарушать правил, мы продолжали задавать вопросы.

Через некоторое время, когда господин Сервет поблагодарил их, у обеих на лицах появилось скорбное выражение, и они так и остались стоять на месте.

— Что случилось, детки?

— Вы не возьмете нас, уважаемый? — спросила Мелек, надув губки.

— С чего вы так решили? — удивился господин Сервет. Другая тоже расплакалась.

— Вы не дали нам выступить, как другим, — ответила она сквозь слезы.

— Мы и без выступления можем понять; есть талант или нет, — сказал господин Сервет, улыбаясь и в то же время обидавшись. — Но если уж вы так хотите, то давайте на сцену.

Пока девочки готовились к выступлению, вытирая глаза и лица, к нам подошла Макбуле и обратилась к ходже:

— Смотри, у Масуме мокрый нос... Поди вытри, что сидишь?

Из пришедших на экзамен многие уже разошлись. Однако некоторые до сих пор ждали в темном дворе.

— Ребята, мы вас всех просмотрели и прослушали... — сказал им господин Сервет. — Мы решим, кто из вас прошел. Вы оставили нам свои адреса. Результаты отправим вам по почте.

Я уже знал о результатах. Когда учитель литературы, театральные критики и журналист иногда спорили между собой, он мне тихонько шептал:

— Не обращайтесь внимания, все в наших руках. Вы только покажите того, кто вам приглянулся. Завтра вместе будем собирать кадры. И в парламенте так же, не правда ли? — спросил он немного погодя, сжимая мне руку. — Народ говорит, а имам упрямо гнет свою линию...

Господин Сервет хотел показухи и рекламы. Стало понятно, что этим экзаменом он себя позабавил, устроив большую игру, как в свое время его дед и отец.

* * *

На следующее утро, собрав учредителей, мы принялись формировать личный состав. По существу, и делать-то было уже нечего. С условием считать Садуллаха Нури одним из наших постоянных членов, мы набрали полдюжины артистов за счет молодежи, сдавшей экзамен. Они должны были играть второстепенные роли. Во главе их находился Пертев, который из-за своей статности должен был стать лидером труппы.

Вот уже несколько дней как в группу организаторов затесался новый товарищ — Осман Лахути. Он был из актеров лагеря Зеказик. Сын погибшего в военных действиях на Балканах кавалерийского майора.

Его дед, известный восточный шейх, хотел сделать из него своего преемника, поэтому долгое время держал подле себя, а потом отправил в Дарюлфюнун* изучать богословие. Однако Осман, не найдя общего языка с учителями-богословами, решить направить

---

* Дарюлфюнун — название, даваемое в Османской империи университетам.

свою жизнь в другое русло и, не таясь, начал заниматься литературой.

Чуть позже в нашу труппу пришло еще одно чудо, похожее на Пертева. Он тоже оказался благородных кровей. Хотя он не был так красив, как Пертев, зато прекрасно сложен и расторопен. Одним словом, презентабельный молодой человек. Экзаменационная комиссия нашла в нем еще множество положительных качеств.

Отец его силой заставил учиться в медицинском университете, но потом, увидев, что дела у сына идут не так хорошо, как хотелось бы, отправил его на несколько лет во Францию. Однако куда денешься от судьбы? Во Франции он, забросив учебу, начал ходить по театрам и брать уроки театрального мастерства. Он стал учеником Феликса Галипауда и других не менее именитых актеров. У него на руках было прекрасное письмо Феликса Галипауда, которое вполне могло сойти за свидетельство его учебы во Франции. Услышав об этом, господин Сервет опять не удержался, так как сам лично знал Феликса Галипауда. И они стали беседовать.

Когда «доктор» начал читать один из монологов Галипауда, подражая его манере, на французском языке, глаза бедняги господина Сервета наполнились слезами. Значит, эти слепцы из Дарюльбедаи его не заметили и такому человеку, с такими выдающимися способностями три раза указали на дверь! А раз уж он такой выдающийся талант, то мы не придали большого значения тем ошибкам и остановкам, которые он сделал и в стихах, и в наших текстах. Экзамен был успешно сдан, и занавес опущен.

Мы набрали труппу.

Мужчины: я, Азми, ходжа, Лахути, Садуллах Нури, доктор Рейхан, Пертев и успешно сдавшие экзамен два молодых человека Шевкет и Неджми...

Женщины: Макбуле, Сюхейла, Ремзие, Дюрдане и Мелек с Масуме... Среди экзаменуемых были кандидатуры намного талантливее этих двух девочек, однако Дюрдане знала их близко... Они жили с ней на одной улице. Даже называли Дюрдане тетей. Это были две сиротки, выросшие в бедности. За их порядочность она могла поручиться и надеялась, что Аллах их и дальше не оставит. Даже на солнце есть пятна, а они чисты. Сначала девочек хотели отдать в школу повитух, но они твердили одно — театр. Плюс ко всему и в доме культуры стали выходить на сцену. Она и сама присутствовала на одном представлении и была поражена. Чем набирать неизвестно кого, взять этих, конечно же, намного лучше. Вдобавок Дюрданэ сказала, что сама будет за ними присматривать.

Мечтавший всегда о великом господин Сервет хотел увеличить труппу до двадцати человек. Однако я настоял на пятнадцати.

— Расширение сейчас очень опасно для нашего бюджета, — ответил я и назвал причины.

Я сказал о том, что мы находимся еще в самом начале нашего пути и что я не сомневаюсь в том, что даже после начала нашей работы появятся еще более талантливые ребята, и что потом прикажете делать?

Ссоры между начальником и подчиненным у нас происходили совершенно по-другому поводу. Он, например, считал делом чести платить артистам не меньше, чем это делают в Дарюльбедаи. И при этом приводил мне кучу аргументов. Я, конечно, считал все это вполне справедливым, однако, выслушав до конца, с серьезным видом выступал против.

— Наш бюджет ограничен. Нельзя. А не то я откажусь от места финансиста, — говорил я.

Господин Сервет иногда делал вид, что злится. Но я понимал, что он вполне доволен моей работой.

Он и сам, бедняга, уже был в том возрасте, чтобы понимать, что и он не без изъяна. Поэтому видимость, что один из нас постоянно жмет на тормоза, повышало нашу безопасность. Короче говоря, мы играли друг с другом в расточительного правителя и в предусмотрительного визиря.

Господин Сервет после таких перебранок жаловался ходже, ища у него поддержки:

— Не знаю, правильно мы поступаем или нет?

Казалось, ходжа нашел формулу, выводящую его из этого щекотливого положения. Закрыв один глаз, он словно глубоко задумывался и озадаченно произносил:

— Да, это вопрос!

Не знаю, как ходжа, когда они оставались одни, растолковывал ему ответ на этот вопрос, но каждый раз после беседы подобного рода господин Сервет, сникнув, говорил мне:

— Ты, как всегда, прав! Дай Аллах тебе здоровья, — И продолжал смотреть на меня невинными глазами. — Не знаю я цену деньгам. Насколько меньше будем тратить, настолько сможем продлить эту комедию... Я хотел сказать, наше существование.

Глава десятая

До этого дня ходжа жил у меня в пансионе в Куле-диби. Однако это только называлось, что жил. Он нашел своих старых друзей, то тут, то там по всему Стамбулу. И вместе с ними допоздна черт знает где шатался. Приходя под утро с обувью в руках, как загулявший муж, он входил в комнату.

— Откуда ты? — спрашивал я, если не спал.

Он усталым, иногда и подвыпившим грустным голосом говорил:

— С поисков утерянного. Однако, какая жалость, не могу никак найти!

После того как начали работать, он с деревянным чемоданом и зонтиком в руках перебрался в одну из комнат особняка господина Сервета и больше ее не покидал.

Мы все работали не покладая рук. Такой задор, наверное, бывает только у армии, рвущейся в бой, да еще... Да еще в театре. Несмотря на то что я все еще сомневался и не верил в наше дело, я засучил рукава. Но больше всего меня радовало настроение Азми, который после плена превратился в пессимиста. Но теперь я замечал вполне реальные перемены в его характере. Можно было даже сказать, что постепенно он избавлялся от своего пессимистичного настроения. Это был прежний Азми, как и в тот день, когда

мы видели канал издали. И как в ту ночь, когда под артиллерийским обстрелом переходили его. Помню, как на мысе среди разрывов снарядов появлялся и пропадал только длинный хищный силуэт Азми-пирата. Я больше ничего не хотел, только бы еще раз увидеть его таким. Это наше приключение того стоило... Однако эта картина в то же время заставляла меня задуматься о новом поражении. И тогда я начинал работать в два раза быстрее. Как сказал ходжа, мы должны были продлить это приключение... Настолько, насколько это будет возможно!

Через несколько дней и я, прихватив с собой Исмаиля, перебрался в особняк. Потому что работа не требовала отлагательств и приходилось трудиться даже ночью.

* * *

Для того чтобы подготовиться к гастролям, у нас имелось только сорок-пятьдесят дней. Нужно было спешить.

Но в то же время нельзя было пренебрегать значимостью предстоящего турне по Анатолии. Мы воспринимали его, как генеральную репетицию.

Другого выхода, кроме как поверить в успех нашего дела, у меня не было. В сущности, и в походе на канал происходило то же самое.

Я взялся подыскивать пьесы. Ведь от того, насколько они смешные, настолько быстро они захватят зрителя. Это были разного рода адаптированные пьесы... Одна из них, привезенная в наши Тавры из Южной Франции, — пьеса «Девушка из Мерсина». В общем, пьесы, подходящие под нашу реальность. Произведения, которые заставят смеяться и плакать.

Мы сразу стали репетировать. Я решил, что пока не будут полностью готовы хотя бы четыре-пять из них, мы не поедem на гастроли. Ведь, где бы мы ни оказались, их надо будет ставить одну за другой. Если не драму, то комедию... Я обязательно должен был найти способ завлечь зрителей в наш маленький мир, открывающийся за этим занавесом.

Я представлял, как мы вступаem в схватку, и это вселяло в меня надежду. Во-первых, надо было начать и вывести народ на сцену. Во-вторых, собрать зрителей, причем очень разных. Начиная с непоступивших в школу и шатающихся без дела молодых людей и заканчивая не признающими никаких законов старых вояк.

Что касается пьес, то текст сразу нескольких ролей надо было учить наизусть. Перед началом репетиций текст должен отскакивать от зубов. Все очень старались, но отчуждение все еще ощущалось. Было видно, что актеры еще не притерлись друг к другу. Но со временем и это должно было пройти. Отчаявшимся я сулил роли, которые им, может быть, совсем и не суждено будет сыграть.

Испытывая жажду творчества, мы, как в пустыне, нашли оазис, которым оказался наш театр. Это был наш «последний приют», оберегающий нас от бушующей вокруг нас жизни и борьбы за выживание. Наше убежище, в которое никто чужой не сможет забраться и разрушить его...

Один постановщик, постоянно менявший труппы и известный как человек, которого трудно чем-либо удивить, увидев нашу работу, очень он восхищался:

— Честное слово, я нигде не видел такой дисциплины. Даже в государственных учреждениях, где я работал...

Он научился постоянно держаться в стороне. Может быть, это была своего рода предосторожность, так как он привык на все смотреть с позиции чиновника. Можно было ему и не верить, однако было видно по его настроению, что наша работа ему действительно нравится.

В особняке все еще шла стройка.

— Строимся, строимся, — подбадривал нас господин Сервет.

Господин Сервет... В наших отношениях было что-то ненормальное. С первых дней знакомства испытанное мной отвращение к этому человеку еще не пропало. Но иногда я ощущал к нему чуть ли не родственные чувства...

В особняке мы построили две сцены. На одной из них мы проводили экзамен. Она находилась в саду. Другая была построена в большом зале особняка. Даже для проведения репетиций я не поленился и смастерил несколько простеньких декораций...

Здесь не было заметно вечного разногласия между поколением отцов и детей. Пусть между артистами еще не сложились крепкие дружеские отношения, но все, словно школьники, развлекались. Здесь, как и в школе, вначале чувствовалась отчужденность, потом потихоньку начали образовываться группы по два, три человека. А когда начали работать, группы окончательно сформировались.

Роли были выучены наизусть. Все стали привыкать друг к другу. Поэтому сразу начали репетировать в полную силу. Работали, как и в первые дни, с волнением и радостью. Потом делали передышку. Перерывы между работой я называл передышками, потому что они походили на перемены в школе.

Группы гуляли во дворике под каштанами, затем, раздвинув столы, все вместе обедали. Иногда нам

приносили еду из небольшого ресторанчика, а иногда мы готовили сами на огне развалившейся печи. После обеда мой помощник звуком горна собирал всех на работу... И опять мы трудились до глубокой ночи...

Время от времени в труппе жаловались на такой темп работы, однако когда мы говорили: «Можете идти, вас никто не держит!» — голоса смолкали... Ведь это был для всех последний приют.

Начав репетировать, мы поняли, что на экзамене поддались ложным впечатлениям. В некоторых наших актерах мы ошиблись; или можно сказать, что встретили по одежке. Например, наша большая надежда Рейхан оказался просто-напросто придурком. А доктор оказался никчемным человеком. Было похоже, что постановка более серьезных и трудных пьес затянется.

— Такие дураки, кто знает, сколько еще людей обманут, так же как и нас. Из подобных красивых глупцов правительство делает министров, а принцессы — мужей. Эх, да что уж тут, и мы их красотой немного попользуемся. Да, милый?

Не выносящий никакого вида скуки бедняга ходжа всегда пребывал в радостном настроении, однако в делах, в успех которых он не верил, он старался оградить нас от любой опасности.

В перемене настроения труппы большую роль играла Макбуле. Макбуле оказалась намного лучше, чем я о ней думал в самом начале. Она вела себя как хозяйка. Иногда она выглядела очень привлекательной, настоящей женщиной, но, когда злилась и орала на всех своим зычным голосом, превращалась в стерву.

Что касается дисциплины — она, как и Азми, одним своим видом заставляла всех слушаться. Больше всего я переживал, что Макбуле захочет играть роли молодых девушек. Однако бедняжка понимала свое

положение. Даже знала, как это будет выглядеть со стороны. Наша дружба была на той стадии, когда мы, не таясь, могли говорить на разные темы.

— Я настоящая женщина, — говорила она мне открыто, не стесняясь, — однако не на сцене. Сохрани меня Аллах, если я захочу, то любого могу завести. Но не стану. А что, если вдруг из зала начнут возмущаться? Что тогда делать?

Поэтому в серьезных пьесах она играла пожилых женщин, а в комедиях — молодых девушек.

Меня немного пугала Сюхейла. Иногда, попав в волну, она в самых захватывающих пьесах, самые сложные волнительные моменты превосходно играла вместе с Рейханом. Однако время от времени оба они изрядно портили нам настроение.

Сюжет пьесы был таков: из двух дружащих между собой семей молодой человек и замужняя молодая женщина влюбляются друг в друга. Взвесив все «за» и «против», подумав обо всем, они решают сбежать. Однако в ночь побега молодая женщина, увидев, насколько привязан к ней муж, отказывается от принятого ранее решения.

Рейхан, как говорила Макбуле, — настоящий зубрила, но не отличающийся хорошей памятью. Лицо красиво, как у ангела... Однако, к сожалению, нет способности к искусству. Словно боясь, что слова смешаются в голове, он стоял на сцене не шелохнувшись. Кроме того, опять же, как зубрилы, закрывал глаза, а самые волнительные, полные протеста слова читал со странной выразительностью, словно главы из Корана. С другой стороны, Сюхейла. Мы не могли отучить ее от манеры произносить слова противным нервным голосом, словно она ругалась с мужем из-за зарплаты. Играющая роль свекрови Макбуле постоянно сходила со сцены и подходила ко мне.

— Господин Сулейман, я сойду с ума... Как может человек, все бросив, убежать из дома ради этого придурка, — говорила она.

Рядом с нами крутились Шахин, Лале, Хаккы и Алеко.

Хаккы был сыном няни господина Сервета и в то же время его другом детства. Он проявлял интерес к фокусам и гипнозу. Он походил на калмыка, а широкие брови придавали ему вид шалопая. Он начинал в подмастерьях в Карагезе, а потом стал интересоваться всякого рода фокусами. Даже успел немного побывать медиумом. Закрыв руками глаза, он находил то, что от него прятали... Одним словом, никому не причиняющий вред и живущий в своем мирке бродяга. У нас он следил за гардеробом и другими вещами, то есть состоял в должности бутафора. Хотя, если было надо, мог заняться уборкой и ремонтными работами.

Через несколько дней после начала работы среди нас появилась машинисточка в каракуле господина Сервета. Она занималась тем, что печатала роли.

— Она одна из наших актрис! — поведал мне ходжа сенсационную новость.

Моя интуиция подсказывала мне, что господин Сервет боится обнародовать это. Еще он боялся проблем с семьей.

Знать такие подробности, опираясь только на интуицию, было невозможно. После того как я прижал ходжу, он все рассказал мне. Я понял, что все, о чем он говорил мне, это слова господина Сервета. Наш патрон открыл ему душу. Даже между собой они договорились мне ничего не рассказывать. Ходжа, увидев, что я нахмурился, сказал:

— Не порть себе этим настроение. Ничего не поделаешь. Это же театр. Такое начало было заложено дав-

но. И в конце концов, все ведь у него в руках. Мосты сожжены, бежать некуда. Мы уже в пути.

Я улыбался, словно одобряя его слова. Мне даже показалось, что в чем-то он прав.

Без сомнения, ходжа сразу доложил господину Сервету, что я в курсе всего, потому что в течение двух-трех часов всем все стало известно.

Господин Сервет захотел, чтобы мы между нашими приготовлениями занялись репетицией «Дамы с камелиями». Это было против наших принципов, однако патрон настаивал.

— Разве «Дама с камелиями» не красивое воспоминание для всех нас?.. Кроме того, мы же не собираемся ставить ее в Стамбуле!.. Что, если мы начнем репетировать с артистами, не задействованными в других пьесах? Заставим поработать и Рюкзан. Да и желание есть у бедняжки. Рейхан тоже свободен... Так у нас появится и третья пьеса...

* * *

Это дело мы поручили господину Сервету. Он всегда поступал, как ему заблагорассудится. Но из-за того, что за ним следили, у него всегда был вид школьника, прогулявшего уроки. В одной из комнат начались приготовления к «Даме с камелиями». Мы развлекались тем, что иногда ходили на них посмотреть. Дюрдане, говорившая, что одно время играла в этой пьесе, стала кем-то вроде режиссера.

Между тем как я уже отмечал, формировались группы. В моей были Азми, Макбуле и ходжа. Но ходжа одновременно входил и в другие группы. Например, к патрону...

Среди нас самым одиноким был Нури. По мере необходимости он выходил на сцену, произносил свои

монологи и опять забивался в свой угол. Да еще и Ремзие... Она приходила всегда на работу первой, с таким выражением на лице, которое пресекало все попытки завести с ней дружбу. Она всегда была одна. Меня заботил только один вопрос: что делает здесь эта толковая чистосердечная девушка? Как уживется она среди них?

Были и такие, которые обижались на нее за это. Конечно же, во главе всех стояла Макбуле. Она попробовала с ней подружиться, но, поняв, что номер не пройдет, затаила на нее злобу. Иногда она язвительно называла ее «барышня», а иногда просто — «ледышка».

Наиболее бросающейся в глаза особенностью этой одинокой девушки была необычайная простота. Например, она могла лечь на пол, чтобы достать карандаш, закатившийся за шкаф, или пришить пуговицу дядьке, или же принести стакан воды Дюрдане. В противоположность другим, которые сразу обижались на замечания, она с готовностью отвечала: «Поняла!» Она весело смеялась даже над простыми шутками. Она никого никогда не просила о помощи, все делала сама. Когда не могли найти суфлера, она с готовностью работала за него. Она бралась за все, не боясь позора, а когда все получалось, ее глаза просто светились...

Однажды ходжа сидел на краю подоконника. Неожиданно ноги его соскользнули, и он не смог удержаться. Ремзие, увидев это, быстро подбежала к нему, обняла, и они упали вместе. Ходжа из-за того, что остался под ней, немного расшибся. Ремзие заливалась от смеха. У нее была такая особенность: когда она чего-то стеснялась, то начинала громко смеяться. В конце концов ходжа, приподняв ее, поставил на ноги.

— Смейся, ради Аллаха, я, чтобы тебя рассмешить, готов выброситься с третьего этажа, — сказал он.

Глава одиннадцатая

Наконец-то мы вышли в море. Это была моя первая ночь в море после многих лет. Я находился один на юте, после того как мы отплыли из Зонгулдаге*. Лежал, завернувшись в плащ, в кресле-качалке.

Береговые огни, после того как мы взяли курс, быстро исчезли, и мы попали в бескрайние просторы. Птицы, хотя и было темно, все еще продолжали летать.

Я всегда чего-то ожидал от моря. Даже когда-то думал о том, чтобы построить небольшой парусник и на нем пуститься бороздить морские просторы. Ближе к последним годам перемирия, когда я искал работу, мне предложили место секретаря в конторе по перевозкам, которыми занималось одно Сенегальское грузовое судно. Капитан судна да и вся остальная команда были сенегальцами и говорили по-французски. Среди них оказались и те, кто знал арабский. Эта маленькая конторка находилась в одном из удаленных уголков пристани Сиркеджи**. Бывая там, я словно попадал в другой мир, где жили люди с другим цветом кожи.

---

* Зонгулдак — город, областной центр, находится на Черноморском побережье Турции.

** Сиркеджи — городская территория в Стамбуле, в районе Эминеню. В Сиркеджи находятся Айя-София, Голубая мечеть, древнеримские водохранилища и дворец Топкапы.

Однако центральный штаб, от которого я тогда все еще зависел, запретил мне работать в этой конторе, тем самым обрекая на голодное существование.

Я вспомнил сейчас эту историю с перевозками под звук вздымающихся под нашим пароходом волн, словно совершил тогда какое-то путешествие. После этого грузового сенегальского судна, которое впоследствии превратилось в полупиратское, свою мечту о путешествиях я осуществил на прекрасном лайнере «Паке», когда впервые отправился во Францию.

Вместе с береговыми огнями погасли и огни на нашем судне. Остался гореть только большой вахтенный фонарь. Я задремал и опять стал видеть сон о Голубом и Черном.

В противоположность Голубому, в котором я представлял себе Ахмета Джеляля той ночью в «Тепебашаши», на этот раз я начал видеть его в Черном, бредущим по неизведанным бескрайним просторам... Но вдруг я проснулся от негромкого голоса. Это был голос Макбуле, которая всегда заставляла меня спать.

У Макбуле была слабость. Вернее сказать одна из ее слабостей... Ее тянуло ко мне из-за одной вещи — непреодолимой степени моей отчужденности. Чувствуя, что со мной сможет пережить приятное приключение, она с неудержимой страстью рвалась ко мне. Когда ей казалось, что я нуждаюсь в помощи, она клала голову мне на плечо. Даже иногда заходя дальше, думая, что я не замечаю, подбирала подол платья, оголяя при этом ногу.

В конце концов я даже предположил, что она делает все это, потому что хочет стать любовницей второго человека в театре и тем самым сохранить чувство собственного достоинства и получать главные роли.

Иногда и я подумывал о ней, глядя на ее маленькое детское личико. Однако чтобы не дать повода для сплетен в нашем маленьком мирке, мы просто стали закадычными друзьями.

Макбуле опять поймала меня с поличным.

— А говорили, что устали и будете спать, — сказала она.

— А я что делаю?

— Вы даже не собираетесь спать. У вас ни в одном глазу! — воскликнула она. А потом опять, как ребенок на празднике, продолжила: — Я поняла: вы этой ночью просто решили скрыться от назойливых беспардонных вопросов капитана... — Увидев, что я молчу, она добавила: — Но у вас есть на это полное право... Я и сама еле сбежала от этого назойливого человека.

Иногда транжирство все же брало верх над нашим патроном. Вот и сейчас он хотел, чтобы вся наша труппа хотя бы раз отправилась первым классом. Чтобы, когда наш пароход будет отходить от пирса в Стамбуле, он имел возможность построить всех на палубе, дабы журналисты нас фотографировали. Он считал это вопросом престижа. Я, используя свое право вето, сказал, что было бы неправильным сейчас слишком выставляться.

— Это реклама для «Нового турецкого театра», — ответил он мне. — В будущем мы все вернем сполна. Мы ведь «Комеди Франсез» этой страны.

— До этого еще далеко, — возразил я.

— Ну, хотя бы надо сфотографировать лидеров труппы: вас как режиссера и женщин-актрис.

— Господин, это вопрос дисциплины, исключений не должно быть.

Увидев мое недовольное лицо, он от безысходности подчинился. Однако он был патроном и, естест-

венно, его машинисточка могла путешествовать первым классом.

На пароходе выискался любитель покрасоваться — подлиза-капитан. Несмотря на то, что на судне имелись элементарные неисправности, например, краны, он пригласил оркестр и разместил его в большом зале. Среди пассажиров судна был один генерал и несколько депутатов.

Одной из причин моего отказа плыть первым классом было то, что я слышал, как капитан говорил, что «развеселит больших людей, находящихся на его судне», а из этого следовало, что будет шумно.

Господин Сервет после перешептываний с капитаном пригласил артисток в первый класс. Со злой шутки ходжи начались насмешки. Он называл путешествующих первым классом лордами, а всех других — чернью. Однако в течение часа приглашенная капитаном чернь положила глаз на первый класс. За исключением Азми и Ремзие.

Я так хорошо спал на ветру в кресле-качалке, пока Макбуле не испортила мне это удовольствие...

Макбуле сообщила, что забрала Исмаиля к себе в каюту.

— Значит, так? Прекрасная новость... В каюте лордов, естественно, спокойней, хорошо выспитесь, — сказал я, слегка задев ее.

Она поняла это и, засмеявшись, выложила:

— Не сердитесь, но вы плохой человек! — Потом стала сплетничать о бале и капитане. — Патрон сказал, что я лицо труппы и должна присутствовать. Я нарядилась, накрасилась. Хочешь не хочешь, а все равно пришлось пойти на бал...

Я, сохраняя серьезный вид, еще раз пошутил:

— Конечно, это ведь патрон... Надо подчиняться.

На этот раз Макбуле не выдержала и огрызнулась:

— Не злите меня, господин Сулейман. Вот схвачу одеяло и пойду в третий класс. В самый нос парохода.

— Ладно, сдаюсь, — сказал я, подняв руки.

Она продолжила:

— Помнишь, как звали нашего назойливого директора «той ночью»? — Между собой ту снежную ночь, когда мы впервые встретились, мы называли «та ночь». — Капитан такой же надоедливый, как тот директор. Плюс ко всему еще и подлиза. На пароходе есть депутаты и генерал. Бал устроили в их честь. Нашу труппу позвали, чтобы их развлекать. А наш дурень, подумав, что весь этот маскарад организован для него, заладил: «Наш театр, наш театр».

Макбуле, надев платье, приготовленное для одной пьесы, в которой она должна была играть, отправилась на бал с другими женщинами. Я не пошел, сославшись на усталость. Макбуле после этого приглашения почему-то вернулась не в настроении.

Зная, что я недоволен всем, что происходило вокруг, я не исключал, что она немного играла. Однако, приглядевшись, понял, что настроение у нее и вправду не было.

— Празднество устраивал Надоедливый Прилипла, однако официанты очень бойко все чеки нашему идиоту давали подписывать, — сказала она.

В нашей труппе появилась привычка всем давать прозвища. Еще во время репетиций в Стамбуле они появлялись неизвестно откуда, но приставали навсегда.

Почти у всех было свое. Например, Садуллаха Нури прозвали Господин Пучеглазый. Это прозвище он получил из-за своих неимоверно больших желтых глаз. Он знал, что это придумал ходжа. Потом «пучеглазый» заменили на более тактичное слово и стали называть его Господин Навыкате. Почему-то присо-

единившемуся к нам позже Газали не смогли придумать ничего оригинального и называли просто Газель. Капитана парохода наши друзья сразу сделали Прилипалой.

Сплетни Макбуле были к месту. Прикидываясь святошей, она продолжала рассказывать:

— Клянусь Аллахом, патрон расстроился, что не смог взять вас с собой и там похвастаться своим режиссером. Однако, с другой стороны, это было ему на руку. Он, не переставая, говорил о театре. Если бы вы находились там, он бы постеснялся... Потом беседа затянулась. Начали играть джаз. Столько болтовни бесплатно выслушать нельзя. Как началась музыка, наших девочек изрядно облапали. А эти Дремлющие Змеи так задрали носы, что аж я поразилась. (Дремлющие Змеи — это Масуме и Мелек.)

У этих девочек много талантов, но за ними нужен глаз, да глаз! — заключила она. — Что тут сказать и наш Одногорбый Верблюд (Дюрдане) была так весела... (Это прозвище Дюрдане получила за свой свисающий второй подбородок и за выпяченные губы, выглядывающие из-под длинного носа.)

Мы для нее приготовим одну-две любовные роли. Пусть потешит самолюбие. На балу один слепой депутат так прижался к нашему Верблуду!

— Слепой?

— Да, скорее всего, слепой. Разве может зрячий обнимать такое? Если честно, то я не выдержала, села рядом и спокойно ей сказала: «Будем надеяться, что ты этим вечером не забеременеешь». Я думала, она рассердится, но ей, честное слово, даже понравилось.

— А вы что, не танцевали?

Я понял, что Макбуле больше всего разозлило, что среди других девушек ей меньше всего уделяли внимание.

— Один раз, — ответила она. — Не могла отказать одному генералу. А потом Прилипала стал приставать...

— С танцами?

— Ах, если бы так! Он же знает, что я «известная солистка». Сразу поднялся. Пару раз хлопнул в ладоши, призывая к тишине, и начал: «Многоуважаемые гости! Их превосходительство приказывают... Наша солистка споет нам песню». Чтоб я ослепла, если вру! Так и выразился: «Приказывают... Солистка госпожа Макбуле из своего прекрасного репертуара исполнит несколько песен!» Я не люблю равнодушие. В ту снежную ночь не подорвала свой голос, только из-за теплоты, царящей в зале. Больше не найдя что ответить, я сказала ему так: «Я уже не пою. Я ушла на заслуженный отдых!»

«А мы вас попросим вернуться!» — воскликнул капитан.

Мне так и хотелось ему ответить: «А что, если вас после вашего выхода на пенсию заставят стать капитаном маленькой, задрипанной лодки...»

— Злая вы, госпожа Макбуле, — произнес я.

— И наш патрон тоже оригинал. Машинисточка избавилась сегодня от своей лягушечьей шкурки. Словно вышла из кокона шелкопряда. Вырядилась в шикарное шелковое платье. Наверное, наш транжира купил ей целый гардероб...

Я понимал, что принимать сторону Макбуле стало бы неправильно. Потому что потом ее трудно было бы сдержать.

— Госпожа Макбуле, патрон — это патрон! С вашего разрешения, пусть он сам решает, как ему поступать, — одернул ее я.

— Как прикажите, ваше величество!

Макбуле сразу спасовала.

— Смилуйся Аллах, — сказала она и, чтобы перевести разговор на другую тему, стала рассказывать историю. — Я вам уже говорила, что мой последний муж был не человеком, а ангелом в военной форме, только с палкой в руках. Вы, наверное, догадались, на что я намекаю, говоря о палке. То есть эта палка иногда и мою спину гладила. — Она визгливо засмеялась, а потом вдруг стала серьезной. — То есть я хочу сказать, что, несмотря на это, я не боялась своего мужа так, как боюсь вас...

Я привык шутить над Макбуле, поэтому ответил вопросом:

— То есть вы что-то попросили, показали, а мы ответили «нет»?

Да, Макбуле явно вилась около меня.

Глава двенадцатая

Было уже поздно. От парохода исходил звук, создающий ощущение, что ты в другом измерении. Везде погас свет. Огонек горел только в стороне каюты, принадлежащей экипажу судна. Я пошел в его сторону. Это был небольшой буфет. Среди клиентов я заметил нескольких наших. Наша команда состояла не только из лордов и черни. Среди нас имелись и изгои... Один из них Хакки (суфлер), а другие Шахин и Дядька... Дядьку положили на длинную скамью, на голове у него красовалась ермолка... Последним представителем этой группы изгоев являлся маленький горбун. Однако он был не с нами. Когда господин Сервет увидел его на пароходе, то очень рассердился.

— А этот что здесь делает! — закричал он.

Хотя господин Сервет и был демократом, однако его пугало, что находящийся среди нас горбун испортит всё дело и все подумают, будто мы обычные бродячие артисты.

То, что его не хотят, оскорбило самолюбие Горбуна, и от нас он старался держаться в стороне. Однако, как маленькая собачонка, следовал за нами по пятам... Когда его спрашивали, что он тут делает, он вытаскивал из кармана и показывал бумагу с фотографией. Это было свидетельство репортера выходявшей по вечерам небольшим тиражом газеты. Его отправили

в командировку, чтобы он нашел подписчиков для нее.

— Вот видите, я же говорил, что не с вами, — отвечал он, смотря на нас глазами, полными обиды.

Было заметно, что этого беднягу поддерживал Хакки. Они как-то странно сблизились. Они придумали игру. Горбун с картами и салфетками, ни на минуту не останавливаясь, проделывал разные штучки. Или брал деньги и перекидывал их из одного кармана в другой. Это была не просто игра, а фокусы.

Горбун даже принес маску орангутанга. Натянув ее, он превращался в помощника фокусника. Они так веселились, что разбудили спящую у крышки люка старушку.

— О, Аллах! — закричала она

От ее крика проснулись дети. Горбун в маске заковылял в их сторону, и дети от страха расплакались. Потом опять стал показывать разные штучки. Например, вытащил пропавшее кольцо из кармана спящего мужчины.

— Кто сказал, что я вор, а? — подпрыгивая, вопрошал Горбун.

Когда стало невообразимо шумно, пришел матрос и навел порядок. А капитал запретил включать свет. Но на этом все не закончилось. Хакки начал показывать фокусы с огнем. Он стал засовывать себе в рот горящую вату. Музыкант с кеманче* стал опять наигрывать мотив из Сурдины**. Макбуле решила отомстить капитану.

---

* Кяманча — струнный смычковый музыкальный инструмент с шарообразным корпусом. (*Примеч. ред.*).

** Сурдина — приспособление для приглушения звуков в смычковых и духовых музыкальных инструментах. (*Примеч. ред.*).

— Пойдите, ребята, — сказала она и, повысив голос, начала петь вместе с музыкантом песни жителей черноморского побережья. Подобрав подол и сев на корточки возле него, она походила на бабу. Однако когда голос ее стал крепнуть, она превратилась в пылкую девушку.

Дядька даже сел на своей кровати. А Макбуле, словно утолив жажду мести, разволновалась и развеселилась.

— Ты развлекал первый класс, а мы развлекаемся здесь, — поддела она ходжу.

Я подумал, что ходжа ответит ей, однако он оказался настолько умен, чтобы не влезать в споры, в которых обязательно проиграет.

— Ну и прищучила меня эта баба! — сказал он и сразу добавил: — Однако она права!

***

Нежданно-негаданно из-за одной неприятной истории у многих испортилось настроение.

В нижней каюте, где мы развлекались, спал один хаджи, продающий книги о житие Мухаммеда и Энамы*. После того как мы разошлись по своим каютам и заснули, кто-то обшарил хаджу и украл порядочную сумму. Рано утром корабельный полицейский и капитан собрали всех на палубе и начали расследование, но вора так и не нашли. Однако появилось ужасное подозрение — они решили, что это дело рук Хаккы.

Кто же еще мог быть, если настоящий вор не найден? Логичный вопрос. Человек, который перекиды-

---

* Энам — сборник, составленный из некоторых глав Корана и начинающийся главой «Энам».

вал деньги из одного кармана в другой... Кто мог лучше него повернуть это?

Из труппы в расследовании принимали участие и мы с господином Серветом. Не найдя ни одной зацепки, наш мозг начал работать: есть человек, который вытаскивал часы или деньги у кого-то из-под носа, а у кого и из кармана. То есть наш Хакки!

Вначале эту шутку рассказывали друг другу смеха ради. Проводившие расследование чиновники смеялись.

— Ни к чему других обыскивать, — говорил полицейский.

Даже сам Хакки хохотал. Однако время шло, и таяла последняя надежда найти хоть какую-нибудь зацепку. Атмосфера накалялась.

Между делом в каюту капитана привели бродягу в лохмотьях, путешествовавшего без билета.

— Поймали, поймали, — радовались мы.

Однако немного погода беднягу отпустили. Все клялись, что непричастны к делу.

А Хакки... Он словно застыл на месте рядом с маленьким Горбуном. Наверное, и его о чем-то расспрашивали. Даже такое его поведение уже настораживало. Хуже всего то, что и я начинал его подозревать. Можно ли не ощутить того, что витает в воздухе? Дело приняло настолько серьезный оборот, что все шутки относительно Хакки прекратились. Я даже стал бояться своего воображения и подозрительности. Боялся услышать от свидетелей, входивших иногда в комнату следователей, что они, проснувшись среди ночи, видели тень, очень похожую на Хакки. Это само по себе могло сделать преступником невинного человека. И я сам уже не знал, чему верить. Кто из нас может спасти себя от влияния этой напряженной удушливой атмосферы? В такой момент всему придается значение — и взгляду подозреваемого, и его словам...

Глава тринадцатая

В просвете я заметил Азми. Лицо бледно-желтое, губы словно сведены судорогой. Мне стало не по себе. Вот кто главный подозреваемый...

Я будто слышал крик адвоката:

«Если не брал, почему тогда бледнеешь? Невинный человек разве боится правосудия?»

Бедняга Азми выглядел так ужасно, что я подошел к нему.

— Азми, я все понимаю, — начал я. — Однако ты не должен вмешиваться! В лагере, когда английские надзиратели набросились на нас, а потом две недели держали в яме, разве тогда все произошло не из-за похожего случая? Мы уже не дети, это того не стоит!

Азми посмотрел на меня, по его лицу я понял, что он догадался; я говорил это не только, чтобы успокоить его. Но и себя тоже.

— Кого защищать? — спросил он с притворным изумлением. — Разве кто-то спрашивал о чем-то у Хаккы?

— Чтобы узнать правду, разве есть другой путь? — задал я вопрос. — Только предположения, предположения... Многое в этом мире обстоит именно так!

— Сулейман, — сказал Азми, сжав мне руки. — Я не уверен в том, что не закончу свою жизнь на виселице, как и мой отец. Но на данный момент тебе нечего за меня бояться. Ты не расскаешься в том, что ты для меня сделал...

В его взгляде было что-то похожее на слезы. Что может быть лучше этой справедливости?..

Наконец ближе к вечеру вора нашли. Деньги украл буфетчик. Он спрятал их в буфете под пустыми бутылками из-под газировки. Когда деньги обнаружили, он, как на духу, поведал, как украл их. Если бы он додумался сказать с простодушным видом: «Откуда мне знать! Кто-то подложил, наверное!» — подозрение опять-таки пало бы на Хакки. Потому что все думали на него. Однако буфетчик оказался настолько наивным, что даже не догадался подумать об этом.

Некоторые из нас уже подошли к Хакки.

— О Аллах, пусть такое больше не повторится! — успокаивали мы его.

Почему-то никто из следственной комиссии даже не извинился перед ним. А у него от всего этого безумия глаза наполнились слезами.

— Не за себя боялся, — прервал молчание бедняга, — плохой я или хороший, я из вас. Я вместе с вами. Если честно, то мне было очень тяжело...

Среди нас находилась и Ремзие. Она стояла к нам спиной, упершись руками о фальшборт. Ее словно не интересовало то, что происходило вокруг.

Вдруг я услышал, как девушка всхлипывает. В еще худшем положении пребывал старик Нури — в его огромных глазах блестели слезы. Однако он стеснялся их.

— Наверное, Пучеглазый вспомнил свои тяжбы по присвоению имущества, поэтому и плачет, — зашептал мне на ухо ходжа.

Ремзие все еще не повернула головы, однако уже успокоилась. Макбуле тихонько положила ей руки на плечи и погладила по щеке. Но это продлилось не долго.

— Знаете, я, кажется, начинаю любить эту умницу! — сообщила Макбуле, подойдя к нам.

В конце концов радостное настроение постепенно к нам вернулось. Макбуле, оставив меня, направилась к ходже.

— Смотри, она тоже плачет, — сказала она ему, указывая на Ремзие. — Пойди, вытри ей нос. Здесь у всех на глазах получишь хороших тумачов и опозоришься на весь мир. Вот я посмеюсь тогда! Ну как, вечером опять будешь петушиться перед этими типами?

Сказав это, она пришла в себя. И у всех окончательно поднялось настроение.

* * *

Азми по-прежнему молчал. Когда он в таком расположении духа к нему лучше было не подходить. Однако он, словно ему надоело одиночество, сам подошел ко мне.

— Знать карту плохо, — произнес он. — Пока не знаешь, все кажется бесконечным и настолько красивым! А когда понимаешь, что находишься в простом бассейне, это наводит скуку... Я, если ты помнишь, как-то однажды даже хотел сбежать.

Болезнь Азми являлась застарелой... Я знаю его с тех пор, как он отправился в Согукчешме Рюштиеси. Он должен был стать солдатом. Он был младшим ребенком в семье пожилого военного. Его отец вышел в отставку тридцать первого марта, когда повстанцы захотели набрать в свои ряды бывших офицеров. Однажды они забрали его из дома и отвезли в гарнизон в сторону Бешикташа. Через несколько дней вошедшая в Стамбул Армия сопротивления схватила отца по обвинению в мятеже. Его приговорили к смертной казни. Он даже не понимал, за что... Потом рассказывали о той ночи, когда его казнили. Люди вспоминали, как он проснулся, ничего не понимая.

«Меня, что ли? О Аллах, Аллах! За что?» — спрашивал он.

«Давай, отец», — сказали ему и отвезли к месту казни.

Иногда Азми словно заново переживал эту сцену и видел, как отец удивленно говорил: «Меня, что ли? Что я сделал? За что?»

Первый удар Азми получил именно тогда. Он был сломлен. Потом наложилось тяготы войны... Но со временем и эти раны затянулись, и он постепенно становился нормальным веселым человеком.

Глава четырнадцатая

Ходжа и господин Сервет довольно быстро сошлись. Ходжа стал кем-то вроде личного советника патрона. Однако в реальности господин Сервет вертел им, как хотел. А что еще хуже, сам ходжа знал об этом. Тем не менее мне он говорил, что идет на такие жертвы только ради нашей труппы.

— Доброжелательность, смысленность — это, конечно, хорошо. Однако и расточительность у него тоже присутствует, — говорил он. — Иногда будет показывать свой характер... Да покарает его Аллах! Но без этого никак нельзя. Ты не знаешь, что значит быть транжирой. А я знаю, потому что я тоже своего рода транжира. Не смейся, я же сказал «своего рода». Он деньги безрассудно растрачивал, а я — «свою жизнь». Он обязательно сделает, что вбил в голову. Однако, дружок, воздадим ему по справедливости... Ведь он на последние деньги ведет эту игру. А наша цель как можно дольше продержаться. Не так ли? А так как он тебя побаивается и уважает, мы должны продолжать в том же духе. Ради блага нашего дела вы должны держать дистанцию.

Очень странно! Ходжа являлся кем-то вроде буфера между нами. Он сознательно подставлял свое немогущее тело под удар. Я догадывался, что он что-то задумал. Но постепенно он мне все рассказывал.

— Давай я не буду его сейчас выдавать... Я же не бесхарактерный. Однако не сомневайся, что я препятствую некоторым вещам, которые у него на уме. Но некоторые, ничего не поделаешь, надо исполнять. Но ты не волнуйся. Он не собирается портить наше дело!

Я играл свою самую лучшую роль, чтобы хоть как-то его разговорить, я ни о чем не спрашивал. Закрытые двери всегда страшат, потому что не знаешь, что за ними скрывается.

Моя игра и вправду возымела действие.

— Нет, этой ночью я тебе все расскажу, — обещал ходжа.

— А что, ночью это нельзя будет назвать бесхарактерностью? — смеялся я.

Ходжа хотел обратить все в шутку.

— Ночь — это самая уважительная причина, — говорил он. — Ночью человек слаб. Никакой характер этого не выдержит. — Однако, не дождавшись ночи, он раскрыл передо мной карты: — С таким типом разве можно держать характер? Зайскиваю перед ним, занимаюсь угодничеством. Даже сводничал для этого мерзавца. Одним словом, чего только не делаю. — Словно избавившись от тяжелой ноши, он облегченно вздохнул. — О Аллах! Как люди могут жить в масках. Как?

Я старался его успокоить и гладил по спине, как ребенка.

— Да, ходжа, ты мне начинаешь нравиться! — сказал я ему.

Господин Сервет спустился с капитанского мостика, прошел по переходу, отделяющему палубу первого класса от палубы второго, по дороге встретил Азми и, прихватив его, направился к нам.

— Ну, что рассказывает ходжа? — спросил он.

— Да так, исповедуется! — ответил я.

— Красивый город, не правда ли? Наверное, и Гази, когда ступил на землю Самсуна, чувствовал такое же воодушевление. И мы тоже, как и он тогда, ждем победы. Может, Аллах смилостивится и у нас все получится!..

Господин Сервет и вправду был взволнован.

— У меня к вам просьба, — начал он. — Пусть все соберутся на палубе первого класса... Вдруг кто-нибудь приедет нас встречать, чтобы потом не было стыдно! Извиняюсь за такие слова. Просто я хочу, чтобы в демократической стране, нет, на всем Востоке, появилось новое восприятие того, что артист — это не презренный, плохо одетый человек.

— Как прикажете, — сказал я. — Женщинам понравятся такие вещи. А мужчины, в чем есть, в том и выйдут.

Когда господин Сервет отошел от нас, ходжа произнес с издевкой:

— Да, конечно... Прямо сразу... Вытащим из гардероба вещи, приготовленные для пьес, наденем и станем в ряд!

Через некоторое время артисты с маленькими сумками в руках и в тесных плащах выстроились на палубе первого класса.

Пароход стали плотным кольцом окружать лодки. Среди лодок был большой катер, в котором находились важные люди. Распутывая лодки, катер приблизился к самому пароходу.

— Эти похожи на больших шишек, — сказал Садуллах Нури, узнав в них чиновников, скорее всего, по одежде. — Наверное, прибыли депутатов встречать...

Господин Сервет поприветствовал одного из находящихся на катере и дернул меня.

— Первый сюрприз, друзья, — произнес он. — Как вы думаете, кого прибыл встречать этот катер?

— По всей вероятности, депутатов!

— Нет!.. Новый турецкий театр. Это первый из моих сюрпризов. Наша труппа стала первой, которую так встречают...

— Это один из сюрпризов, утаенных от тебя... — зашептал ходжа мне. (На этот раз напрочь забыв о своем характере.) — Что поделаешь. Заставил поклясться на могиле матери. — Хотя я не верю в такие дела, — сразу добавил он. — Однако когда дело касается мертвых, все меняется. Так горько думать о том, что никогда их больше не увидишь, что начинаешь верить в существование потустороннего мира!

Сюрприз и в самом деле оказался большой. Прибывший оказался не губернатор города, а министр финансов, старый друг господина Сервета.

Господин Сервет вначале представил меня. Все было обставлено настолько красиво, что я даже переволновался.

Впереди женщин стояли Масуме и Мелек, Ремзие замыкала круг. В простеньком костюмчике, с сумкой в руках вдали от всех она выглядела очень одинокой. У нее был вид учительницы, направляющейся в одну из сельских школ, которая по дороге встретила театр и остановилась, чтобы посмотреть на него.

Когда артистки сходили с парохода на катер, лодчики, находящиеся внизу, задрав головы, наблюдали за ними. Увидев это ходжа, не выдержал.

— Вначале нас должны были спустить, — сказал он негромко.

— О Аллах! — воскликнула Макбуле. — Совсем не подумала об этом. Эти типы увидели все, что было можно. Осталось ли хоть одно место, которое они не успели рассмотреть?

Третьим сюрпризом оказалось то, что на пристани нас ждала еще одна толпа — мужчины и женщины на автомобилях.

Мы были похожи на группу туристов.

Пока женщины шли впереди по пристани, нас ждал последний сюрприз, вместе с которым мы поняли суть происходящего.

Первое наше представление было для Кызылая, билеты уже проданы. Поэтому среди встречающих оказались две сестры милосердия с букетами цветов.

Господин Сервет, делавший вид, что бежит от меня, увидев, что мы и в самом деле только узнали эти новости и от неожиданности просто опешили, подошел к нам, не зная, что ходжа в последнюю минуту успел-таки раскрыть мне и этот секрет.

— Друзья мои, все получилось, — произнес он. — Я написал своему другу министру финансов, чтобы он немного помог с рекламой. Он сказал, что губернатор хочет провести представление для Кызылая. Вот тогда у меня впервые появились секреты. Однако согласитесь, что с точки зрения рекламы это был правильный ход. Все билеты распроданы. Подумайте только, какая удача для первого представления нашего театра!

В конце, чтобы окончательно заткнуть мне рот, он привел самый сильный довод:

— В такое место, как Египет, отправили вместо турецкого флага турецкий театр, созданный усилием двух героев для прославления своей великой родины.

— Какие могут быть сомнения, — с важным видом сказал ходжа.

Мы тоже повторили его слова. Однако после того как он покинул нас, мы какое-то время молчали.

Министр финансов в первую очередь посадил в машину машинисточку. Стоявшая позади всех Макбуле подошла ко мне.

— Так любой может сделать! — воскликнула она, — мы не зарабатывать, а тратить сюда приехали!

— В конце концов, это его деньги, — ответил я. — Артисты не должны вмешиваться в дела управления...

Первым, кому мы нанесли визит, стал губернатор. В противоположность господину Сервету, который пришел на прием в строгом костюме, губернатор был одет в спортивные штаны и футболку. Всем своим видом он больше походил на бизнесмена, чем на губернатора.

— Простите за мой внешний вид, — начал он. — Новая униформа для губернаторов, — и засмеялся.

Он был настолько занят своими новыми проектами, что даже не знал о том, что губернаторы, которые руководили до него, ходили на работу не только в простой униформе, но даже в халатах. Извинившись, он стал рассказывать нам о деятельности горсовета.

Время шло, и, когда мы уже стали забывать, что мы театралы, он вдруг вспомнил сам.

— Из-за того, что у нас дел по горло, до этого момента мы не занимались проектом театра. И напрасно, о нем надо было подумать в первую очередь, — сказал он. — Даю вам честное слово, если задержусь на этом месте, в следующий ваш приезд вы будете играть в настоящем городском театре.

— Обязательно так и будет, — обронил, выходя, ходжа. — Однако вот что интересно — будем ли мы в состоянии приехать сюда еще раз.

По приказу губернатора мы сели в машины и поехали рассматривать экспроприированные государством и готовые под снос дома.

Глава пятнадцатая

Губернатор с господином Серветом плохо понимали друг друга. Когда губернатор говорил, что театр в воспитании нации и нравственности является главным фактором, они вроде бы находили общий язык. Однако, когда господин Сервет начинал вдаваться в подробности, разговор сам себе переключался на другие темы: о здании театра, потом о других постройках, о лесе, полях. И, уже не слушая друг друга, каждый говорил о своем.

Ходжа опять занялся подхалимством. По привычке вставлял в их разговор остроты, театрально кашлял.

Садуллах Нури тоже принимал в этом задушевном разговоре участие. И это льстило его самолюбию, поэтому он, довольный собой, слушал монолог губернатора. Однако губернатор, почуяв, что Садуллах Нури из бывших мелких чиновников, не шел с ним на сближение.

У Азми был вид попавшего в капкан дикого зверя. Определенно эта официальная атмосфера оказала на него неприятное воздействие. Господин Сервет не мог вынести того, что Азми обходят вниманием, и почувствовал себя обязанным представить его.

— Азми один из самых незаменимых специалистов, — произнес он.

Азми поняв, что господин Сервет начнет сейчас рассказывать о его пребывании в лагере Зеказик, стал прямо-таки неуправляемым. Когда патрон начал свой рассказ словами: «Они два героя» — Азми не выдержал и перебил его:

— С вашего позволения, господин, главное теперь стать героем, исполняя роли в нашем театре.

Они не поняли, что он хотел этим сказать.

— Скромность — прекрасное качество, — произнес губернатор. — Однако разрешите поздравить вас. Погостите, как было в речи Клемансо: «Раньше ты был солдатом бога, а сейчас — воин культуры. Но ты всегда останешься служить идеалу!...»

Азми побледнел. Заметив это, я сразу же попросил разрешения удалиться, на что губернатор мне ответил:

— До завтрашнего вечернего представления еще уйма времени. Что за спешка?

Потом он стал советовать, чем нам заняться завтра.

— Завтра до вечера надо будет подготовить план вашей работы! — Потом он приказал подать две машины. — Давайте немного прокатимся все вместе! — предложил он.

Азми куда-то пропал, а мы, разделившись на две группы, опять расселись по машинам. Мы быстро доехали до места назначения. Потом начались хождения по развалинам, разговоры с инженерами и рабочими, строящими дорогу.

В конце концов мы доехали до окраины города. Я стал волноваться, когда заметил, что мы направляемся за город. Однако губернатор, тяжело вздохнув, сказал:

— Ну все, теперь можно возвращаться. К тому же у меня много работы.

Глава шестнадцатая

С первых дней нашей работы в особняке в Аксараяе мы ставили комедию «Дама с камелиями». Мы выдвинули основное правило для нашего театра — не играть переводные пьесы, как это делали в Даркюльбедаи. Однако господин Сервет с первых дней попросил нас сделать исключение для этой пьесы.

Бедняга и вправду очень толково разъяснял причину, по которой он решил поставить эту пьесу.

— Дорогой мой, разве в этой пьесе осталось что-то чужое нашей культуре? И Арман, и Маргарита фактически стали такими же турками, как и мы с тобой. Я даже знаю людей, которые читают наизусть отрывки из этой драмы. Если не верите, могу предоставить вам доказательства того, что эта пьеса очень популярна. И далеко ходить не надо. Вот вам самый близкий пример.

Мы подозревали Дюрдане, которая шила в соседней комнате; как только начинала работать швейная машинка, она начинала писклявым голосом что-то петь.

— Подойдите сюда, пожалуйста. Вы знаете пьесу «Дама с камелиями»?

— О Аллах! Да разве есть такие, кто ее не знает? Ах, Арман!..

— Ну что, убедились? Правильно это или нет, но это произведение должно стать фундаментом нашего театра. Давайте включим его в наш репертуар.

Но если хотите, пусть остается в резерве. Будем неопытную молодежь обучать. И для приобретения опыта покажем этот спектакль в турне по Анатолии. В официальный репертуар не включим, конечно же. Пока вы будете готовить другие пьесы, я займусь этой. Для наших молодых артистов это будет своего рода уроком.

Под молодыми артистами он, конечно же, имел в виду Рюкзан. В нашей труппе ни осталось никого, кто бы не знал, что господин Сервет вбил себе в голову сделать из своей машинисточки актрису. Аллах свидетель, что эта идея принадлежала самой Рюкзан.

— Наш тьюфак изрядно влип, пляшет под ее дудку. Вот увидите, эта баба еще будет нашим патроном и заткнет нам всем рты! — поговаривали в труппе.

В том, что это будет именно так, не сомневался и я. Однако на настоящий момент самым лучшим выходом было держать ее и господина Сервета как можно дальше, дабы обеспечить себе свободу действий.

Пока мы днем и ночью корпели над своими пьесами и с небывалой скоростью делали свою работу, они занимались в других комнатах своей пьесой. Еще во время экзамена комиссия заметила сходство Пертева с Бинемеджьяном. Поэтому главная роль досталась ему. В те часы, когда я бодрствовал, я ходил посмотреть на то, что они делали, но серьезно относиться к их работе не мог.

Вся наша труппа дала бедняге возможность проявить себя, поэтому отступать было поздно, да и несерьезно. Кроме того, я не очень верил в успех этого дела. Продолжая работать, я занимался декорациями. То, что все получилось так быстро, стало для меня настоящим сюрпризом.

Патрон подошел ко мне и сказал, что они начали работать.

— Очень хорошо, — ответил я. — Однако как мы одни справимся со всеми остальными?

Бедняга господин Сервет был очень благодарен мне.

— Это будет началом. Мы нет, «Дама с камелиями» сама по себе залог успеха. Думаю, мы не прогадаем.

— Если хотите, я вам помогу, — предложил я. — Если согласны, тогда за работу, — сказал я и занялся изготовлением декорации, макет которой давно придумал.

* * *

В Самсуне* нас поселили в отеле на берегу моря. Труппа захотела прогуляться по городу, дабы удовлетворить свое любопытство. Однако мы помешали этому. Господин Сервет захотел, чтобы актеры, не задействованные в пьесе «Даме с камелиями», не выходили на сцену репетировать. Но я был против.

— Все, вся труппа, все на сцену, — приказал я.

Только Азми нигде не было видно. Мне сказали, что приходил какой-то полковник, и они вместе ушли. Последней пришла Макбуле в очень плохом расположении духа. Она только проснулась.

А Ремзие просто разрывалась на части. Она совсем не обиделась на второстепенную роль.

— Что надо, сделаю, — говорила она, по-детски радуясь.

Немного погодя это действительно понадобилось. Хаккы, несмотря на все его таланты, никак не мог суфлировать.

Может, дело было в Армане: он стоял посреди сцены и удивленно смотрел на Хаккы.

---

* Самсун — город-порт на Черном море на северо-востоке Турции. (Примеч. ред.)

— Я попробую, — сказала Ремзие и вошла в будку суфлера.

— Наша Ледышка нашла свое место, — прокомментировала Макбуле. — Вот и будем ее использовать в качестве суфлера.

И в самом деле, Ремзие ни разу не сбилась. Со второго раза уже повторяла почти наизусть.

— Очень талантливая девочка! — сказал ходжа.

— Ах, если бы все так работали, — произнес господин Сервет.

Глава семнадцатая

Под вечер, когда я устанавливал декорации к драме А. Доде «Арлезианка», на сцене появился высокий полицейский. После официального приветствия он сказал, что господин губернатор ждет меня в городском клубе. Его автомобиль уже поджидал у дверей, что было еще более странным. Вся труппа сбежалась к выходу.

Меня доставили в клуб. Высшие члены муниципалитета сидели на террасе, выходившей в море.

— У нас к вам есть одна просьба, — сказал мне губернатор, после того как сделал заказ официанту. — Выслушав общественное мнение, мы пришли к выводу, что народ хочет, чтобы первой играли «Даму с камелиями».

Я посмотрел на господина Сервета. Было видно, что это его рук дело.

— Скажи, что это невозможно по техническим причинам, господин Сулейман, — в замешательстве произнес господин Сервет. Я как ответственный режиссер высказал все возражения.

— В Республиканской Турции никогда не будет технических невозможностей, — сказал губернатор. — Однажды на этот берег ступила нога Ататюрка. Из ничего собрал он армию и перевернул мир. Давай, дорогой мой, начинай приготовления!

Я понял, что все это было спланировано заранее.

— Эта пьеса и с Кызылаем связана, — добавил министр здравоохранения.

Даже смешно, если смерть женщины больной туберкулезом у кого-то вызывает подобные ассоциации. Я побоялся, что для большей связи они предложат, чтобы на сцену вышли медицинские работники и санитары. И поблагодарил Аллаха, что они не додумались до этого.

— Как прикажете, — произнес я и склонил голову в знак согласия.

Во главе с господином Серветом мы должны были сказать вступительное слово. Ничего не поделаешь — премьера. В каком сне мы могли видеть такое внимание со стороны губернатора?

Я немедленно вернулся в отель. Когда я сообщил новость, актеры пришли в замешательство. Увидев, что Рюкзан не удивилась, я все понял.

Разве не говорил господин Сервет, что имя этой девушки давным-давно у всех на слуху и, не увидев ее на сцене, мы оставим любопытство народа неудовлетворенным?

Потом из столовой принесли приборы и попытались воссоздать все в деталях. Однако не могли найти Армана. Я был взбешен, когда узнал, что пришел его старый армейский друг и снова увел его. Вскоре его нашли. Но в каком виде! Оказалось, что под вечер он нырнул в море и рассек себе голову. Мало того, что у него была огромная шишка, так он еще оказался и пьян, несмотря на столь раннее время.

— Благодетель мой! Сжальтесь, имейте совесть! Разве у меня сегодня не выходной?..

Ну вот и приехали.

— Ты не волнуйся господин Сервет, — сказал я, — сейчас быстро приведем его в чувства, будет как стеклышко!

Глава восемнадцатая

— О Аллах, да ведь это настоящая премьера! — шептала Макбуле.

— Иди сюда, посмотри в эту дырочку.

В самом деле перед дверью толпились люди, словно при вавилонском столпотворении. Если так и дальше пойдет! Честное слово, счастливчик этот господин Сервет.

Я посмотрел в отверстие, к которому меня силой подвела Макбуле. Меня охватило волнение и бросило в жар. Салон оказался битком набит. Это было зрелище, на которое стоило посмотреть. Мужчины были во фраках, женщины нарядились, как на бал. Несмотря на удушающую жару, они были в каракулевых манто, шубах, шапках из искусственного меха. Однако среди этой толпы я заметил и плохо одетых людей, даже крестьян. Губернатор, тоже во фраке, сидел вместе с министром финансов в первом ряду. Повернувшись лицом в сторону зала, он, сильно жестикулируя, что-то говорил.

Во время дневных приготовлений Пучеглазый иногда подходил ко мне и приводил астрономические цифры о доходах. А теперь, как и я, он с удивлением созерцал людей, собравшихся в зале, из отверстия, расположенного выше моего.

— Ну, что господин, удостоверились в моей правоте? — спросил он. Увидев, что я сомневаюсь, хотя и улыбаюсь, он продолжил: — Господин, почему ничего не отвечаете?.. Господин губернатор человек слова. Малый не промах. Половину своих служащих разослал не в центр, а по окрестным районам, даже по богатым селам. Торговцам на рынках, крестьянам, фермерам и особенно работающим на государственных должностях бойко продавали билеты. Да по какой цене!.. — Ходжа от волнения заговорил, как господин Сервет: — В конце концов, все это наше, все это для нас. Ты продолжай наслаждаться! Народ, те, кому не хватило места, толпится на улице. Ты только подумай — это все только ради нас. Какая реклама, какая реклама!..

— Давайте скажем: чтоб не сглазить! — произнес Газали, почему-то погрузнев. — Поживем увидим. Сейчас самое главное не ударить в грязь лицом.

После того как я разглядел в толпе некоторые лица, мой страх полностью прошел. Я уже не сомневался: сегодня вечером, что ни покажи этим женщинам, служащим, торговцам — им все понравится.

— Все, освобождаем сцену, — приказал Азми и пронесся мимо, как ветер, чтобы дать третий звонок. Своим высоким ростом он на одно мгновение напомнил мне одного офицера из похода на Канал.

Пьеса, по правде сказать, прошла хорошо. Я даже не надеялся. Роли были выучены назубок. Я видел, как Ремзие, сидя в суфлерской будке, словно знала все роли наизусть, задавала темп всей пьесе.

Да и Арман на самом деле выглядел неплохо.

— Немного ошалевший, но это его постоянное состояние, — прокомментировал ходжа. — Кроме того, играет влюбленного. И если вдруг допустит какую-ни-

будь оплошность, можно будет списать на влюбленность!

Арман был как заряженное ружье. Однако это ружье почему-то никак не могло выстрелить. И надежда на то, что оно все же выстрелит, таяла с каждой минутой. Его голос был глух, словно шел из-за стеклянной двери. Во время длинных монологов из-за кулис доносились крики: «Громче!» Услышав их, он с нечеловеческими усилиями собирался и на этот раз начинал орать так, что пугал всех. Да и сам тоже, испугавшись своего голоса, замолкал. Эту его особенность мы заметили немного раньше, поэтому для страховки засунули Пучеглазого в шкаф, стоящий на сцене. Господин Сервет тоже решил туда забраться. Сидя в нем, они иногда переговаривались, и это еще больше сбивало Армана. Один раз он даже ударился об этот шкаф, дверь открылась, и на сцену вывалились господин Сервет и Пучеглазый. Это был полный провал. Однако народ оказался так добродушно настроен, что принял все за импровизацию.

В нервном припадке ходжа сжимал мою руку.

— Отрежь голову этому простофиле, если хочешь, — говорил он.

Еще одна оплошность произошла во время сцены поцелуя Армана с Маргаритой. Господин Сервет захотел, чтобы у Армана были усы. Однако мы хотели, чтобы их было не очень заметно, поэтому нарисовали усы краской. И вот во время сцены поцелуя вся краска оказалась около губ Маргариты. Когда женщина повернула свое усатое лицо в сторону зала, зал взорвался от хохота, а потом все зааплодировали. Это помешало другой сцене, когда Маргарита должна была лить слезы. Как я уже говорил, здесь все, что бы ни происходило, принимали «на ура».

Когда занавес опустился, наши не выдержали и стали посмеиваться над неудавшимся донжуаном. А он был настолько глуп, что только и смог промямлить:

— Клянусь Аллахом, нет в том моей вины. Я даже к ее губам не прикоснулся. Однако госпожа Рюкзан так прилипла ко мне.

Увидев, что господин Сервет в замешательстве, мы застыли на месте от страха. Однако успех был настолько велик, что его обида продлилась не долго. Аплодисменты не прекращались. Занавес поднимался снова и снова.

Народ хотел видеть господина Сервета. И вот вместо Думаса Филса настала очередь выходить на сцену господину Сервету. После аплодисментов он начал речь, в которой подчеркнул связь между Кызылаем и пьесой «Дама с камелиями». После того как он вытащил из кармана исписанный лист, я понял, что он долго готовился к этому выступлению. Господин Сервет, говоря о Кызылае и искусстве, все не мог остановиться. В это время зал стали покидать люди.

— Это еще не все! — крикнул им он. — Представление еще не закончено!

— Посмотри-ка, еще что-то покажут! — в зале поднялся гам.

Господин губернатор вначале подал знак, а потом, повернувшись в сторону зала, сердито гаркнул:

— Закройте двери!

И только это остановило поток выходящих из зала людей. Господин Сервет продолжил свою речь и не забыл сделать анонс на следующий вечер.

— Такое вы даже в Дарюльбедаи не увидите. Долго мы у вас не задержимся! — этими словами он завершил свое выступление.

Как я уже говорил, «Дама с камелиями» в целом была сыграна хорошо. Только во втором действии Арман допустил еще одну оплошность. Он сделал реверанс перед выстроенными на сцене официантами и каждому из них пожал руку.

Несмотря на то, что официанты не смогли накрыть на сцене стол подобающим образом из-за нехватки столовых приборов, стол ломился от еды. Там было все: начиная от блюд из курицы и заканчивая различными соусами. В конце концов произошло вот что: сидевшие за столом актеры, думая, что им принесли шампанское, делали вид, что пьют, хотя это был разбавленный чай. Зато они весьма основательно подкрепились. Я даже заметил, что ходжа, несмотря на то, что играл официанта, несколько раз протягивал руку к еде, но потом, видимо, вспомнив, где находится, отдергивал ее. Однако, когда занавес опустился, он не смог удержаться от соблазна и полез за фаршированным перцем. Вся беда была в том, что как раз в тот момент под бурные аплодисменты занавес снова поднялся и все увидели, как ходжа пытается вырвать у Армана из рук перец. Однако местные жители настолько тепло нас принимали, что даже это способствовало успеху пьесы.

Потом в зал вошел здоровенный полицейский, который, проходя между рядами, наступил заснувшему в своем уголке Дядьке на ногу, тот сразу запищал. Затем полицейский подошел к губернатору и протянул ему какую-то бумагу. Стало понятно, что его вызывают по очень важному делу. Как только губернатор прочитал послание, то сразу встал.

— Друзья мои, я, к сожалению, вынужден вас покинуть. Но у нас принято таким великим артистам, как вы, оказывать должное уважение. Я уезжаю, однако меня будет представлять министр. К тому же вы еще

не видели ночную жизнь этого города. На берегу моря у нас есть красивейший ночной клуб, там вы сможете хорошо отдохнуть. Сердцем я буду вместе с вами.

Сказав это, он вышел из зала.

— Прошу вас, пройдемте в клуб, — быстро произнес министр здравоохранения.

Мы переглянулись с его приближенными.

— С вашего разрешения, я бы хотел взять с собой трупку!

— Вы можете взять несколько человек и обязательно актеров, исполняющих главные роли — Армана и Маргариты. А остальным окажут честь наши люди из управления.

Поднялся шум.

Стало очевидно, что оказывать честь они будут нашим девушкам. Другие участники трупки выглядели немного обиженными. Если бы здесь находился губернатор, то я бы не беспокоился. В этом отношении он был чистым и совершенно не опасным человеком. Он и в самом деле был настоящим патриотом. Даже если взять какую-нибудь женщину и подложить к нему в постель, он начал бы говорить о планах строительства, а потом и вовсе бы позабыл о ней. Однако ведь не все такие.

Глава девятнадцатая

Ночь была красивой. Мы возвращались по пляжу в отель. Ходжа шел рядом со мной. Он над чем-то задумался и еле переставлял ноги.

— Надо бы поспать, — сказал я.

Он поднял голову, послушал идущий издали звук саза и посмотрел на свет.

— Возле него так хорошо спится.

— Если хочешь, иди!

— Нет, разве это не будет неуважением по отношению к нашим принципам?

Масуме и Мелек бросали в море камни.

— Допустимо ли их так развлекать? — спросил Ходжа. — А потом, заметив, что в вяло идущей толпе нет Рюкзан, добавил: — Вот проститутка, смылась! А что, не имеет право! И эти бы тоже так поступили, но твоя дисциплина все портит!

В коридоре отеля я встретил Ремзие. Она шла по коридору и мурлыкала себе под нос песню, причем песню Макбуле.

— Разве вы поете? — спросил я.

Она застенчиво улыбнулась. Ремзие была привлекательна. Вспомнив ее усердие во время вечерней премьеры, я почувствовал необходимость сказать ей пару слов.

— Чтобы петь песни, надо влюбиться, — сказал я ей.

— Думаю, сегодня это произошло, — совершенно неожиданно для меня ответила она.

— В кого? — улыбаясь, спросил я.

— В театр!

— Я видел, как вы старались сегодня, и мне очень понравилось.

— Да, я из кожи вон лезла, а еще мне хотелось расшевелить Армана! — Она засмеялась и продолжила: — Однако, скажи я ему это, он бы весь спектакль завалил.

Возле отеля я заметил Хаккы с Горбуном. Они опять преследовали нас, как собачонки.

* * *

На следующее утро я застал Пучеглазого, когда он завтракал остатками, которые собрал после вчерашнего пира.

— Программа опять поменялась. Будем снова играть пьесу «Дама с камелиями», — сказал он.

Ходжа важно подошел к нам.

— Нет числа тем, кому вчера не досталось билетов. Если так пойдет и дальше, нас ждет успех.

Ходжа, увидев, что я не отвечаю и странно смотрю на него, стал оправдываться:

— Я над ним надсмехаюсь, а он не понимает. Но он все равно сделает все по-своему!

В этот момент к нам подошел господин Сервет.

— Ну что, видели, что такое реклама, — с гордостью сказал он. — То, что разбрасаем горстью, будем собирать ведрами.

— Это еще на воде вилами написано, — возразил Пучеглазый.

Как-то председатель одной партии сказал: «Я приведу народ, как на выборы. Пусть посмотрят, пример

возьмут!» На что ему один местный отвечал: «Что мы, взяв пример, должны своих сыновей женить на шлюхах?»

Ходжа немного отошел от нас.

— О Аллах! Лишь бы не была вшивой, — говорил ходжа, рассматривая бурку для роли пастуха, которого он должен был играть.

В этот момент пришла одна делегация провести его. Они узнали, что он бывший учитель. Сегодня он стал человеком дня. Ему доставляло большое удовольствие, что незнакомые молодые люди целовали ему руку.

Ходжа стал говорить им о том, что настоящей школой жизни является театр.

— Мы совершаем героический поступок, продолжая наше дело, — распинался он.

Чай, кофе, газировка для визитеров стоили больших денег. Видя, что некоторые из них, уходя, не платили по счетам, он возмущенно поворачивал голову. Однако когда находящийся почти рядом с ним сделал то же самое, он принял решение.

— Вы мои гости, — сказал он.

Он понял, что на этом все не закончится. Один из учителей заметил, что, несмотря на то, что театр замечательный, цены на билеты все же довольно высоки, поэтому он не сможет посмотреть выступление. Так он хотел напроситься на бесплатное приглашение.

Услышав это, ходжа наконец-то пришел в себя. Было понятно, что из-за того, что он хвастал тем, что является одним из создателей этого театра, от него ждут приглашения. Он поменял тему разговора, а потом внезапно вскочил и воскликнул:

— Ой, ребята, надо же репетировать! Это хуже, чем уроки в школе. Даст Аллах, еще увидимся.

Близился вечер. Новости о продаже билетов оказались неприятными.

— Тяжело идет, — говорил Хаккы.

Пока удалось продать всего пятьдесят билетов. Господин Сервет, принявший все это на свой счет, вскочил с места.

— Надо найти какой-то выход! — воскликнул он. — Как мы будем играть?

— Разве вы забыли, как говорили, что в случае необходимости мы станем играть и при пустом зале и что абсолютно не должны стесняться этого.

Он несколько раз моргнул.

— Все же нам надо быть предусмотрительными. Мне кое-что пришло в голову. Найдите мне ходжу! — приказал он.

Слава Аллаху, ходжа находился недалеко. Пока его искали, он прятался среди декораций, однако, опрокинув панно, оказался у всех на виду.

Господин Сервет предложил ходже следующее:

— Дорогой мой, ты сегодня пригласишь на представление своих учителей.

— Ну что вы! — произнес ходжа в растерянности.

Мы все разом взглянули друг на друга. Только ходжа, задумавшись, смотрел в сторону. «Пригласить учителей как патрон. Какой шанс, какая прекрасная возможность!»

— Ах, господин, это, конечно, можно. Однако в такой час. Если б чуть раньше, то это представление переплюнуло бы вчерашнее. Одно воспитательное учреждение приглашает другое. Как мы дадим им знать?.. Ах, если бы только губернатор был на месте.

— Не надо так волноваться. Из-за сорока человек мы все равно занавес поднимать не будем! Без сомнения, найдем какой-нибудь выход!

— Может, нам найти глашатая, как предлагал Хак-
кы, — бросил ходжа.

— Да, чтобы он ходил и кричал о том, что для учи-
телей вход бесплатно, — съязвил Азми.

Раздался взрыв хохота, и ходжа от безвыходности
только улыбнулся.

— Хватит! Не расстраивайтесь, городок ведь с ку-
лачок. Сто человек точно соберем!

Подумали обо всех: о полицейских, охранниках.
Однако как только губернатор отправился в путь, их
и след простыл. Они словно испарились.

— Если самого нет, то и доверия нет, что ли? — влез
в разговор ходжа. — Я скажу чиновникам, будто бы
для того, чтобы обрадовать господина губернатора,
наша труппа делает учителям подарок. Потом они
расскажут о нас родителям своих учеников. Из десяти
учеников семья хотя бы одного, да придет. Вы не рас-
страивайтесь господин, если не получится, найдем
более легкий способ заполнить зал — позовем людей
с пирса.

— Ходжа, отправляя приглашения, подпись ставь
свою.

Глава двадцатая

Несмотря на то что ночной клуб был битком набит, зал по-прежнему оставался пустым. Приглашенные учителя тоже не смогли его заполнить. Снова ставили печальную пьесу «Дама с камелиями».

— О Аллах, не дай этому больше повториться, — произнес ходжа, тяжело вздохнув.

— Это послужит уроком господину Сервету, — сказал я, пытаясь его успокоить.

— Да, — согласился он, пожав мне руку. — Это труп па расточителя.

* * *

После того вечера мы продолжили нормальную программу. Хакки хорошо справлялся с распространением билетов. Кассами больше никто не занимался. Хакки справлялся сам.

Почти всегда ближе к концу первого акта начиналось оживление, пустующие места постепенно заполнялись.

Пьесы шли настолько хорошо, что это позволяло забыть первые неудачи.

Азми хорошо смотрелся в пьесе «Сова», а ходжа в водевиле показал все, на что был способен. Только ему слышалось, как один местный, весь вечер косо смотревший на него, сказал:

— Вот скотина! Это, что ли, урок воспитания, не пойму!

Главный сюрприз нас ждал в постановке «Несрин». Если смотреть правде в глаза, я сам боялся этого произведения. Оно было плодом моего воображения. Потом я долго думал, на какой сцене и как мы будем его играть.

Ближе к вечеру мы получили ужасное известие — наша главная героиня пропала.

— Давайте поменяем пьесу.

— Нельзя!

Немного раньше во время репетиций я увидел, что Ремзие выучила наизусть роли, прочитав текст в оставленной мною тетради. Эта была наша последняя надежда. Я подошел к ней и спросил:

— Ну как, хватит смелости?

— Если вы согласны. Хотя если честно, то мне эта роль очень нравится.

Терять было нечего! Ребята хотели разом убежать со сцены, однако Азми, успокоив их, вернул на сцену, и мы начали.

Ремзие сыграла превосходно. Ходжа с восторгом поздравлял ее и повторял: «Дочка, деточка моя!» — и целовал. Потом, повернувшись к другим актерам, сказал: — Вы получите вознаграждение, когда научитесь играть так же!

Даже у самого примитивного человека есть свои соображения по поводу того, что хорошо, а что плохо. Я услышал, как один из зрителей негромко свистнул. Однако этот свист пришелся на скандал, разразившийся на сцене.

Ремзие очень переживала из-за этого. Она все воспринимала на свой счет. Однако постепенно она успокоилась, после чего приняла свой обычный безразличный вид.

— Клянусь, это была не я, — простодушно поклялась она.

Я заметил, что, пока мы шли в сторону поднимающегося занавеса рабочего, он ухмылялся. Одна Ремзие не замечала этого. Только выглядела немного изумленной. Я припомнил все ее поступки, противоречащие друг другу. В этой ее скромности было что-то еще.

Ко мне подошла Макбуле.

— В ней что-то есть, господин Сулейман, — сказала она. — Однако из-за ее холодности близко к ней не подойдешь. Сейчас еще и возгордится!

Нет, Ремзие была не из тех, кто так поступает. Она оставалась по-прежнему дикой и далекой. Она продолжала во всем помогать. В каждом городе, куда бы мы ни поехали, она опять брала на себя обязанности суфлера. Ее поступки производили на нас огромное впечатление. Но когда я просил ее сыграть в любовных сценах, она, как всегда, отвечала:

— Я не могу, мне стыдно!

Она вела себя очень странно. Попросив у меня оригинал одной пьесы, она до умопомрачения перечитывала диалог, но от роли опять отказалась.

В это время мы с тревогой следили за развитием другой драмы. Пертев Турхан на самом деле вошел в роль Армана. Рюкзан начала в него влюбляться. Между ним и господином Серветом стали часто вспыхивать ссоры. Патрон не мог с ним сладить.

Дружба между господином Серветом и ходжой с каждым днем становилась все крепче. Однажды ходжа поведал мне его секрет.

— Новое положение просто ужасно, — сказал он мне. — Тип излил мне свою душу. Расспросил о Пертеве, сказал, что из этого парня человека не получится. Я пошел на хитрость и сказал ему, что Пертев нужен театру. Разве вы не видели тех, кто приходил в Стам-

буле на экзамен? На сцене ведь надо играть красивых мужчин и женщин. А парень ведь ну прямо Аполлон.

Я посмотрел на ходжу и хотел сказать: «Ну и подлил же ты масла в огонь!» — однако промолчал. Тот продолжал рассказывать:

— Женщинам придурки не нравятся, — ответил я ему. — Тем не менее, если захотите, можете его в любое время уволить. Не будем же мы молиться на его тело. Ладно, господин, если он вам так не нравится, давайте его прогоним прямо сейчас. Вот в тот момент он мне и излил всю душу, сообщив, что что бы ни сказала Рюкзан, для него закон. И что он боится услышать от нее: «Если он уйдет — уйду и я!» А потом прибавил: «Люблю я ее, брат! Ничего уж тут не попишешь!» Вот что любовь делает! — И после сказал: — Женщина хитра, с нами обоими могла бы справиться. Но парень придурок. У него все на лбу написано.

Вскоре об этом узнала и вся труппа. Настроение господина Сервета испортилось еще и по одной причине. Из Стамбула от адвокатов очень часто стали приходить письма. Да и сам он без устали бегал на почту отправлять телеграммы. Пучеглазый вспомнил, что господин Сервет как-то говорил: «Боюсь, чтобы чего не вышло!»

Глава двадцать первая

Мы снова вышли в море. Нас провожали с еще большим почетом, чем встречали. На этот раз среди провожающих были учителя и даже дети. С цветами в руках они сидели в лодках. Ходжа нагнулся со ступеньки лестницы, чтобы взять у одного ребенка цветы, и уронил в море шапку.

Поднявшись на пароход, он сказал:

— Как жаль, что министр просвещения не видел оказанную мне честь. Столько лет проработал учителем!

— Конечно, — произнес Пучеглазый из своего угла. — В классе бросался палкой, а здесь танец живота танцевал. Где еще найдут такого учителя?

Немного погодя, когда господин Сервет повторил, что наше первое турне стало для нас счастливым, Пучеглазый опять не выдержал и сказал:

— Господин, после того как ты можешь позволить себе бесплатно возить театр по турне и тратить эти деньги.

Мы сделали знак Пучеглазому. Однако господин Сервет был в хорошем расположении духа, поэтому даже не рассердился. Только произнес:

— Театр — это значит реклама. А тебе ума не хватит, чтобы это понять. То, что мы разбрасаем пригоршнями, — машинами собирать будем. Даст Аллах, так и будет!

Господин Сервет послал известие о театре и в Гересун*, и в Трабзон, и в Эрзурум.

Ходжа, заверив господина Сервета в своей вечной дружбе, подошел ко мне.

— Посмотрим, насколько хватит денег у этого транжиры, — прошептал он. — Да смилостивится Аллах, он нас на полдороге не оставит.

Проблема на самом деле оказалась серьезной. Однако обсуждать ее с ходжой было не с руки. Поэтому я поменял тему:

— Ходжа, нехорошо за глаза гадости говорить!

— Брось, дружище, дай и мне немного поразвлечься. Ты же его не монополизировал!..

* * *

Нет сомнений, что первые шаги всегда вселяют надежду. Постоянно рассказывающий о гастролях Пучеглазый оторвал голову от записной книжки, в которой делал расчеты, и прочитал предложение из диалога какой-то пьесы.

— Много воды утекло с тех пор!

Потом посмотрел на свои записи.

— Оглушительный успех. Однако во сколько это обошлось нашей труппе?

— Ради Аллаха, не порть все, — сказал ходжа, — не порть нам настроения. Какая разница, во сколько обошлось.

— Правильно, — поддержал я, хотя смотрел на все это дело довольно трезвым взглядом.

На пароходе мы опять поделились на лордов и чернь. Кроме нас на судне были большие чиновники, которые направлялись в Трабзон, и одна группа,

---

* Гересун — город на Черном море.

следующая в Эрзурум. Они видели, как торжественно провожали нашу труппу. В салоне они тотчас нас обступили. Я, потихоньку выйдя на палубу, отправился прямо в каюты для черни.

Войдя в салон третьего класса, я увидел Азми. Он сидел в углу, пил и повторял монолог.

— Помнишь того англичанина, которого капитан поставил своим заместителем? — спросил он, когда я подошел. — Тип тогда напился. На следующий день, пока он был на службе, пришла жалоба. Англичанин доложил, что во время несения службы он был пьян и что это может подтвердить группа проверки. И я поступлю так же, как тот англичанин. То есть если я на работе напьюсь, то, не спросив у тебя, доложу сам и уволюсь к чертовой матери.

— Почему, Азми?

— Потому что мне очень стыдно. Здесь, на корабле, другое дело. Однако, если во время работы напьюсь, то так и поступлю.

— Азми, у тебя, кажется, проблемы?

— У меня нет никаких проблем. Я в нирване. У меня нет никаких желаний, значит — и проблем. Я очистился от всего.

— Ну-ну!

— Это не проблема, это — разногласия. Я нахожусь в разногласии с собой, поэтому злюсь. Как я могу понять других, если не понимаю себя? Может, и у тебя есть проблемы?

И он ушел. Немного в отдалении показалась Макбуле.

— От равнодушия убежали, — спросила она, — я тоже. Ледышка с одной стороны. Мелек с Масуме — с другой. Ходжа шпионит за всеми. Костюмы из гардероба делают ножки. Дай, думаю, режиссеру доложу. Видел на Арслане тот прекрасный синий костюм?

— Да, заметил. Однако, в конце концов, он на свои деньги его купил.

— Что-нибудь еще заметили?

— Нет!

— Ледышка с Арсланом шуры-муры завели. Девка — не промах. Комар носа не подточит. Но парень придурак. Свои бы таланты бы хоть разок на сцене проявил. Она взяла в оборот Арслана, а мне плевать. Я довольна собой. Хватит и того, что она обманула этого типа. Однако политика началась. Политика.

— Почему?

— Потому что у Ледышки, может, и есть талант, но пока он сидит где-то глубоко внутри. — Что это за игра? — Макбуле постепенно возбуждалась. — Наверное, она большая актриса, но если так и дальше пойдет...

Она и в самом деле говорила правду. Ремзие прочитала последний монолог без выражения. В одном месте она как-то странно оживилась. Ее голос приобретал звучность, и другие актеры рядом с ней начали теряться. Ее лицо преобразилось, глаза засверкали. Она об этом не знала и даже не догадывалась. Я задумался и продолжал бродить. Немного позже я заметил Ремзие.

— Интересно, людское время совпадает с самим временем? Не знаю, — ответила она сама на свой вопрос.

— Вы все еще кашляете.

— В море так хорошо. Плыть бы и плыть.

Я продолжил свой путь. На носу парохода собралась группа людей. Это были наши с командой судна. Опять, наверное, Хакки с Обезьяной показывали какие-то фокусы. С удивлением я заметил, что среди них была и Ремзие. Она пела. Это оказалась мелодия жителей черноморского побережья. Все, как заколдованные, слушали ее.

Закончив петь, она подошла ко мне. Я специально напомнил ей, что она вроде как не поет песен.

— Надоело, — объяснила она, — Хаккы с обезьяной сидят. После того случая Хаккы боится и больше фокусов не показывает. Мне захотелось им спеть.

Какая все же странная женщина!..

* * *

Я посмеялся над ходжой, однако на следующий день, поговорив, признал его правоту. Господин Сервет хотел выгнать Пертева, но прибегнув к хитрости. В тот день лицо господина Сервета было насупленным.

— Есть одно соображение, — сказал он. — Вы жаловались, что мы много тратим, находили нашу труппу довольно многочисленной. К тому же некоторых из них мы взяли на испытательный срок. Если вы считаете нужным, можно кое-кого уволить, например, этого Пертева. Собственно, у парня таланта-то и нет.

Было понятно, что господин Сервет хочет свалить Пертева на меня. Однако чтобы я не понял, что все это он делал ради себя, он решил заодно с Пертевом уволить еще некоторых. Это игра, от большой политики ничем не отличающаяся.

* * *

Последний город, который мы посетили на черноморском побережье, оказался Трабзон. Проведя там неделю, мы должны были отправиться в горы. Постепенно все вставало на свои места. Наши дела продвигались неплохо. В Трабзоне мы могли задержаться чуть подольше, однако времени было в обрез. После Эрзурума нам предстояло отправиться в Эгзин-

джан*. Оттуда двинуться к югу. Впереди нас ждали еще долгие месяцы гастролей.

Но в начале сезона мы планировали вернуться в Стамбул. Вся эта дорога очень развлекала ходьбу.

— Ходжа Насреддин, когда его лодка села на мель, подумал, что море закончилось. Теперь и для нас море по-настоящему закончилось. Каким оно стало маленьким!

Сказав это, он тяжело вздохнул и прищурил свой рябой глаз, словно смотрел в океанские дали.

— Да, настанет день, когда и эти земли закончатся. Хочешь ты того или нет, а конец придет! Ах, что мы наделали, растеряли целую империю! Подумай только, выезжаем на гастроли. Арабистан, оттуда да Басры. Потом Хиджаз**, Йемен. Хотя в Хиджаз нас бы не впустили. Но есть еще Египет, Траблус, Физан***. Ох, как я боялся раньше этого Физана. Да на-кажи Аллах того, кто изобрел автомобили. Все при-близили. Да и от родины горсточка земли лишь оста-лась.

— Но поехать-то туда можем, — сказал я. — И в Арабские Эмираты совершим путешествие.

Глаза ходжи наполнились слезами.

— Арабские эмираты, — произнес он. — Подумать только, эти арабские девочки. С черными, как уголь, глазами и бровями полумесяцем.

---

* Эгзинджан — областной центр в Восточной Анатолии.

** Хиджаз — территория на западе Аравийского полуострова, часть Саудовской Аравии. Историческое место возникновения и зарождения ислама — здесь находятся Мекка и Медина. В 1916–1925 — независимое государство, возникшее в результате восстания арабских племен против Османской империи.

*** Физан — одна из трех местностей, образующих Ливийскую республику. До начала XX века Физан принадлежал Османской империи и был местом ссылки. После Трипольской войны 1911 года эти земли отошли к Италии.

— Интересно, на каком языке ты их будешь там напутствовать? — пошутила Макбуле.

— На таком же, на каком ты Пертева!

— Не порть мне настроения, ходжа! Если бы только не было этого типа и этой бабы.

Мы возвращались в отель и всю дорогу шутили. Было уже довольно поздно.

Когда мы пришли в отель, я нашел у себя в номере письмо. В нем говорилось, что господин Сервет со своей дамой отправился в Стамбул. Господин Сервет по некоторым трудно объяснимым причинам внезапно был вынужден отправиться в Стамбул и взять с собой машинисточку. Все дела он оставил на нас. Через несколько дней он должен был нагнать нас в Эрзуруме.

Мы посмотрели друг на друга.

— Значит, смылся! — воскликнула Макбуле.

— Что стало с Пертевом? — спросил Ходжа с интересом.

— Лежит, — ответил Пучеглазый.

— Здесь что-то не так! — сказала Макбуле.

— Ну что ты, милая, без сомнения, он тоже переживает, — постарался успокоить ее ходжа.

— У нас есть немного денег, — произнес Пучеглазый. — Наверное, мы сможем продолжить наше дело. Не будем поддаваться панике. Даст Аллах, вернется.

Однако в его больших глазах читалась тревога.

Глава двадцать вторая

Ночью, когда мы прибыли в Эрзурум, мы как руководители собрались и провели в отеле собрание. Когда мы селились, у одного лезущего из кожи вон служащего отеля, мы узнали, что опять должны выступить для «Кызылая». Потом один молодой журналист тоже упомянул об этом, и после него к нам в отель зашел министр здравоохранения.

— Что делать, однажды уже прошли по этому пути, вот и прослыли транжирами. И все время теперь так пойдет! — говорили мы.

В дороге мы почти не ощутили отсутствия господина Сервета.

— И реклама неплохо получилась, — сказал Ходжа.

Пучеглазый посмотрел в свою записную книжку и ответил:

— Посмотрим, сможем ли мы покрыть расходы?

Его большие глаза-блюдца были индикатором его страха, да и нашего тоже.

По существу, в отсутствие господина Сервета мы стали свободнее передвигаться и дышать. Однако, когда взялись за работу, поняли, что без него никуда. Во всем почтении, которое нам оказывали, была его заслуга. Например, то, что господина Сервета встре-

чали как посла, да и банкеты у губернатора — все это повышало наше самомнение.

Разбравшийся в подобного рода делах больше нашего, Пучеглазый, обращаясь ко мне, сказал:

— Вы тоже должны ходить на такие встречи и произносить там речи. Я думаю, что вы справитесь с этим лучше господина Сервета.

— Разве я смогу говорить, как он?

— Это же не является неперенным условием, дружок! — воскликнула Макбуле.

Все дружно рассмеялись. А я задумался. Действительно, это ведь мои обязанности. Однако комплексы засели во мне так глубоко, что я не мог самостоятельно с ними справиться.

— Давайте этим займусь я, — предложил Ходжа.

— Да и вправду, ты же у нас есть, — пошутил Азми. — Если хочешь, мы наденем на тебя смокинг из «Дамы с камелиями» и Пертева дадим в придачу.

Мне нравилось, что Азми шутил и смеялся. Он сразу нашел нужную ноту. Все это он сказал, чтобы разрядить обстановку. Однако более подходящей кандидатуры, чем он сам, я не видел. Даже Пертев, и тот не подходил. Я уже представил себе, как Азми входит в кабинет губернатора. У него такой представительный вид! Однако мы узнали, что губернатор в командировке, и все облегченно вздохнули.

Наши дела в Эрзуруме продвигались неплохо. Театр начал жить на свои средства. Ходжа в водевилях превосходил самого себя. Горбун примкнул к нам. Хаккы тоже демонстрировал свои таланты.

Дядька был рядом с нами, словно заложник. Мы над ним иногда даже подшучивали. Однако бедный Дядька был сильно удручен. Иногда у него был такой вид, словно он ищет море среди верхушек гор.

Вскоре мы получили из Зонгулдака* обнадеживающую телеграмму.

— Вот видите, он постоянно думает о нас, — сказал ходжа с оптимизмом.

Однако дни приходили, и телеграммы стали приходить все реже и реже, а потом и вовсе перестали.

И в конце концов мы столкнулись с горькой правдой лицом к лицу.

Мы находились в отеле, где кроме нас почти никого не было. Пучеглазый принес известие о том, что господин Сервет проиграл судебное дело, которое открыла против него его жена, и был взят под стражу.

Дети набросились на отца, отвезли домой и там заставили раскаться в содеянном. Это стало, конечно, большим несчастьем для него. Однако мы сразу стали думать о себе. Что теперь будет с нами?

— Добро пожаловать на отпевание покойничка! — прокричал ходжа.

Все посмотрели на меня. Это была страшная минута. В конце концов, собрав нашу небольшую группу, мы сообщили им неприятное известие.

— Друзья, наша труппа распалась, — сказал я. — Мы потерпели поражение.

Начался переполох. Масуме и Мелек, обнявшись, начали плакать. У Ходжи тоже глаза оказались на мокром месте. Он начал целовать девушек.

— Что с вами, непоседы вы мои? — спрашивал он.

Смотреть на эту картину без смеха было просто невозможно, поэтому мы не выдержали и расхохотались.

---

* Зонгулдак — город на севере Турции на берегу Черного моря.

Этот вечер был вечером «развала семьи», вечером-катастрофой. Однако в такие моменты всегда хочется убежать от одиночества, находиться среди семьи. Именно тогда я понял, что все же способен любить.

Такое же состояние было и у Азми.

— Все это хорошо, — начал он. — Но почему мы должны распасться только потому, что ушел господин Сервет?.. Нам нужно продолжать.

— Наше время вышло, — высказался Пучеглазый.

— Однако мы играли по-крупному.

— Это правда, но я вам как бухгалтер скажу. Нам не хватит денег даже на то, чтобы вернуться.

— Да чтоб эту твою тетрадь, господин чиновник!.. — крикнул ходжа.

— А вы не орите. Если так, то пожалуйста.

— Ну что ты, ребенок, что ли, браток? — спросил ходжа. — Разве можно на меня обижаться? — Потом, немного подумав, добавил: — О Аллах, что я, сейчас домой должен буду вернуться? Ну и ну. Я буду в таком же положении, что и господин Сервет.

— Ты пока погоди. Эти планы насчет возвращения домой выбрось из головы, — сказал ему Азми. — И без него обойдемся. Выжили же мы как-то с Сулейманом в яме две недели. Что мы, так легко сдадимся, что ли?

Эти слова были такими пылкими, разбуженные ими чувства настолько сильными, что я, несмотря на то, что был настроен не лучшим образом, все же воскликнул:

— Не надо так быстро терять надежду!

Знавшие меня как серьезного и обычно взвешивающего все «за» и «против» человека удивились. А ходжа на этот раз обнял и расцеловал меня. Словно все

зависело только от меня он, смеясь сквозь слезы, обратился ко мне:

— Пожалейте меня, господин Сулейман! Только не дайте мне испытать того, что пришлось господину Сервету.

Что было еще более странным, так это то, что Горбун тоже разволновался. Он гладил по спине Газали и доктора и успокаивал их.

Последний номер выкинула Макбуле.

— Господин Сулейман, давай смотреть правде в глаза. Мы поверили тебе и тронулись в путь. Послушай, о чем говорят! О бродячем театре! Вы что, забыли, как в доме культуры играли? Спросите, стоит ли это того?

— Посмотрим, что нам покажут цифры, — произнес Пучеглазый.

Однако цифры ничего хорошего не показывали. Когда дела пошли хуже, мы стали жить на то, что зарабатывали. «Лавочник нас убьет, то там, то тут должны!» — говорил нам каждый день Пучеглазый. Так что надеяться было не на что.

— Если дела наши обстоят так плачевно, — сказали все, — то решено: будем жить по средствам.

Что самое странное: наша гранд-дама тоже так думала.

Я посмотрел на Ремзие, которая стояла рядом со мной.

— Мне как-то все равно, — произнесла она.

Труппа перестала существовать. Однако группа стояла на ногах. Бедность давала о себе знать — долги горсовету, лавочнику и другие всевозможные траты.

Надо было срочно искать пути возвращения домой. Смешно: туда — первым классом, обратно — в трюме.

— Продадим драгоценности, — предложила Макбуле. — Пусть мужики думают.

— И у нас тоже найдется что продать, госпожа. Пойдем на базар и продадим реквизит.

— Не переворачивай все с ног на голову, режиссер, — сказал Азми. — Ты все еще наш шеф. Мы в твоём распоряжении.

— Эх, да что это такое! Вы словно дохлые муравьи, — возмутилась Макбуле. — Слава Аллаху, ели, пили. Каждый, как мог, развлекался. Что, разве мы на службе? Мы же подписывали с этим типом контракт! Да разве у него души нет!

Все как-то расслабились. Отчаяние порождало странную веселость.

Макбуле запела:

— Застрали в чужой стороне, ох наплачемся.

Азми, словно в дни, когда мы были в лагере Зекарик, взяв в руки багламу*, начал играть. Макбуле продолжала петь.

Все смеялись и плакали, жалуясь на судьбу. Как вышло, что все эти люди стали одной большой семьей? Однажды даже сыграли орта-оюну. Потом Хакки показал фокусы. Горбун выступал его помощником.

Я заметил, как Ремзие задумчиво смотрела из своего угла.

Пучеглазый, вспомнив о долгах за проживание в отеле, да и о других тоже, предложил:

— Давайте проведем гала-спектакль. Расскажем о своем затруднительном положении и попросим помощи.

У меня волосы встали дыбом. Внезапно Макбуле вскочила.

---

* Баглама — щипковый инструмент вроде магаллины.

— Да не думайте вы об этом, — воскликнула она. — Давайте лучше сыграем в «Аршин Мал Алан!»

Ходжа тоже вскочил. С энтузиазмом бродячих артистов они стали играть вдвоем.

— Ну, ребята, дай Аллах вам здоровья, — закричали мы все разом.

— Не порть игру, — время от времени умолял ходжа Макбуле.

Третий вечер. Вместе с дождями пришли холода. А мы продолжали веселиться в холе отеля.

Глава двадцать третья

На гастролях очень быстро заводишь знакомства. Вот и к нам пристал один азербайджанец. Звали его господин Зафер. Господин Зафер был непоседливым человеком. Во время Великой войны он находился во главе различных движений. Даже одно время на родине был главой правительства. Однако, когда сдружились с Россией, все встало с ног на голову. Его связали по рукам и ногам.

— Дружище! У меня есть тысяча золотых! — успел прокричать он.

Его подняли на ноги, забрали золотые, однако тем самым он спас себе жизнь. После этого он уехал за границу. Был в Германии, объехал всю Европу. Занимался разными делами, начиная с незначительных до управления баром и казино. Иногда сидел на мели, иногда бывал в выигрыше. А сейчас занимался поставками грузов по узкоколейке от Сиваса* до Эрзурума.

В Эрзуруме он пробивал некоторые дела инженеров. Даже один немец, говоря с господином Зафером по-немецки, часто называл его Восхитительный Зафер и так подбирался к театру то с одного конца, то с другого. Он был неисправим.

Он походил на барса: полный жизни, крепкий и подвижный, с густыми бровями и огромным носом.

---

* Сивас — административный центр в Центральной Анатолии.

Увидев нас, господин Зафер вспомнил годы, когда работал в баре и казино. С каждым из нас он завязал дружеские отношения. Он был простым, хорошим и доброжелательным человеком. И к каждому имел подход. Вплоть до Дядьки-араба, он всем делал комплименты. Он так был похож на нас, что без проблем вписался в нашу компанию. Когда он иногда в сердцах произносил бранное слово, то говорил:

— Клянусь Аллахом, я не достойный вашей компании человек! Пойду и запрусь сейчас в своей комнате! — И уходил к себе.

Господин Зафер рассказывал, что в том момент, когда нож коснулся его шеи, жизнь для него закончилась.

— Я был разбит. Мне было не до денег! — объяснял он.

Это была ночь, когда жизнь для нас заиграла новыми красками. На улице шел дождь. В отеле затопили печь.

Господин Зафер уделял большое внимание этикету. Однажды, когда мы собрались все вместе, он обратился к толкающемуся посреднику:

— Тебе не стыдно? Скажи спасибо, что тут женщины, не то я бы сказал тебе пару ласковых!

Больше всех он уважал Макбуле.

— Госпожа была с мужем в Германии, — говорил он и целовал ей руку.

Так как все посмеивались друг над другом, ходжа стал подтрунивать над Макбуле:

— Честное слово, он на тебя запал. Ночью хорошо закрывай двери. Вопли и плач денег не стоят. На наших глазах страдаешь ни за что. С другой стороны, тип порядочный, да и богатый. И настоящий мужик!

Ходжа, надев искусственный нос и скосив глаза на Макбуле, начинал показывать, как господин Зафер будет объясняться ей в любви, если они обручатся.

Все громко смеялись. Даже Дюрдане. А Макбуле бесилась, так как не выносила смех Дюрдане, со стороны походивший на язвительную усмешку.

Без какой-либо причины господин Зафер стал объектом насмешек. Однажды ходжа, нацепив искусственный нос, подошел к ней и произнес:

— За твой этот маленький нос хоп и схватит!

— Отстань, я нос этого типа вот так раздавлю! — закричала Макбуле и набросилась на ходжу.

Все опять смеялись. Вместе с этим в Макбуле стало просыпаться женское начало.

Мы уже почти распались и решили возвращаться домой.

Я узнал, что доктор Пертев играет в покер и что он отнес на продажу ювелиру кольцо и часы. А Пучеглазый ссуживал ему деньги под залог.

Наши долги с каждым днем становились все больше и больше. Руководство полностью развалилось. Однако мы думали о нашем реквизите. Он принадлежал нашей труппе. Когда мы надумали это все продать, Пучеглазый, знающий, в отличие от нас, законы, сказал:

— Никто ничего не вправе продавать, даже трогать. Только по доверенности можно отдать на хранение.

Последней ночью мы все впали в отчаяние и в то же время пустились во все тяжкие. Никакой надежды не осталось. Все по очереди демонстрировали свои таланты. То, что было до этого времени тайным, всплыло наружу. Потом попросили Хаккы показать фокусы. Горбун тоже принял участие. В маске с парохода сыграли в обезьяну, даже Дядька и тот не остался в стороне.

Только Ремзие стояла поодаль, скрестив руки на груди. Взгляд у нее был застывший.

— Вы, кажется, не рады? — спросил я.

— Если бы не дорога обратно, — ответила она. — Я хочу уехать, но только туда, где я еще не была. Но придется опять смотреть на пристань, на улицы Стамбула.

Она сделала полный горечи жест. По моей улыбке и по тому, как я слушал, она догадалась, что я ее прекрасно понимаю.

— В дорогу. Всегда в дорогу. Если б только я не знала, что земля круглая!.. Значит, надо возвращаться!

Нериман опровергла ее слова.

— Кто еще хочет остаться? — спросила она.

— Я, — ответила Ремзие.

И вот тогда произошел сюрприз. Господин Зафер, попросив открыть магазин, принес ящик шампанского.

— Это же прощальная ночь, — сказал он, — пришлось заставить открыть магазин!..

Он понимал толк в выпивке.

Наши решили отплатить ему за хорошее отношение к нам.

— Господин Зафер, сейчас наша очередь показывать, на что мы способны, а ты садись-ка поудобнее! И мы тебя удивим. Знаешь историю о крестьянине? Так вот, один бедный турецкий крестьянин, не найдя, чем угостить пришедшего к нему гостя, сказал: «Ты тут с дороги посиди, а я тебе спляшу!» Вот то же самое и мы тебе предлагаем!

И вот тогда наши показали господину Заферу импровизацию «Аршин Мал Алан».

— Вместо сломанного носа пойду еще один сделаю, а потом, надев, приду, — сказал ходжа.

— Оба сразу сломаю. Сиди, где сидишь! — крикнула Макбуле.

Господин Зафер не понимал значения этих слов, но от души смеялся, а мы вместе с ним.

Газали даже хрюкал от удовольствия. Увидев это, ходжа заорал:

— Задохнешься, олух!

Потом все дружно стали просить Макбуле спеть.

— Нет, — отрезала она. — Я поклялась!

— Да распались уже, разве клятва чего-то стоит, — сказал я.

— Ты доведешь меня до слез, господин Сулейман, — произнесла она и вправду заплакала. А потом стала жаловаться.

— Я осталась, — сказала Ремзие, — однако что мне делать.

Она сказала это, словно задала вопрос, однако было видно, что она решила делать.

— Госпожа Макбуле зареклась. Однако я попробую спеть, подражая ей. Я много раз слышала ее прекрасный голос, — сказала она.

Взяв стоящий в углу уд, она села, подобрав подол платья, и начала исполнять песню, которую Макбуле раньше постоянно пела.

Она пела немного иначе. Я подумал, что Макбуле обидится на нее. Однако у этой бедной женщины и в самом деле ко всему красивому было какое-то особенное отношение.

— Кроха ты моя, — начала она. — И я, как ходжа, поступила бессовестно, злословила о тебе. Хотя из-за этого переживала после той ночи. Подойди, дай я тебя расцелую.

Когда она это говорила, бедняжка казалось такой молодой и красивой!

— Долой клятву, — сказала она немного погодя. — Давай, ходжа, бери свой уд и как последний номер нашей программы споем с тобой господину Заферу.

После пения ходжа придумал монолог — настоящее произведение искусства, в котором рассказыва-

лось о том, как господин Сервет умоляет своих детей и раскаивается во всех своих поступках. Было так весело! В одном месте, прервав свое выступление, он произнес:

— О Аллах, какой же я бессовестный человек, хотя это и шутка. В шутке нет злого умысла, однако все равно некрасиво. Ведь благодаря этому человеку мы провели несколько прекрасных месяцев. Я бессовестный, но ничего не могу с собой поделать.

Почти в полном составе мы собрались еще раз и сели в поезд. Не хватало только Пертева. Он за день до этого получил телеграмму, прочитав которую поменялся в лице.

— Мой дядя тяжело болен. С вашего разрешения, я поеду, — сказал он.

На следующее утро, отдав причитающуюся ему часть денег, мы отправили его домой. Пучеглазый, опять занявшийся делами кассы, воскликнул:

— У него нет на это права!

— Ну что ты, Пучеглазый, не становись таким бессовестным, как я и Макбуле. Дай парню то, что ему причитается! — сказал Ходжа.

— Почему сразу бессовестный?

— Ладно, ты знаешь, о чем это я. Как ни крути, а он наш друг. Пусть благополучно доберется до Стамбула. Смотри, и господин Зафер так же думает. Это его порадует даже больше, чем нас.

Я смущенно улыбался. Полученная телеграмма была подделкой, чтобы избавиться от Пертева. Как сказал ходжа, это было настоящим бесстыдством. Текст телеграммы диктовал ходжа, а писала Макбуле. А Ходжа еще и давал наставления Макбуле.

— Подчерк должен быть похож на подчерк телеграфиста. Такой же безобразный, поэтому я и попросил тебя написать, — говорил он.

Текст телеграммы был следующий: «Приезжай первым пароходом, жду тебя. Другьям скажи, что дядя тяжело болен».

Внизу поддельный адрес.

— Однажды, когда господин Сервет думал, как избавиться от этого парня, я подсказал это, — смеясь, сказал Ходжа. — Однако осуществиться этому суждено было только сейчас.

Дядьку тоже подумывали отправить. Хотя куда он поедет? Жена господина Сервета поклялась его обратно не брать. Однако и нам он был в тягость.

Глава двадцать четвертая

Мы ехали в поезде, состоящем из вагонов, похожих на старые трамваи, которые в свое время тянули лошади.

Однажды поезд сошел с пути, и господин Зафер, как диктатор, отдавал приказы машинистам. Ходжа, который ужасно боялся, всю дорогу проклинал этот поезд. Господин Зафер часто останавливал узкоколейку и говорил: «Прошу!», сажал Макбуле по середине и, раздавая команды направо и налево, фотографировал нас.

Опять пошли шутки.

— Наверное, у нас не получится без патрона. Даст Аллах, может, что и получится! — сказал ходжа и перешел к другой теме. — Патрон не может без фаворита. Я думаю, что наша труппа жива только благодаря тебе. Ну чего тебе стоит. Улыбнулась бы ты ему пару раз, что ли.

Эти слова, с одной стороны, ласкали самолюбие Макбуле, а с другой — выводили из себя.

— Да что с вами? — вскрикнула Макбуле. — Вы меня еще засватаете этому типу.

Однако, увидев сияющую, как у племенного осла, физиономию господина Зафера, ей, без сомнения, становилось приятно.

— Ты не переживай, ходжа шутит, — говорил я ей, однако тоже боялся, чтобы он чего-нибудь не выкинул.

— Ничего страшного, пустяки, — сказал господин Зафер, смеясь.

— Я заставлю его еще раз молить о пощаде, — бубнила Макбуле себе под нос.

— Господин, — обратился ко мне учтивым тоном Пучеглазый, — его цель не Макбуле, а Нериман.

— Да ладно тебе, господин Нури!..

— Может, мне просто покзалось!

Я пригляделся повнимательнее ко всему происходящему. И у меня тоже появилось такое же подозрение. Говоря комплименты Нериман, господин Зафер определенно робел. Даже его лицо, когда он смотрел в ее сторону, сильно отличалось от того, с каким выражением он говорил с нами.

* * *

На окраине города бил горячий источник. Возле источника был выстроен отель. Широкие комнаты, сад — одним словом, все превосходно.

— Ах если бы смогли здесь задержаться, — говорили мы.

— Задержитесь! — смеясь, ответил господин Зафер.

— О Аллах, на наше счастье, нам на пути только транжиры попадают, — сказал ходжа.

— Это и есть театр, — добавил Пучеглазый.

Все выпрыгнули из узкоколейки и побежали к горячему источнику купаться. Это место называлось «Хасанкале».

Через некоторое время из воды появилась Макбуле, а за ней Масуме и Мелек. Дядька-араб прогуливал

ся с добродушным портным. Они о чем-то любезно беседовали.

— Я просто влюбился в вас всех! — пропел господин Зафер. И началась прекрасная ночь в горах.

Хасанкале. Родина Нефи*. Один учитель начальных классов сказал нам, что он работает над тем, чтобы поставить памятник. Начальник уезда попросил нашу труппу принять участие и организовать представление.

— Да-да, конечно, с большим удовольствием, — согласились мы.

Однако во время вечернего представления выяснилось, что ходжа ничего не знает из Нефи. В итоге он только рассказал отрывок из рассказа «Труд араба» и спел песню. Потом вышла Ремзие, она с почтением в голосе начала читать наизусть стихотворение Тевфика Фикрета* «Нефи».

*Смуглое лицо, брови — два скрещенных кинжала,
Опять же, как кинжал острый, осмыслен взгляд
Мне великая память этот образ воссоздала,
Этот величественный образ и есть Нефи.*

Этот голос словно шел с небес, постепенно становясь громче и громче. Он был таким ровным, таким чистым! Это стало для меня откровением.

Декламация всегда производила на меня сильное впечатление. Однако до сего дня я не слышал, чтобы так красиво произносили слова, как в эту ночь. Эти слова мне казались отчетливыми и ясными, как звезды.

---

* Нефи, Омер (1572-1635) — известный поэт XVI века литературы «дивана».

** Тевфик, Фикрет (1867-1915) — турецкий поэт и журналист.

Тебе нужна другая земля, другое время!

Когда она произносила это, в ее голосе слышалась такая сила! После этой фразы Ремзие замолчала и посмотрела вдаль. Мне показалось, что она не может вспомнить последней строки. Я с места подсказал ей:

Тебе нужны небеса, как райский знак.

Она молчала. Подумав, что она не поняла, я повторил еще раз. Она, взглянув на меня, произнесла еще раз строку, произнесенную немного раньше:

Тебе нужна другая земля, другое время!

Этот повтор, испортивший всю рифму, произвел странное впечатление.

Закончив стихотворение, Ремзие вернулась к нам. Она тяжело дышала, словно устала от продолжительного бега. Но, несмотря на это, она улыбалась.

— Вы подумали, что я забыла? — спросила она меня. — Нет.

— Ремзие, ты это для себя читала! — высказал я догадку.

— Для себя и, может, еще для некоторых из нас.

* * *

На следующий день из вечного людского любопытства я не смог оторвать глаза от окружающего меня пейзажа. Немного в отдалении от горячего источника я увидел широкую каменную стену. Это сразу мне напомнило «Румяную девушку». Пучеглазый

знал эту пьесу еще со времен, когда работал в «Абди». Некоторые строки он даже мурлыкал себе под нос. Я постарался вспомнить хотя бы по частям содержание пьесы. Вот что у меня получилось: «В таких степях бродит, напевая песни, девушка — Румяная девушка».

Пучеглазый тоже вспомнил отрывок и произнес его таким тоном, словно читал статьи закона. И у Макбуле в памяти сохранилось что-то от увиденного ранее. Пока Пучеглазый читал отрывок своим противным голосом, Макбуле, почувствовав потребность поправить его, начала добавлять и исправлять его.

— Давайте поставим эту пьесу, — сказала внезапно Ремзие. — Конечно, у нас есть уже готовые, однако раз вы припомнили ее. Я чувствую, что смогу сыграть, не зная ни одного слова из этой «Румяной девушки».

Я вскочил с места с прытью, которой никто от меня не ожидал. Из-за того, что не привыкли к моему такому поведению, у всех на лицах отразилось изумление.

— Мне кажется, что в этом красивом саду наша труппа не сможет показать все, на что способна. Однако я уверен, что мы сможем сыграть совершенно неизвестную нам пьесу, если посмотрим на это, как на детскую игру.

Я сразу описал, как все это будет.

— Давайте сыграем! — воскликнули все.

Всех охватила суматоха. Мы бегали туда-сюда, как дети. Все знали, что из-за того, что будем ставить не известную нам пьесу, обязательно собьемся. Вот смешу-то будет.

— Вот хорошо, вот спасибо! — кричал господин Зафер.

Мы снова превратились в тех, кем были в саду в Аксараяе. Друг за другом ко мне стали подходить актеры.

— Я буду Румяной девушкой, выходящей из воды, — сказала Ремзие. — Как раз столько на мне сейчас одежды.

Я вместе с друзьями должен был играть горожанина, вышедшего на охоту. Вместе с Азми плечом к плечу с палками вместо ружей мы ходили по лесу. Иногда присаживались передохнуть. Вдруг издалека донесся еле слышный звук. Это был звук народной музыки. Приятный голос под открытым небом становился красивее. Песни сменяли одна другую. Это был голос Румяной девушки. Мы пошли на голос. Наконец-то произошла встреча.

— Кто вы? — спросила Румяная девушка у горожанина. — Вы похожи на хорошего человека.

Между ними вспыхнула любовь. А в это время с другой стороны леса появился отец девушки. Увидев, что молодые люди любят друг друга, он благословил их. Однако и у парня был отец. В роли отца — Газали. Вытянув шею, он сказал, что его сын обручен с дочерью визиря.

— Если узнает паша, он прикажет зарезать нас, как Нефи!

И вправду, Пучеглазый выглядел довольно величаво, Верилось, что он способен сделать это. Гордящаяся своей ролью дочери паши Нериман в прекрасном, как стихотворение, дворце, расхаживала, как пава. Рядом с ней — Дядька-араб и придворный Горбун. Больше всего импровизировали маленький Горбун и Пучеглазый. Однако настоящее чудо — это ходжа и Макбуле. Они играли цыган, мужа с женой — родителей Румяной девушки. Дело дошло до такого озорства, что даже Макбуле поразились.

— Стыдно, оскандалимся, — сказала она ходже.

— Я этот шанс не упущу, когда еще посчастливится! — зашептал он ей. — Узнаю все твои тонкости, в тебе точно течет цыганская кровь. Стыда нет.

Сказав это, он сразу принялся строить козни, чтобы расстроить свадьбу.

На следующий день паша задумал свадьбу. Однако на улице под звук зурны как из-под земли вырос цыганский табор. Песни и пляски. Вот тогда Макбуле завораживающе исполнила цыганские песни, а рядом с ней Масуме и Мелек показывали, на что способны. Они тоже были дочерьми цыган и в то же время танцовщицами. На сцене они были наполовину раздеты, да так танцевали, что даже самая избалованная танцами живота публика пришла бы в восторг.

— Разве я не об этом говорил? — спросил ходжа.

У них не осталось и капли стеснения. Танец не может быть таким открытым и сладострастно-чувственным.

— Постой, запахло жареным, — произнес ходжа, — девчонки, наверное, сейчас полностью разденутся!

— Зачем стесняться и чего-то бояться? — сказала Ремзие.

— О Аллах, не знаю, может, это из-за этого источника, но я чувствую себя помолодевшим! — воскликнул ходжа. — Что скажешь?

После довольно продолжительной пляски и после того, как Мелек и Масуме показали, на что способны, ходжа наконец громко произнес:

— Браво, ребята!

Потом настала очередь Хаккы, он показал фокусы.

После этого была еще одна сцена: паша после представления засунул руку в кошель, чтобы забро-

сать цыган деньгами. В этот момент ходжа крикнул:

— Ребята, мы породнились с пашой! Он отдал свою дочь за нашего сына.

— Ты отец моего зятя? Я что, отдал дочь за цыгана? Найдите этому юноше другую невесту, — приказал он.

И, конечно же, Румяная девушка опять появилась на сцене.

Азми остался очень довольным представлением. Мы все дрожали от восторга.

Все это игры для взрослых детей.

Глава двадцать пятая

В Карсе* после полных суеты десяти дней наконец нам улыбнулось счастье!..

Господин Зафер нам иногда помогал. Мои с большим трудом приготовленные декорации были не в состоянии оживить ни одну пьесу. Зрителей с каждым днем становилось все меньше и меньше.

— Давайте ставить оперетту — песнями их завлечем, — говорили актеры.

— Давайте сделаем варьете! — предлагал господин Зафер.

Однако последний удар мы получили как раз от него.

Однажды ранним утром, мы увидели, что и он, как и господин Сервет, пропал. Пока мы шутили над Макбуле, он увез с собой Нериман, чтобы жениться.

Последний раз мы сидели в фойе отеля. Отныне Нового турецкого театра больше не существовало. После уплаты всех долгов за отели за аренду сцены оставшиеся деньги мы разделили между собой. Теперь каждый был сам по себе, каждый должен был сам искать выход из сложившейся ситуации. Поняв,

---

* Карс — административный центр на северо-востоке Турции. В ноябре 1877 года Карс был взят русскими войсками и в 1878 году отошел к России. По Брестскому договору 1918 года город опять отошел Турции. (Примеч. ред.)

что дело клонится к концу, Пучеглазый, поторговавшись с водителем грузовика, договорился, чтобы тот довез их до Эрзурума. Газали, девушки и Доктор собирались отправиться вместе с ним на грузовике. Макбуле, ходжа, Азми, Ремзие и я на следующий вечер должны были вернуться на поезде, который отправлялся ближе к полуночи. Дядька тоже достался нам. Уже никто не питал никаких иллюзий. Все молчали.

— Встретимся еще раз на пароходе, — успокаивали мы себя.

— Еще чего, — сказал ходжа. — Я этого не вынесу. В Самсуне с пристани уйду. Ни с кем не попрощавшись, сбегу. — Сделав безнадежный жест рукой, он добавил: — Что поделаешь, море закончилось!

Только-только забрезжил рассвет. Услышав, как наши друзья собираются в дорогу, мы решили их проводить. Ходжа поцеловал Мелек и Масуме. Пучеглазый надел очки и куртку. Только Хаккы и Горбун решили остаться. Хаккы собирался показывать фокусы.

— Может, еще его, — он показал на Горбуна, — использую в роли обезьяны, — сказал он.

— На пароходе опять встретимся!

Я походил на пастуха, растерявшего свое стадо. Кто знает, куда они направятся? Конечно, мы обязательно должны будем когда-нибудь встретиться. Но, несмотря на это, сердце разрывалось на части. Я сгорал от чувства, которое, как мне казалось, я потерял навсегда.

— Как в лагере Зеказик, не правда ли? — подсказал Азми.

После того как мы их проводили, я лег опять. Мы проснулись ближе к полудню от шума. Принесший мне кофе продавец сообщил новость.

— К нам приехал знаменитый театр оперетты! — воскликнул он.

Знаменитый театр оперетты! Они разгружали вещи: сундуки, барабаны, зурны, а потом заносили в отель. Официанты суетились, артисты с глупым видом выпрыгивали из грузовика. Их патрон оказался маленького роста человеком, на него стоило посмотреть.

— Какой приятный сюрприз! — закричал он. На плечах бурка, на ногах домашние тапочки. Лицо, вытянутое из-за того, что он не побрился, прямо-таки обросло седой бородой.

— Какие люди! — ответила ему Макбуле.

Оказалось, что мужчина знал Макбуле по гастролям.

Макбуле не осталась равнодушной к этому маленькому комплименту. Она поздоровалась также с примадонной с золотыми зубами и другими женщинами, подошедшими к ней с кислыми лицами.

Патрон оперетты, крича и ругаясь, пока разгружали грузовики, узнал о нашей участи. Он оказался настоящим торговцем.

— Кто знает, какие вы прекрасные вещи ставили, — произнес он, тяжело вздохнув. — Однако в этих местах такой номер не пройдет.

После этого он рассказал о поразившем наше воображение турне: Из Вана*, в Сирут, а потом Газиантепа.

— Мы на этом деле собаку съели! — добавил он.

В это время ко мне подошел официант и сказал:

---

* Турне начиналось в городе Ване на юге Армянского нагорья на востоке Турции, далее актеры отправились на юго-восток, а затем на юг страны. (Примеч. ред.)

— Вашу комнату хотят посмотреть!

Это значило, что они поселятся в наших комнатах. А до поезда нам придется коротать время на улице.

— Оперетта здесь не пойдет, не место, — вдруг сказал бородатый патрон.

Он, как торговец, знал этот рынок. Когда он рассказал о проделанном его труппой пути, я был просто поражен.

— Попробовал попасть в Иран, однако Пехлеви* отказался, — добавил он в конце.

Я не переставал удивляться его странной популярности. У него часто спрашивали совета.

Что касается нас, то наше положение было отчаянным. Вот тогда и произошла история, которая мне даже не могла прийти на ум. Я бросил взгляд в сторону и увидел Масуме и Мелек. Они шли по дороге, а за ними тащились мужчины.

Подойдя ко мне, они поведали о том, что с ними приключилось.

Оказалось, что в грузовике произошла серьезная ссора. Кроме того, когда Газали обозвал шофера грузовика пьянью, у того лопнуло терпение, и он хорошенько поколотил Газали, затем схватил его за шиворот и выбросил из кабины. За ним полетели и вещи.

Масуме и Мелек стали плакать и причитать. Газали, думая, что все еще сможет договориться, опять подошел к шоферу.

— Ну, прости ради Аллаха! С дуру ляпнул! — извинялся он. — Давай по новой договоримся.

---

* Пехлеви — иранская правящая династия (1925–1941), во время правления которой многие виды народно-сценического искусства в больших городах были запрещены, а бродячих актеров преследовали. (*Примеч. ред.*)

— Тогда за Газами вступился Пучеглазый.

Господин, все бывает в дороге, на такие мелочи не стоит обращать внимания, — а этот тип, пытаясь ударить Газали, задел локтем Пучеглазого.

По смешкам Макбуле и Мелек я понял, что шофер и его также хорошенько отметелил.

— Какие вы актеры? Вы просто бессовестные сволочи! — прокричал шофер и, выбросив деньги на дорогу, поехал дальше.

В тот день вплоть до самого вечера мы околачивались по округе. У нас больше не было дел, кроме как ждать полуночный поезд. После того как мы перевезли некоторые вещи на станцию, мы отправились в казино, принадлежавшее одному типу из Ризе.

Ходжа заснул там прямо на стуле. Я посмотрел на него. На его лице отразился весь груз прожитых лет, он превратился в печального старика.

— Я прочитал твои письма, — забормотал он сквозь сон, и чтобы показать, что они очень скверные, хлопнул в ладоши и улыбнулся во сне.

Вдали показался автомобиль. Рядом с шофером сидел Карлик. Крича во весь голос, он объявлял:

— Оперетта. Оперетта Хафиза Нури. Труппа, состоящая из тридцати человек. Различные номера, варьете.

Ходжа, услышав это, сразу открыл глаза и, тяжело вздохнув, сказал:

— А мы сели на мель. Видели, что значит театр? Клянусь Аллахом, сорвут кассу!

В это время откуда-то появились Хаккы и Горбун. Они принесли неутешительные известия.

— Мы, наверное, совершили ошибку, — произнес ходжа. — Ты должен был принять предложение азербайджанца. Надо было ставить оперетту.

— Разве он смог бы это осилить? — спросил Азми.

— Что ты сказал? Это ты о ком? — стала приставать к нему Макбуле.

* * *

Вечером нас пригласили на оперетту. Мы нарядились в самые лучшие костюмы. У дверей играла музыка. Целый день карлик и араб с колокольчиками и бубенцами в руках зазывали народ.

— К сожалению, такова реальность, — констатировал Пучеглазый. — Народ именно этого хочет.

Оперетта. Оперетта Хафиза Нури.

Карлик станцевал канкан. А араб, надев цилиндр и сюртук, — чарльстон. Выслушав примадонну с золотыми зубами и тенора, мы отправились на станцию.

* * *

После этого все пребывали в подавленном настроении.

— Почему мы не можем сделать то, что делают бродячие трупы? — спросил Пучеглазый.

— Я пас. Я уже проглотил свою горькую пилюлю, — произнес ходжа.

На станции царило безмолвие. Пучеглазый в специально подготовленной для долгого путешествия бурке сидел на лавочке. Дядька, завернувшись в плед, дремал возле него. Масуме и Мелек прогуливались туда-сюда по платформе.

Ремзие подошла к нам. Мы сидели в полной тишине.

Потом объявили, что наш поезд задерживается. Несмотря на глубокую ночь, вокруг большого фонаря кружили насекомые.

Ходжа, взяв ручку с бумагой, подводил итоги.

— Пять месяцев, десять дней — вот и все, что осталось от жизни!

Мы стали говорить о возможностях труппы Хафиза Нури. Мы этой труппе ужасно завидовали. Хафиз Нури рассказывал нам о встреченных им по дороге бродячих труппах. О том, что их было так много в этих бесконечных просторах моря.

— Что я буду теперь делать? — спросила Макбуле. — Отказалась от места солистки, чтобы стать актрисой. Да. Поторопилась...

— А я как вспомню эту придуманную нами пьесу «Румяная девушка», так хочется заплакать, — сказал ходжа. — Неужели нам так быстро суждено было выдохнуться? Впереди долгая дорога. Выхода нет, надо возвращаться! Если вдруг ваша дорога будет лежать через наши края, милости просим! Заходите, встретимся в доме культуры!

— Мы еще немного побродим, — ответил Хаккы, — может, встретим какую-нибудь труппу и приедем к ней.

— И я хочу с вами, — пристала к ним Макбуле. Хотя раньше клялась, что больше не будет петь.

— А со мной что не так? — произнес ходжа. — Буду читать монологи, а ты своим прекрасным голосом петь. Соберем бродячую труппу и будем ходить по новым неизведанным местам. Веселиться и других веселить.

— Хорошо, а почему нам нельзя с вами? — спросил Азми. Мы с Сулейманом, как бы то ни было, уже поиграли в лагере Зеказик.

— И вправду, — пробормотал Ходжа. — У нас столько талантов, всех развеселим. Почему-то не подумали об этом. Разве нас дома кто-то ждет? Давай, дружок, будешь за главного. Отправимся вместе навстречу

приключениям. Актеры оперетты рассказывали о пройденных местах. Мы тоже увидим свою страну. В Анатолии, в конце концов, прибудем к какому-нибудь кочующему каравану.

— Я готов! — воскликнул Азми.

— Ребята, — произнесла Макбуле. — Даже если вы ничего не будете делать, я все равно начну давать концерты.

— У меня совершенно нет никаких талантов, — сказал я. — Однако мои истории неиссякаемы.

— Станешь опять главным, — предложил Азми. — Предположим, мы возвращаемся. Сейчас отсюда Стамбул кажется красивым и притягательным. Однако подумайте — выходим на пирс. Идет дождь. Улицы грязные. Куда мы пойдем?.. Кто нас ждет?.. Давайте поменяем название и создадим новую труппу. Ну что скажете, ребята?

— Это что, правда? — чуть не плача, спросил ходжа. — Если это так, то, значит, мы спасены.

Ремзие стояла немного поодаль — чужая и замкнутая. Она ушла в себя. Я заметил, что она смотрит по сторонам, словно что-то ищет.

Вот тогда мы и приняли решение о нашем предстоящем турне. Ходжа уже не стеснялся своих слез и плакал, как ребенок. Случай собрал вместе всех этих людей. Как мошкара, кружащая вокруг фонаря, они все горели желанием отправиться в неизведанные, новые места. Убежать и избавиться от состояния, в котором находились в ту минуту.

— Много работать не придется. Только привести себя немного в порядок и в путь, — сказал Пучеглазый.

— В путь! — воскликнули все. Ближе к зиме спустимся к югу: Анталия, Адана, Мерсин. Мы стали перебирать все места, куда можно будет поехать.

Ремзие молча слушала.

Азми был радостно возбужден, как в лучшие наши времена. Отчаянно жестикулируя, он рассказывал нам о всех дорогах востока.

— На этот раз тронемся в путь без плана и программы. Что нам терять? Когда мы с тобой жили в лагере Зеказик, все было почти как сейчас.

Эта неожиданная мгновенная радость несчастного больного оказалась настолько заразной, что у нас опять поменялся настрой. И как будто мы собрались отправиться в великий поход, всех захватило чувство опасности и подозрительное волнение.

В этот момент мой взгляд опять скользнул по Ремзие. Она немного покашливала, шея ее была замотана платком.

— Бедняжка Ремзие очень устала, — сказал я. — Наверное, мы здесь с ней простимся.

— Да, — только и ответила она.

— А нам все равно, — ответила Макбуле. — Разве мертвый осел боится волка? Она другая. А вот с вами мне весело, ребята.

Все пока еще не верили в то, что все, о чем мы тут говорили, не шутка.

— Ребята, посмотрите на меня, — жалостно произнес ходжа. — С этим не надо шутить!..

Я еще раз увидел, как наполнились слезами его глаза, и он опять заплакал.

У нас не было места для ночлега. Мы подумывали найти более дешевый отель, чтобы переночевать и решить, в какую сторону тронуться.

Азми нарисовал карту. Он предполагал из Эрзурума свернуть в сторону Мамахатуна, потом заехать

в Эрзинджан, а оттуда в Среднюю Анатолию и дальше двинуться в сторону границы.

— Ну давайте не будем тянуть кота за хвост! Надо решать быстро, — сказал он, глядя нам всем в глаза.

— Эх ты, посмотри на величие Аллаха! — воскликнул ходжа и, плача, обнял его за шею.

В итоге и ходжа обрел новое дело. И я получил выгоду от этого. Если даст Аллах, когда-нибудь увижу еще его, обязательно отблагодарю.

Глава двадцать шестая

Мы образовали странную семью — молодые и старики, каждый со своими проблемами. Было понятно, что наша жизнь отныне будет связана с шутловством и паясничеством. Перед глазами проходили бродячие трупы, просящие подаяния религиозные фанатики, дервиши.

Я заметил, что Ремзие смотрит в мою сторону.

— Ремзие, давайте немного пройдемся и поговорим, — предложил я ей. — Скажем остальным, что найдут нас на станции.

Мы шли вдоль железнодорожного полотна и говорили. Вначале я справился о ее здоровье.

— Вы должны вернуться, Ремзие!

— Почему? — спросила она, возмущенно посмотрев на меня.

— Вы знаете, какая из нас вышла семья. Ни от кого нет секретов. Я понимаю вашу проблему. Я знаю, что вы замужняя женщина и что любите своего мужа! Кроме того, вы еще и влюбились.

— О чем вы это говорите, — внезапно прервала меня она.

— Вы не похожи на других, вот о чем, — сказал я. — Мы с вами мало общались. Оба не очень разговорчивые люди. Я видел некоторые ваши роли. Роли, в которые вы, забыв обо всем, вложили всю себя. Даже иногда меняли обстановку вокруг. Придуманные роли

выдуманных сказок. Однако именно в них вы смогли показать себя. Вы образованы, умны и талантливы. Бедняжка Ремзие, вы достойны совершенно другой участи. А мы... Мы находимся в безвыходном положении, каждый со своими тараканами в голове, уставшие от жизни люди. Но вы не такая! К этому и я немного причастен. Вы должны вернуться и бедного Дядьку с собой взять. Как никак у нас есть те, кто хочет уехать. Поезжайте с ними.

— Нет, — сказала она. — У меня больше, чем у вас всех вместе взятых, есть причины не возвращаться домой.

Она заплакала.

— Бедняжка Ремзие, я как старший брат со всей искренностью говорю вам. Вы совсем другой человек, совершенно не такой, как представляете себе.

Я понимал, что обязательно должен вернуть Ремзие домой. И в то же время мое сердце сжималось от мысли, что ее больше не будет среди нас.

— О чем вы говорите?

— Вы понимаете, что за причина толкнула меня боязливого и стеснительного человека на этот разговор. Если сейчас вы скажете: «Нет, вы ошиблись!» — я приму все как есть и только отвечу: «Да, ошибся, извините за то, что вмешался в вашу жизнь!»

Она склонила голову и задумалась.

— Хорошо, я скажу правду. Но и вы не говорите, что я поступаю неправильно. И не думайте, что я играю.

— Когда вы играете, вы просто перевоплощаетесь, но не обманываете себя. И тогда вы тоже открыты. Вы должны с ним договориться. Потому что и он, без сомнения, любит вас. Между вами могли возникнуть разногласия. Я еще раз хочу напомнить: мы бедняки.

— Благодарю вас. За вашу тактичность, за ваши слова. Однако, несмотря на то что я маленькая беззащитная женщина, это впечатление обманчиво. Вы должны подумать о том, что я все же свободна в своих поступках, и дать мне возможность все решить самой.

Мы вернулись на станцию. Состав готовили к отправке. Ремзие все еще сжимала руками голову.

— Что, даже на воздухе немного не полегчало?

— Нет!

— Все это от волнения перед предстоящим скверным приключением.

— Да вы просто хотели от меня избавиться! И не говорите, что это не так!

— Повторяю еще раз. Такая жизнь не для вас. И в этом есть доля моей вины. Со временем я стал понимать, что вы настоящая актриса. Я снова ошибся. Даже тогда сомневался, ты помнишь!..

— Почему вы мне не предложили?

— Ты бы отказалась!

— Откуда знаете? Может быть, принимая решение, плакала бы, как ходжа. У меня жизнь еще так и не началась!

Я засмеялся.

— Не говори так, — произнес я. — Ты еще совсем ребенок. Я тебя по-настоящему открыл для себя на сцене. И мне стало тебя очень жаль.

— Убежать от всего и избавиться. Ах, как хорошо больше не возвращаться в места, которые покинул. Не ступать на один и тот же след дважды.

Я заметил, как она мечется, словно хочет броситься в море этой темной ночью.

— Да ладно вам, — наконец произнесла она. — Я не способнее других. Может, есть небольшой талант. Да и только.

— На сцене вы становитесь другим человеком! Как бабочка, летящая к свету. Все под ногами горит, рушится, тает.

— Нет, нет! Я уверена, что смогу продолжить это приключение. Разрешите мне остаться с вами.

— Я буду только рад, Ремзие.

— Я тоже буду очень рада, — вдруг сказала она.

Значит, для нее сменить намеченный путь было настолько легко.

Немного погодя к нам подошли Ходжа и Макбуле.

— Хотел Ремзие обмануть, — начал я. — Хотел заставить ее вернуться, но не получилось. Вы бы разок ей объяснили, что ли!

— Мне кажется, что в настоящий момент она нуждается в нас.

— Я остаюсь с вами! — воскликнула она и по непонятной причине обняла ходжу. Самое странное, что оба заплакали.

— Послушай, дочка. Ты просто оригинал. Иди ко мне, я, как смогу, тебя успокою: может, по-мужски, по-отцовски, а может, и как дед. Как хочешь на это можешь смотреть!

Ремзие не слушала и продолжала его обнимать. Потом, оставив ходжу, бросилась на шею Макбуле. И словно долгие годы прожившие в разлуке люди, они обнимались и плакали.

Все вместе мы вернулись на станцию. Немного погодя прибыл поезд на Стамбул. Мы проводили его возгласами: «Брату привет!»

Приближалось утро. Идти нам было некуда. На станции мы нашли Дядьку с девочкой Макбуле. Они спали, прижавшись друг к другу. Ничего не объяснив, мы забрали их с собой.

— Повезло ей, — сказал он. — У нее такая большая семья.

В сумерках несколько человек спросили у станционного смотрителя:

— Кто это такие?

— Актеры.

Хафиз Нури рассказывал нам о Ыгдыре*. И мы решили обязательно начать оттуда. В первые часы рассвета Пучеглазый собрал нас всех и посадил в грузовик, направлявшийся в Ыдгыр. Макбуле села рядом с шофером. Мы разместились на ящиках в кузове. Горбун со своими короткими ногами никак не мог нормально устроиться. Все съезжал с ящика. Газали, который так еще не оправился от полученной взбучки, лежал между ящиков. Горбун постелил между ящиками циновку и смастерил для него что-то вроде постели. А сам сел у Газали в изголовье и положил его голову себе на колени. Увидев это, Ремзие чуть ли не силой склонила голову Дядьки себе на грудь.

Мы были похожи на детей, спешащих на Хыдреллез**. И дороги тоже напоминали об этом празднике. Мы проезжали между небольшими пригорками и речушками, похожими на поля Чамлыджи***. Отныне кроме карты Азми у нас больше ничего не было — не приходов, ни расходов, ни начальников, ни службы!

Мы стали кочующей компанией. И чтобы не быть совсем беспризорными, они опять признали меня своим лидером. Отныне я был шефом компании. Что я говорил, то все и делали.

---

* Ыгдыр — самый восточный административный центр Турции. Граничит с Арменией.

** Хыдреллез — праздник первого дня лета, соответствует русскому празднику Егорьева дня.

*** Чамлыджа — расположена на Азиатской стороне Стамбула, относится к микрорайону Юскюдар. Одна из самых зеленых и холмистых местностей.

Теперь я стал понимать авторитет Хафиза Нури в его трупке. Хотя между нами и возникали иногда мелкие разногласия и размолвки, однако эти размолвки были внутрисемейными. Временами мы злословили друг о друге. Ссорились. Иногда зло шутили. Но никто друг друга не стеснялся и ни на кого не сердился.

Я стал для них чуть ли не святым, чьи решения не обсуждались, лекарствами от всех болезней.

Иногда грузовик останавливался, тогда наши, собрав все возможные цветы и травы, украшали ими меня.

В кузове грузовика был кожаный тент. Ходжа предложил мне, по его мнению, самое лучшее место, находящееся под этим тентом, сразу позади кабины водителя. Однако когда я отказался, он сам расположился там. Но у этого уютного местечка была одна смешная особенность: когда грузовик подпрыгивал на ухабах, ходжа ударялся головой о железные перекладыны. Когда это произошло в первый раз, вместе с ним вскрикнули все. Но потом, что бы ходжа ни делал, он никак не мог избавиться от этого, и при каждом подпрыгивании грузовика его голову, как магнитом, тянуло к этим железным перекладам.

— Ну что ты скажешь! Что у меня в голове магнит, что ли? — выкрикивал он после каждого раза.

В конце концов он сел на пол кузова, поджав ноги под себя. Однако на этот раз стал раскачиваться из стороны в сторону.

— О, мой копчик! — восклицал теперь ходжа, и все умирали от смеха.

Макбуле, услышав смех, стала проситься из кабины:

— Сил моих больше нет, ребята, возьмите меня к себе!

Шум дошел до такой степени, что Газали поднял голову и, несмотря на свою воспитанность, стал поддевать Пучеглазого.

Пучеглазый, не вынеся того, что и Газали над ним надсмехается, сказал:

— Слушайте, каждый пусть на себя посмотрит.

— Не трогайте вы его, — вдруг произнес ходжа, — после всех перенесенных сегодня испытаний.

Несмотря на то что ходжа провел сегодняшнюю ночь на голых досках, он выглядел помолодевшим. И принялся опять паясничать.

Больше всего мне нравилось настроение Азми. Он стал таким общительным, открытым, в общем, моим прежним Азми. Я не мог оторвать от него глаз.

— Лечение голодом, наверное, пойдет нам на пользу. Как тем, кто ездит поправлять здоровье в Виши, — сказал он, заметив мой пристальный взгляд.

Что касается Ремзие: несмотря на то, что это заключение больше всех должно было казаться ей странным, она держалась необычайно стойко. Словно всю жизнь готовила себя к такой жизни. Она то играла с детьми, то, прищурив глаз, пыталась выведать, прячет ли Хаккы между пальцев карты, то умоляющим голосом просила:

— Ну что тебе стоит, Расскажи мне тоже. Как ты это делаешь?

Экономом нашей компании стал опять Пучеглазый. Это он нашел и договорился насчет грузовика. Собрав у нас деньги, расплатился с шофером и купил недорогие продукты в дорогу. Среди нас он больше всех задумывался об экономии и применял на практике свои знания. Его характер совершенно не изменился. Он собирал оставшиеся крошки хлеба после еды и складывал их в баночки и коробочки. Ребята, когда им в руки попадали эти баночки и коробочки, съеда-

ли все, что в них было. А потом набирали листья и траву и складывали туда.

Весь шум и скандалы обычно происходили из-за него. Пучеглазый беззвучно бесился, но не оставлял своего поста. В то же время он был ходячей аптечкой нашей компании. Для простудившихся — аспирин, для поранившихся — вата и бинт всегда были при нем. Его маленький банк опять принялся за работу. Тому, кто нуждался в деньгах, он давал в долг. Однако при этом оставлял себе в залог кольца, серьги, карманные часы. После какой-либо выполненной работы возвращал их хозяевам за вычетом своей доли.

Иногда у него хотели силой отнять деньги. Однако все это делалось не из-за обиды на него, а от голода. Но найти, куда он прятал их и взятые в залог вещи, было практически невозможно. Поищут, поищут — и, не найдя, обращаются за содействием к Хакки.

— Ты знаешь, как надо прятать, помоги! — говорили они ему.

— Клянусь Аллахом, настоящий фокусник не я, а он! Я рядом с ним никто.

Пучеглазый, когда дело касалось денег, и вправду мог так их запрятать, что не в жизнь не найдешь. А иногда деньги совсем неожиданно появлялись из-под доски одной из декораций.

Один раз его схватили и стали обыскивать. Вот тогда я удивился учтивости Азми. Несмотря на то что он был силен, как бык, и мог в два счета с ним справиться, он, чтобы не помять этого старого, благовоспитанного человека, взирал на все это со стороны. Все, включая и Горбуна, собрались вокруг Пучеглазого и стали его трясти. Когда они его обыскивали, ходжа не выдержал и сказал:

— Мне тоже что-то спрятать, что ли? Чтобы и меня вот так же обыскали! — Но в конце концов он произнес: — Оставьте его, ребята. Вы все равно ничего этим не добьетесь. А я найду!

Он намекнул, показывая в неприличное место. Женщины не поняли.

— Ради Аллаха, скажите где, — умоляла Ремзие. — Я найду, только скажите!

На этот раз ходжа стал смеяться над ней.

— Голубка ты моя, это находится в таком месте, где ты не сможешь найти!

Она клялась, как школьница, что справится. В конце концов Макбуле, притянув ее за ухо, положила ее голову к себе на колени.

— Бесстыжий ходжа говорит глупости, — сказала она. — Он намекает на неприличное место.

Ремзие вскрикнула и, посмотрев в сторону ходжи, надула губки и спрятала лицо в коленях Макбуле. Красота этого движения меня настолько поразила! Должно быть, искусство — это что-то не от этого мира.

Ходжа пошел еще дальше: он предложил Хаккы стянуть с Пучеглазого штаны.

— Не надо этого делать, — ответил Хаккы, проявив неожиданную учтивость.

— Вот сорванец, решил преподать мне урок морали, — подойдя ко мне, шепотом сказал ходжа. Потом продолжил, опять же шепотом: — Ой, как стыдно стало, а еще учитель. Самым бесстыжим я оказался!

Мы долго ехали по степям и потом сделали привал в сельской кофейне, стоящей у дороги возле колодца. Вместо крыши у нее был навес из циновки. Хотя села не было видно, вокруг нас стали вертеться полуголые ребятишки.

Пока мы все вместе ели, дети рассматривали Горбуна. Он вытащил из кармана маску, надел ее и немно-

го попугал. Потом Хаккы угостил их оставшейся едой — несколькими яйцами и сливами. Однако он отдал их не сразу. А подзывал, кудахча, как курица, и вытаскивал из носа мальчишки, одетого в один халат без трусов, зато с колпаком на голове, яйца и сливы и раздавал стоящим рядом детям.

Дети застыли на месте. Они были поражены.

— Доброго тебе здоровья, Хаккы, — сказал ходжа. — Весь наш страх как ветром сдуло. Если будет совсем туго, ты и нам снесешь пару яиц!

Потом мы опять пустились в дорогу. Пучеглазый словно на сидел на коленях и смотрел по сторонам. Мы держали головы спящих, чтобы они не ударялись от постоянной тряски. Ходжа спасался от этого по-другому: он сел между Мелек и Масуме.

— Девочки, вы тоже держите мне голову, — приказал он и, делая вид, что спит, от души развлекался.

Однажды он и вправду заснул, и его рука, упав с колен, опустилась на спину Горбуна.

Мы ехали по огромным степям. Иногда до нас доносились песни. А когда грузовик останавливался из-за какой-нибудь неполадки, мы прогуливались.

Вдруг среди всей этой пустыни мы увидели остров. Словно затерянный в море, совершенно зеленый остров. Мы вспомнили, что уже долгое время не видели зелени.

Шофер сказал, что его грузовик нуждается в основном ремонте. Плюс ко всему он должен был доставить в какое-то село несколько ящиков.

Мы вошли в море зелени. Воздух был наполнен прохладой и влажностью, исходящей от травы.

Мы опять попали в степную кофейню. Местные мужчины и женщины разглядывали нас.

— Остановимся здесь, — сказал шофер. — Ремонт может и до завтра затянуться.

Мы застряли в горах, как Робинзон Крузо на острове. Эта местность мне напомнила место для гуляний в Чамлыдже, где показывались представления Хамди. Некоторые из товарищей подошли ко мне.

— Патрон, мы сегодня выступаем!

— О чем вы говорите? Где?

— Будет ставить орта-оюну, — объяснил Хаккы. — У меня и к этому есть талант.

Сразу взялись за подготовку. И вот тогда я увидел, какое сокровище этот наш Хаккы. Из одного ящика в грузовике он смастерил прилавок. Закончив гримировать Горбуна, дал ему в руки бубенчики.

— Дядька, подойди! — подозвал он.

Надел на него халат, а лицо прикрыл чадрой. Хотя араб и сам по себе вызывал интерес. И вот в таком виде их отправили по селам.

Самое странное, что желающих посмотреть наше представление оказалось довольно много. За оградой собралась куча народу.

Пучеглазый в роли Пишекяра, Ходжа — Кавуклу. Самое прекрасное то, что в роли Зенне выступили настоящие женщины.

— А я что буду делать? — в волнении спросила Ремзие, с надеждой глядя мне в глаза.

— Для тебя ничего нет, — ответил я с болью в сердце.

Так же, как и той ночью, когда я хотел ее отправить домой, она загрустила. Но от представления ни в какую не хотела отказываться.

— Если так, надень чадру и смешайся с актерами, — сказал я.

Из-за того, что Ремзие не знала орта-оюну, она не осмелилась выйти на сцену. Однако чего только не делала, какие только взгляды не бросала, чтобы завлечь побольше людей на наше представление.

— О Аллаx, вроде тихоня, а вон что задумала! — говорили о ней наши.

А я считал: настоящий артист поступает именно так. Я просто восхищался ею.

Мы все участвовали в этой импровизации, на ходу придумывая разные истории. Даже приспособили зурну и пели под нее песни.

От этих мест мы пока были в восторге. Реальность превзошла все наши ожидания.

Кроме того, произошла еще одна приятная неожиданность. В селе по случаю обрезания проводилось празднование. Это было дарована нам небесами. С нашими фокусами, сазом, речами — разве мог быть кто-то лучше нас?

Мы все вместе играли в заранее придуманных сюжетах. Даже пьесу «Восьмой» переделали под ортаюну и назвали «Восьмиженец».

Одного из мужей играл Арап. Потом по очереди присоединились все.

— Оставайтесь еще! — просили нас местные.

В этой зелени, окруженной со всех сторон пустыней, мы пробыли еще пару дней. И вот однажды утром уже на другом грузовике отправились в Ыгдыр.

Наш путь лежал в сторону дач Эренкёя и Агры.

Глава двадцать седьмая

В Агры удача также сопутствовала нам. Военные, приехавшие на маневры в горы, находились еще там. Плюс ко всему в этих местах было много переселенцев из Болгарии. Только место для ночлега оказалось странным. Погода выдалась прохладной. У нас на руках не было никаких подготовленных пьес. И вот под музыку Кавказа, в современных костюмах мы поставили «Родину, или Сигнальный горн».

Ремзие на сцене быстренько смастерила дом. После этого мы сыграли «Мешхеди Ибат». Пропели все новые песни, из Араба сделали невесту. Как только мы над ним не потешались!

После развалин в горах наш путь лежал через долину по магистрали, где ездят машины.

Наша компания отправляла в места, о которых мы абсолютно ничего не знали, своих разведчиков — Хакки и Горбуна. Они подсчитывали, где и что могло получиться. Потом новости поступали в наш военный штаб, где составлялись планы и вырабатывалась стратегия.

Вхождение в поселение всегда было одно и то же. Иногда мы писали и расклеивали рекламные объявления. Там, где объявления помочь не могли, почву готовили сами. Настоящие пьесы разыгрывались в начале. Из сумок доставались наряды: Ходжа и Пучеглазый надевали длинные плащи, а Дюрдане и Макбуле —

пубы. Войдя в образ господ, они появлялись на улицах.

Другие бродячие трупы, которые мы встречали по дороге, иногда нам говорили: «Не ходите туда!» Начальник уезда очень черствый человек и не пускает артистов в город. Музыка, саз — слышать об этом не желает. Основательно сдвинулся. Никто с ним связываться не хочет. Уезд — это его маленькая республика. Начальника уезда, в прошлом дервиша, все поддерживали, так как он благоволил знати, а знать оказывала давление на народ. Он отдавал свою дань революции. В уезде имелась своя партия, дом культуры, Кызылай и даже общество защиты детей. Все это было, как пить дать, для собрания податей.

После того как мы на грузовике заехали на маленький базар, мы решили отправиться к начальнику уезда. Мы организовали комиссию из четырех мужчин, которая должна была засвидетельствовать ему наше почтение.

У дверей толпилось несколько человек.

— Пусть войдут, — сказали нам, и мы очутились в приемной. Возле начальника уезда находился местный доктор. Однако с первого взгляда было件нятно, что он один из них. Это был член секты суннитов Мелями*. У него оказалась парализована рука.

Когда мы вошли, они переглянулись, словно спрашивая друг у друга: «Это что еще за театралы такие?»

Самая важная роль была отведена ходже. Он в плаще Пер Дюваля вышел вперед и, понимая, что ему не предложат сесть, продолжал стоять. Рядом с ним — Пучеглазый.

---

* Мелями — дервишская секта суннитов, проповедующая образ жизни киника и несоблюдение обычных религиозных ритуалов.

— Господа, мы не могли проехать мимо, не засвидетельствовав своего почтения вашему министерству и лично вам! — громко произнёс Пучеглазый. — Мы гости вашего города.

— То есть вы театралы.

На этот раз слово взял ходжа.

— Мы расцениваем театр как одно из средств воспитания!

Услышав это, суннит-доктор не выдержал.

— Э-э-э, господин начальник, пригласи господ. Пусть выпьют по чашечке кофе!

Самое правильное, что мы могли сделать в эту минуту — встать и уйти. Однако как раз в это время ходжа начал свою речь о театре. Он стал говорить о посещающих этот город труппах, об их беспутстве, о полуголых женщинах.

— Видите ли, почтеннейшие, вы знаете, даже глубокочтимый пророк (то есть Газали*), — ходжа, чуть слышно прочистив горло, продолжал. — Как наш глубокоуважаемый пророк любил театр. Как он, однажды вечером, взяв с собой святую Айше, пожаловал на представление.

— Сказание помнишь? — спросил начальник уезда.

И тогда наш Газали громовым голосом прочитал ему одно из самых красивейших сказаний.

---

* Газали, Абу-Хамид Мухаммад ибн-Махаммад аль-Газали (1058–1111) — исламский богослов и философ персидского происхождения, из персидской провинции Хоросан. Один из наиболее авторитетных учителей, входит в число основателей суфизма.

Глава двадцать восьмая

Мы опять пустились в путь. Как только наш грузовик обогнул поворот, перед нашим взором открылся превосходный пейзаж. В долине бежала речушка, а от нее по ровной поверхности расходились в разные стороны притоки. Между плотинами куча детей. Они бегали по воде и играли.

— Это село, — сказал водитель.

По краю дороги показались первые дома, переливающиеся всеми цветами радуги, как птичьи крылья в камышах. Эта местность была насквозь пронизана солнечным светом. Однако, подъехав поближе, нашему взору предстали неприглядные лачуги и пещеры. Почти голые ребятишки ловили в запруде рыбу. Увидев нас, они окружили нашу группу со всех сторон. Пучеглазый стал почти за бесценок скупать у них рыбу. Он подумывал ее засолить или же нажарить впрок.

— Мы задержимся в Аграх. Поэтому, если сможем что-то увести с собой, будет хорошо, — объяснил он и стал советоваться с Хаккы.

Мы разбили лагерь и стали искать хворост или хоть какие-нибудь ветки, чтобы разжечь костер. Но, как назло, ничего не было. Когда вода отступила, оказалось, что животные объели все: и тростники, и камыши — не оставив ничего.

Мы выкопали яму в земле и, набрав какой-то мусор, развели костер и стали жарить рыбу.

Мы походили на средневековых людей. Потом мы достали музыкальные инструменты. Спешить было некуда. Ходжа набесился вдоволь. Потом, закатав штаны до колен, мы все вместе ловили рыбу.

Было так хорошо, что даже я на какое-то время забыл о тревогах. «Кажется, пока мы избавились от ужасов ночи», — подумал я.

* * *

Наконец после всех испытаний, встреченных на нашем пути, мы оказались на самом верху крепости Ван. Этот вечер был самым комфортным и приятным. Мы сидели на краю открывающегося перед нами, словно пропасть, водяного хранилища, свесив ноги. И сквозь расщелину в крепостной стене смотрели на озеро и на закат.

Как только мы прибыли в этот город, мы поселились в отеле, который принадлежал одному человеку из Румелии* и был в это время почти пустым. Целый день мы валялись в постелях, купались и отдыхали.

И этим вечером мы тоже были свободны. Мы бродили без дела по краю плотины. Азми сказал, что хочет подняться к крепости.

— В другой раз, — сказали мы ему.

Однако, не выдержав, пошли следом за ним.

Даже ходжа, у которого пропал голос, наскоро сделав компресс на спину, тоже отправился на эту прогулку в горы.

---

* Румелия — историческое название Балкан. Первоначально Румелией называли Европейские владения Османской империи, включающие в себя древнюю Фракию и часть Македонии.

— В горы поднимаешься, — говорила ему Макбуле. — Хорошенечко пропотеешь, до завтра все как рукой снимет!

Это было ее лучшее лекарство. Она всегда так делала, когда садился голос.

Спина ходжи горела огнем. Терпение его лопнуло.

— Убила ты меня, сожгла всю шкуру! Поговорю я с тобой в горах. Быстро сними это с моей спины! — закричал он.

— Это от пота, если сейчас сниму, тогда еще сильнее будет печь! — ответила Макбуле.

Открывающийся перед нами пейзаж заставил меня задуматься.

В тишине на краю плотины сидели люди. Я чертил карту. Вдруг заметил, что среди нас нет Ремзие. Вначале я не придавал этому большого значения, зная ее характер и то, что она предпочитает находиться в дали от людей. Мы очень долго ее звали, но ответа не было. С каждой минутой наша тревога возрастала. Немного ранее я видел, как она впереди всех поднималась в горы. Что могло случиться?

Ребята запаниковали. Мы стали заглядывать во все трещины и провалы. Конечно же, здесь могли быть и другие опасные места.

Ходжа сразу подумал о другом.

— Не знаю. В горах находимся. Бандюги схватят, как куропатку, за ноги.

Через некоторое время Ремзие спустилась с вершины горы. Оказалось, что она поднялась на самую высокую точку, чтобы посмотреть на развалины минарета. Как она смогла найти дорогу и как по ступеням подняться среди скал?

— Девочка, мы подумали, что ты сорвалась, — сказал ходжа. — А мне на ум пришли совершенно другие

мысли. Спаси Аллах, это же вершина горы. Чего только не приключится?!

Среди нас Ремзие была самая серьезная. Однако и она смеялась вместе с нами. Постепенно она начала меняться.

— Что ты там искала? — стал ругать ее Азми. — Почему ты так глупо поступила? Ты что, не подумала о том, что может сорваться какой-нибудь камень?

Ремзие и вправду выглядела напуганной.

Дядька печально сидел в стороне. Его разыграли. Бедняга хотел немного выпить этой ночью, однако в бутылку с раки добавили воду.

Но в этот день мы позабыли о всех невзгодах, которые приключились с нами. Мы походили на группу туристов.

Когда мы той ночью возвращались в отель, я спросил у Ремзие:

— Почему ты пошла на это ребячество?

— Может, из-за одиночества. А может, из-за страха?

— Может, он... — начал я.

На этот раз она не стала ничего отрицать и только ответила:

— Может. Может, решила от всего убежать и скрыться.

— У меня совершенно другие проблемы. Все жалуются на что-то, а я... Мне кажется, что должно произойти что-то хорошее. Я ведь настолько беден.

Я до этого ни с кем так долго не говорил, и мне даже стало за себя стыдно.

— Этот малыш! Все мои мысли только о нем! — добавил я.

Вокруг нас прогуливалось несколько человек. Наши друзья разошлись по своим делам. Я посмотрел по сторонам: пустые глазницы окон, свидетельствующие, что в этих развалинах когда-то очень давно жили люди.

Все, словно на кладбище, выглядело бесцветным, забытым. Блуждающий в этих развалинах человек как будто попадал в другую, прошлую жизнь.

Однако отстроенный заново город жил совсем другой жизнью. В городе было четыре театра. Да, целых четыре театра! А один из них, где мы должны были выступать, находился на берегу озера.

Подкрепившись, мы все вместе прошлись по этим театрам. В одном из них находилась почти распавшаяся труппа, которая в скором времени должна была его покинуть. В другом — труппа из Битлиса*. Причем, весьма оригинальная труппа. Такой мы еще не встречали. Они занимались импровизацией. На Битлисском диалекте они ставили довольно серьезные произведения, произносили высокопарные монологи. Получалось что-то вроде труппы из Азербайджана, говорившей на турецком языке.

Труппа показывала пародии. Самой смешной из них была пародия на стамбульский диалект. Как мы смеялись и пародировали диалект Кайсери** и жителей Черноморского побережья, так они смеялись над нашим стамбульским произношением.

Второй театр представлял собой варьете. Там даже танцевали обнаженными. Это требовало особой отваги. Ведь в костюмах, под ярким светом, с музыкой пропадало все уродство. Поэтому, когда женщины танцевали, выставляя все свои прелести напоказ, собиралось больше народу, чем на знаменитый танец живота.

---

* Битлис — административный центр в Восточной Анатолии, на западе озера Ван.

** Кайсери — административный центр в Центральной Анатолии.

Дирижером оркестра был седоволосый, низкорослый араб. Сам он играл на трубе. В свое время он окончил военное музыкальное училище. А теперь еще и подрабатывал учителем музыки в местной средней школе. Управлял он своим оркестром очень оживленно и весело.

— Да, здесь у нас будет работа. Останемся, — говорили ребята. — Наверное, сможем изрядно обновить свой гардероб!

Время шло. Уже давно подошла пора отправляться в южные провинции. Но мы могли себе позволить задержаться здесь на пять-десять дней.

На следующий день мы отправились к губернатору в таком составе: я, Макбуле и Пучеглазый. Эта традиция сохранилась еще со времен господина Сервета и всегда приносила нам удачу. Мы продолжали пользоваться его именем, благодаря чему в каком бы уезде мы ни находились, губернаторы всегда вызывали нас первыми.

Этот губернатор оказался самым крепким орешком. Однако в тот день мы так его и не увидели. Потому что губернатор, его главный инспектор и высшие партийные чиновники уехали в командировку.

Выйдя оттуда, Пучеглазый стал говорить со мной, словно с губернатором.

— Ваше превосходительство знает, что такой шанс дается только раз и мы должны им пользоваться. — И, немного подумав, добавил:

— Мы должны опять поступить так, как делал господин Сервет. И в тот день, когда они вернуться из командировки, им что-нибудь показать.

На том и порешили. Сразу приготовили мизансцену. Опять достали одежду из гардероба и организовали группу встречающих. Среди нас не было только Азми.

— На этот раз без меня! — отказался он.

На встрече Макбуле попалась на глаза одному молодому депутату. Однако потом его взгляд задержался на Масуме с Мелек.

Один из членов другой труппы, принимавшей участие в этом мероприятии, тихонько прошептал мне на ухо:

— Даст Аллах, увидим, на что вы способны!

Однако тем же вечером именно нас вызвали к губернатору. Он встретил нас лучше, чем ожидали. Он предоставил нам полную свободу действий и даже предложил транспорт. Сам лично проводил нас до дверей, долго прощался и давал советы.

Несмотря на это, за все время, проведенное в этом городе, мы не смогли ничего заработать. Через неделю слабые от голода, в полной нищете, мы бежали оттуда.

В маленьком городе, где мы нашли себе приют, нас застали холода. Мы хотели отправиться в путь, несмотря на погоду, однако местные жители нам сказали:

— Замерзнете где-нибудь. Дорога не из легких.

Послушав их, мы решили переждать. На этот раз еще больше замело, и мы оказались отрезаны от внешнего мира.

Глава двадцать девятая

Наконец с большими трудностями мы добрались до маленького уезда.

Начальника уезда мы встретили по дороге. Это был молодой человек, только недавно окончивший школу. К театру он не питал особых чувств. Постоянно старался держаться от нас в стороне. Однако его внимание привлекли играющие с ягнятами Масуме и Мелек. Потом он был сражен прекрасными манерами Макбуле, и, наконец, когда ходжа показал ему фотографии труппы, — он окончательно сдался.

— Ах, если бы у нас было достойное вашей труппы здание, — произнес он.

— Театр и на траве можно организовать! — ответил ему Азми.

Грузовик был готов и в любой момент мог уехать без нас. Мы вспомнили ночь в Хасанкале. И тогда Пучеглазый показал себя.

— Ну, все, больше бесплатно не работаем, — сказал он. — Что сможем, то и соберем с этих раскиданных по приграничной зоне мест. Будем ставить орта-оюну.

Мы рассмеялись.

— А разве «Румяная девушка» не подойдет? Что может быть лучше этого?

— Только нам зурна нужна!.. — произнес Пучеглазый.

— Найдем, — пообещали ему.

У Пучеглазого оказались неплохие организаторские способности. Он сразу сориентировался в сложившейся ситуации и из больших листов бумаги сделал огромный плакат, на котором большими буквами написал: «Румяная девушка. Варьете и т.п.»

Самое интересное то, что сверху над этими буквами он приписал: «Новый театр».

Когда мы спросили, к чему все это, он стал говорить о юридической ответственности:

— Раз уж за деньги, то мы должны все делать официально. Пока не напишем заявление и не получим новое название, мы вынуждены пользоваться этим.

— Честное слово, Пучеглазый, ты поражаешь меня своей ученостью, — сказал ходжа. — Что за самородок этот тип!

В этих разбросанных по горам селениях, объявление казалось чем-то экзотическим. Потом мы нашли для Хакки колокольчик. Горбун должен был, натянув на себя маску, идти впереди Хакки. Предполагалось, что они должны будут останавливаться в более людных местах, показывая все, на что способны, и зазывать публику.

Узнав о том, что они отправятся по деревням, Ремзие подошла ко мне.

— Я тоже пойду с ними, — сказала она.

— Какая в этом необходимость, Ремзие?

— Раз уж зазывать. Раз уж правило.

— Разве это правило существует для вас?

— А мы что, не вместе? Разве не сама взвалила на себя эту ношу? Разве не давала вам слова?

В ее словах слышался вызов.

— А вам не будет тяжело и стыдно ходить по этим узким деревенским улицам и кричать вместе с ними?.. Я знаю, что неправильно два раза подряд говорить одно и то же, однако вы мне не оставляете выбора.

— Может, и тяжело. Но в моей жизни были моменты и потяжелей. Я была вынуждена делать и не такое. Я так низко пала, что для того, чтобы возвыситься хоть на чуть-чуть, мне надо сделать это.

Ее протест напоминал мне поведение Азми.

Испытывая неловкость, я продолжал ее уговаривать, однако она, прервав меня, сказала совсем не понравившимся мне тоном:

— Жизнь — это лихачество.

На долину опускался вечер. Разноцветные блики заходили волнами по комнате.

— Давай, Дядька, и ты сходи с ними, — приказал Пучеглазый.

— Господин Нури, что вы хотите от старого человека? — вступилась за Дядьку Макбуле.

— Мы же не можем отправить с ними Ремзию, драгоценная ты моя! Потом ехидно добавил: — В этих местах араб в диковинку. Это требует грима. А наш настоящий.

Наша группа зазывал тронулась в путь. Я услышал, как Горбун выкрикивал: «Новый театр!..»

— Ах, жаль, что господин Сервет это не слышит, — сказал я.

— Да, ты прав, это лучше того, что он вынужден выслушивать сейчас, — ответил ходжа.

— Ничего! — засмеялся Азми.

В этом «ничего» было много скрытого смысла.

— Газали, детка. Так дело не пойдет, ты должен немного прогуляться, — сказал Пучеглазый. — Давай и ты иди с ними. Походи, посмотри. Ты же у нас любопытный! Немного придешь в себя. Надень синий пиджак. На улице холодно, замерзнешь!.. — Отправив Газали, он, повернувшись в нашу сторону, с той же серьезностью продолжил: — Он сам по себе интересный тип, пусть посмотрит, себя покажет.

Может, решат, что нас больше, чем есть на самом деле.

— Ах ты, зверь! — не сдержался ходжа.

В этот момент мы услышали грубый голос Дюрдане.

— Ой, девочки.

И увидели, что они прогуливаются по улице.

— У вас что, больше дел нет, кроме как шататься по улице? — возмущился ходжа. — Схватят и увезут в неизвестном направлении!

— Если я актриса, что мне, теперь сидеть взаперти? — спросила Дюрдане.

— Ах, драгоценная ты моя!.. — с издевкой произнес ходжа.

Нам всем необходимо выспаться, однако Пучеглазый спросил у начальника уезда:

— А что, мы совсем не увидим вашего поселка?

— Давайте я сейчас вам все покажу!.. — с готовностью ответил он.

Мы вышли вместе с ним и двинулись по улицам заполненным любопытными, услышавшими звук зурны людьми, Макбуле шла впереди, ходжа — за ней.

Когда мы вернулись, Макбуле набросилась на Пучеглазого.

— Ах ты, базарный гад! Посмотрите на него, и нас тоже провел! Как Дядьку и Газали. Я только сейчас все понял. Он и начальника уезда с нами сплавил. Шли, как идиоты, за зурной!

— Вынужденная мера! — ответил он, смеясь.

— Чиновник, что с него взять, — злился ходжа. — Он не бессовестный, он самый бессовестный!..

В тот вечер мы показали «Румяную девушку» еще раз. Опять с пьесой вперемежку было варьете.

На третью ночь, мы поставили еще более непредсказуемые вещи. Под открытым небом нам захоте-

лось показать смесь импровизации с комедией дель арте*.

— В этих местах, если выйти на сцену и объявить «Девушка из Измира» — или тебя хорошенько избыют, или же деньги попросят обратно, — сказал Пучеглазый.

Чего только мы не добавили в эту простенькую историю.

В этих затерянных в приграничной зоне поселениях мы играли при полном аншлаге и собрали больше денег, чем даже могли предположить. Пучеглазый, посадив рядом с собой Доктора, подсчитал выручку, побоявшись, что, если он попросит Хакку помочь, тот запросто сможет кое-что прикарманить.

---

* Комедия дель арте, или комедия масок — вид итальянского народного (площадного) театра, спектакли которого создавались методом импровизации, на основе сценария, содержащего краткую сюжетную схему представления, с участием актеров, одетых в маски. (Примеч. ред.)

Глава тридцатая

Кагызман, Ыгдыр, Восточный Беязыт. Мы побывали везде. На данный момент мы были бродячей компанией, и куда хотели, туда и шли. Кроме карты у Азми в руках, у нас больше не было никакого путеводаителя.

«Новый театр» уже вошел в историю. Мы стали настоящими бродячими артистами. Иногда останавливаясь только на ночлег, мы задерживались в этих городах на недели. Думать о завтрашнем дне было не в наших правилах. Что ни говори, а завтра само все решит за нас.

— Мне кажется, что наше возвращение из Египта все еще продолжается, — иногда говорил Азми.

Однако тогда это было полное надежд возвращение. Между тем и этим возвращением лежала пропасть. У всех было такое же лихорадочное состояние. Всем хотелось убежать и скрыться.

Люди, которых «Новый театр» считал изгоями, являлись теперь нашими лидерами. Хаккы стал нашим божьим посланником. Там, где мы не могли ничего заработать, он собирал деньги фокусами и кормил нас всех. Нам не было стыдно за это, потому что в семье все общее. Наши узы были крепче любых родственных уз. Куда бы мы ни пошли, сразу приспособливались к обстановке.

И Пучеглазый оказался человеком, которого надо было еще поискать.

Конец лета затягивался. Или, быть может, нам так казалось. Мы порхали, как бабочки, туда-сюда, с цветка на цветок. Потом появились первые признаки зимы. Похолодало. Как-то в начале января мы оказались в одном постоялом дворе, где жгли, чтобы согреться, хворост и даже кизяк*.

Хафиз Нури говорил нам, что здесь артисту всегда есть работа. Мы, как кочевники, показывали, кто на что горазд. Самыми востребованными талантами были Хаккы и Горбун. Только по мановению руки Пучеглазого они сразу принимались за работу.

— Сидим у бедняги на шее! — говорил ходжа.

Пучеглазый всегда, как командир, сначала обнюхивал обстановку. У него была интуиция настоящего охотника.

— Вы не беспокойтесь, — успокаивал он нас. — Кто-то из ребят обязательно заработает. Даже если хотите, можете не ходить с ними.

Везде, где бы мы ни были, всегда находился барак, кофейня; и, что самое странное, иногда попадались небольшие сцены. Хаккы занимался фокусами, Горбун смешил народ. Ходжа импровизировал. Иногда репертуар зависел от места, куда мы попадали. Порой мы даже возвышались до показа пьес из репертуара «Нового театра».

* * *

Другой пример этому я увидел в большом городе, где стоял большой гарнизон. Этот город был центром

---

* Кизяк — высушенный в форме кирпичей навоз с примесью соломы, служащий топливом на юге, иногда употреблявшийся и для построек. (Примеч. ред.).

одной старой и обедневшей провинции. По одной стороне только недавно залитой асфальтом дороги стояли покосившиеся от старости лачуги, а по другой — новые дома, несколько магазинов и паланкинов.

— Аллах, Аллах, — причитал ходжа после того, как рассмотрел у одного из магазинов открытки с видами. — На одних были развалины, на других — виды нового города.

Как раз в это время солдаты возвращались с маневров. Улицы города выглядели празднично. Туда-сюда сновали автомобили. В паланкине, расположенном в большом саду напротив, играл военный оркестр, из распахнутых настежь окон жизнь была ключом. Со всех сторон только о прошедших маневрах и говорили. Кроме того, в этот день еще должны были заложить первый камень в фундамент под строительство нового здания муниципалитета. На церемонию были приглашены депутаты. Поставили палатки. Шли приготовления к вечернему банкету.

Мы возвращались усталые из небольшого уезда. Там мы смогли насобирать некоторый капитал. Когда мы вошли в театр одного владельца казино, мы валились с ног от усталости. Из-за того, что в отеле не было других мест, нам отвели место под самой крышей. А некоторые из нас должны были даже ночевать в беседках в саду.

Это оказалось оживленное и многолюдное место. Мы должны были бы радоваться. Здесь можно было немного подзаработать. Однако сердце мое сжалось, когда я увидел, как по улице пошли Хакки, Горбун и Дядька, чтобы зазывать народ.

— Мы должны были уносить отсюда ноги, — грустно сказал Азми, после чего сам пропал.

Я посмотрел на друзей. У всех было подавленное состояние. Несмотря на то что нам казалось, что чувство стыда у нас давно пропало, как у цыган в таборе — все же у всех сохранилось чувство собственного достоинства.

— Лучше бы мы не ходили в эту сторону, — злились все на Пучеглазого.

Потеряв интерес спрашивать, что будем дальше делать, мы ощущали только свое унижение и позор. Когда наша процессия зазывал стала подходить ближе к центру, под одним из паланкинов грянул оркестр. И в его громовых звуках наша зурна и голосок Горбуна просто-напросто растворились. Хакки и Дядька выглядели беспомощными и подавленными. Народ, спешащий к звукам музыки, глядя на наших, только презрительно смеялся.

— Бедный Дядька, — произнес ходжа. — Дойти до самой Мекки, а потом испытать такой позор.

Я посмотрел вокруг. Почему-то почти все жалели именно его. Одна только Ремзие смеялась. Однако когда немного позже он подошел к нам, я краем глаза увидел, как она его целовала и успокаивала.

Несмотря на все это, и у нас зажглись фонари, и к нам тоже пришли зрители. Среди них было и несколько солдат.

Газали нарядился в рубашку с рюшками и спел несколько шуточных песен. Постепенно задние ряды стали заполняться. Это были мелкие чиновники, которые не смогли попасть на торжество для высшего общества, и молодые учителя средних школ. Я сидел на улице и думал о том, как на самом деле бедно и убого мы выглядим.

— Посмотрите на эту нищету, — сказал один из зрителей, к которому обращались «господин директор». — И вот мы вынуждены смотреть на такое убожество.

Это был полный провал. Газали, Доктор, ходжа ставили пьесу «Сапожник». Бедняки и детишки, сидящие в первых рядах, выглядели счастливыми и довольными. Однако задние ряды просто в открытую издевались. В какой-то момент это перешло все границы, но тот у дверей произошло какое-то движение, и весь зал сразу встал.

— О Аллах, — сказал подбежавший к нам Пучеглазый. — Такая толпа направляется к нам. Вышедшие с банкета паши, их семьи, губернатор и другие. Вы даже не можете себе представить.

— Добро пожаловать, милости просим, — съязвил Азми.

— Что теперь будет?.. Что будем делать? — спросил Пучеглазый.

— Продолжать, — ответил я. — Что до этого делали, то и будем делать. После банкета идут немного произдеваться. Произдеваются и уйдут.

— Послушай, Пучеглазый, ты же знаешь, что я любитель! — воскликнул ходжа. — То есть я все могу. И танец живота станцую, если надо. Но все это я делаю только, чтобы себя веселить. А перед этими шишками я кривляться не буду!

Пучеглазый, привыкший видеть ходжу всегда спокойным, повернулся ко мне и сказал:

— Ну, пожалуйста, только одно слово или жест. Они вас послушают, у меня ведь нет такой власти. Скажите «Румяная девушка», и мы сыграем! А Мелек с Масуме покажут балет.

Макбуле стояла, опершись руками на спинку стула.

— Ты сейчас захочешь, чтобы и я им спела! Ты что, остатки своего ума сегодня за завтраком съел?

— Не надо так, ребята, — произнес Пучеглазый. — С вами просто с ума сойдешь. Опозоримся ведь!

— А они и так идут сюда, чтобы над нами посмеяться, — отрезал Азми.

В это время в дверях появилась Ремзие.

— Кажется, мы будем сегодня что-то ставить. А я буду играть? — спросила она.

— Давай возьмем одну из серьезных пьес нашего репертуара, — сказал ей Пучеглазый, который и не думал отступить от задуманного.

Однако впервые Ремзие набросилась на него:

— Нет, пьеса не пройдет. Какое же это развлечение?!

Этот протест был похож на протест Газали, когда бросали шутки насчет его веры. Тогда он строго проговорил: «Нет, такими вещами шутить нельзя!»

Увидев толпу, у бедняжек, верно, снесло крышу.

Без толчка не получалось. Поэтому я опять, как полевой командир, взял бразды правления в свои руки.

— Мы должны все же поставить пьесу, Ремзие, — сказал я.

— Почему? Как?

— Как сможем. Мы ведь все можем.

— Не знаю, получится ли у меня?

Ремзие начала быстро готовиться. Она радовалась, будто ради меня шла на самопожертвование. За кулисами словно разорвалась бомба.

— Ты не должен был этого делать, Сулейман, — сказал Азми.

Многие из пьес потерялись. Но, с помощью Аллаха, в самую последнюю минуту мы нашли одну из них.

Очень редко наше представление начиналось в такой тяжелой обстановке.

Губернатор, паши и депутаты не удосужились даже присесть и стояли около задних рядов. Бросая обидные шутки, они самым наглым образом издевались

над нами. Что это были за издевки! Иногда они сопровождались взрывами хохота.

Пьеса совсем не шла. Даже бедняга ходжа и тот растерялся. Языки у всех словно онемели. Зрители шумели и не слушали. Однако шишки не собирались покидать своих мест, так как больше нигде было посмеяться. Мы все находились на взводе. Здесь была совершенно другая обстановка: паясничество ходжи, наши танцы и песни их не привлекали. В конце концов, когда они уже собирались уходить, занавес поднялся еще раз и на сцену вышли Масуме и Мелек. Они стали танцевать под звуки зурны, прихватив и одетого в цыганский наряд ходжу. Не знаю, что их заставило так страстно танцевать — собравшаяся в зале толпа или же чувство самопожертвования?

Под полинявшими и изрядно потрепанными платьями проглядывали молодые, стройные женские тела. Они танцевали и, улыбаясь, демонстрировали всю свою женственность. Это было открытие. Голоса стихли. А те, кто направлялся к выходу, вернулись обратно на свои места.

Глава тридцать первая

Постоянные дожди, а за ними и холода привели наше убежище в непригодное для жизни состояние. Глядя на спускавшихся с гор кочевников, мы приняли решение: наша компания пойдет на юг, в солнечные, теплые края. Солнце. Теперь мы видели его только на тарелке с фруктами. Сидя перед картой Азми, мы прочерчивали себе дорогу. Сможем ли мы пройти по этому пути? Никто из нас не знал.

Ходжа между линиями добавлял свои пунктиры:

— Обогнем гору; пойдем по берегу реки.

Мы знали, что даже в самых жалких и нищих деревнях есть люди, ощущающие потребность в смехе и слезах. Для самых нищих деревень у нас были Газали и Хаккы, а для остальных — мы все.

Воображение ходжи уносило его очень далеко, однажды шутки ради он сказал:

— Как искусные наездники купим себе повозку и двух коров. Белье станем стирать в речке! Будет у нас цирк на колесах. И затраты на дорогу окажутся минимальными!

Хотя ходжа и понимал, что это шутка, однако кто знает.

Представив себе это, он улыбался и тяжело вздыхал.

— Подумай только, — говорил он. — С такой скоростью какой большой и бескрайней покажется нам наша страна!

Бедняга уже говорил, открыто забыв о приличии.

— Э-э-э, и девочки есть. И земля станет такой же бескрайней, как море.

Он закрыл свои усталые глаза и опять представил себе эти бескрайние просторы.

Мы стали медленно спускаться. На перекрестках нам иногда встречались люди, но и они оказывались такими же бродячими артистами, как и мы. Чаще всего мы останавливались на постоянных дворах. Это было дешевле, так как мы думали, что в селах не сможем найти работы и придется тратить из своих сбережений. Однако нам везло, и везде мы находили маломальскую работу, приносящую пять-десять курушей.

Азми опять стал шутить:

— Пучеглазый, тебя бы министром финансов назначить. Лучшей кандидатуры не сыскать!

Я думал так же, как и Азми.

— Тебе бы на службу устроиться. Из тебя бы неплохой финансист получился. Что тебе в нашей бродячей труппе?

— Да ладно вам, бросайте эти разговоры. Развели тут политику, — сердился Пучеглазый.

Мы заходили в уезды. Народ в них привык к софтам и бродячим артистам. Они даже научились устраивать встречи. В одном уезде группа встречающих могла состоять из нескольких учителей, а в другом — из нескольких чиновников. Если же не было встречающих, ходжа, повязав на шею платок и взяв у Пучеглазого трость, шел в ближайшую кофейню: себя показать и на людей посмотреть. Доктор на свистывал на все лады. В общем, чего мы только не делали.

Наша разведка с каждым днем становилась все профессиональней. Когда мы находились в каком-нибудь селении, Пучеглазый очень оперативно получал сведения о находящихся на нашем пути местах: есть ли там здания под театр, выступает ли там какая-либо труппа. Чтобы получить все эти сведения, он всегда отправлял на разведку Хакки и Газали. А если это был большой город и требовались особенные приготовления, он ловил попутку и, засунув в сумку костюм, ехал сам.

Одним словом, мы ставили все, вплоть до ортаюну.

Глава тридцать вторая

Однажды из-за проливных дождей мы были вынуждены надолго застрять в одной из маленьких бедных деревушек. Место было не из лучших, мы ничего не зарабатывали. Когда погода немного прояснилась, мы отправили в один из населенных пунктов Пучеглазого. И вот сейчас мы сидели и ждали от него вестей. В конце концов ему удалось связаться с нами по телефону в жандармерии. Однако телефон оказался неисправен, и слышно было очень плохо.

Ремзие разместилась у телефона, как в суфлерской будке. Она слушала, что говорил Пучеглазый, и громко повторяла его слова.

— Новости плохие. Местные интересуются певцами. Одна труппа уехала, ждут другую. Других мест нет. Владелец сцены говорит, что нам ее не сдаст, так как хочет предоставить ее музыкантам.

Мы все были в шоке.

— Постойте, ребята, — произнесла Макбуле. — Что вы волнуетесь? Музыкантов хотят? А чем мы хуже. Дай мне телефон, Ремзие.

Взяв в руки трубку, она принялась орать:

— Пучеглазый, почему до тебя не дошло? Почему не сказал, что здесь есть известная солистка? И певицы есть. Против двух — шесть штук. Аллах свидетель, покажем им, что почем!

— А разве ты не клялась?

Я очень хорошо представлял себе, в каком состоянии сейчас находился Пучеглазый. Однако мы, чтобы завести Макбуле, чего только не делали.

Она распустила хвост, как павлин.

— Разве мы не давали слова делать все, что от нас зависит? Мое слово выше клятвы!

— Нельзя давать клятвы насчет музыки, давать клятву в таком деле большой грех, — начал Газали тоном, не терпящим возражений.

— Самоотверженная женщина, святая женщина! — произнес ходжа. — Приношу тебе благодарность от всей нашей труппы, — сказал он и под этим предлогом поцеловал ее в нос.

Однако из-за того, что ребята окружили их плотным кольцом, ходжа не отпускал Макбуле и продолжал обнимать и целовать.

— Твои губы, произносящие божественные звуки.

— Что, очередь и до губ дошла! — вопила Макбуле. — А ну, отстань, бабник. Да хватит, задушишь меня! Нашел повод, чтобы меня облапать, да?

Когда ходжа оставил Макбуле в покое, она повернулась ко мне.

— От имени труппы изрядно обцеловали. А я парочку передам другому, — сказала она и поцеловала меня.

Потом среди смеха и аплодисментов, немного стесняясь, она прошептала мне на ухо:

— По-другому к тебе не подобраться, — и добавила: — Этим штучкам я научилась у бессовестного ходжи. Потом серьезным тоном стала громко, чтобы все услышали, вещать: — Буду говорить открыто. Я это делаю не только из-за вас, а больше из-за того, что хочу позлить этого паразита. И только всего один раз. Больше нигде не буду петь. Пусть не привыкает.

И обязательно под псевдонимом. А эти что стоят? — спросила она, показывая на девочек.

Ремзие очень хорошо спела куплет одной из песен. Масуме и Мелек подпели ей. И все вместе с Газали они исполнили припев.

Певцы были готовы. А вот музыка, где ее взять?

— В этих местах есть пианино? — спрашивали мы.

— В средней школе, кажется, было.

— Интересно, дадут попользоваться?

— Однако могут возникнуть проблемы. Это же заинвентаризованная вещь. Как ее можно из школы вытащить?

На этот раз Пучеглазый сразу нашел выход:

— Можно вытащить. Нет проблем. Пианино не настроено. Напишем расписку школе, что взяли пианино, чтобы настроить аккорды. Вот и все.

Это было комедией. Однако большей комедией стала наша репетиция в отеле.

Наконец все было готово к концерту. Вся компания вместе с Дядькой, держащим бубен, вышла на сцену.

Хаккы и Газали, обходя улицы, объявляли о том, что вместе с концертом будет показано ревю. Ревю* придумали ходжа и Пучеглазый.

Второй частью программы стало ревю о праздновании после обряда обрезания. Это была смесь комедии с импровизацией. Из отеля мы принесли несколько кроватей, развесили флаги, приготовили сцену. В кровати положили детей в ночных сорочках. Пока все это готовилось, на сцене показывались фокусы, монологи ходжи и шуточные песенки Газали. После

---

* Ревю — эстрадное или театральное представление, состоящее из отдельных сцен и номеров, объединенных общей темой.
(Примеч. ред.)

этого началось ревю. На сцене Дядьке делали обрезание, надев на него ночную сорочку, а он тонко попискивал, чем вызывал смех всего зала.

Наше представление длилось много дней и закончилось реальной комедией.

Один из местных богачей пригласил нашу труппу в полном составе выступить у него на свадьбе.

— Ты не пойдешь, — сказал я Ремзие, отозвав ее в сторону.

— Почему? — обиженно спросила она, как ребенок, которого не приняли в игру.

— Мы все вместе смеемся и веселимся, однако мне будет больно видеть тебя в таком месте, — сказал я с грустью в голосе. — Только не ты. Я не смогу вынести того, что ты падешь так низко!

Это я сказал только ей. И чтобы подобное не сочли за привилегию, я предупредил ее, о том, чтобы она никому ничего не говорила. Однако, подумав, что такая странная мысль пришла в голову только мне, я очень удивился, узнав, что вся компания того же мнения.

Все были против того, чтобы Ремзие пошла туда.

Точнее всех выразился ходжа:

— Мы не голодаем. Если бы было более трудное время, может, тогда и взяли бы тебя. Однако не сейчас.

Наше материальное положение как на бирже — то поднималось, то падало.

* * *

Осень все больше вступала в свои законные права. Мы направлялись на юг вслед за последними стадами запоздалых перелетных птиц. И снова мы оказались в центре одного уезда. Здесь среди лежа-

щих до самой границы руин оказался маленький оазис.

Губернатор, в прошлом полицейский, был человек деятельный. Какую-то часть домов он конфисковал и разрушил, а на их месте построил новые, словно с картинки.

Губернатор захотел увидеть артистов. Мы должны были подготовить номер.

— Будьте готовы! — говорили ребята.

Пучеглазый давно послал зазывать публику на улицу.

— Губернатор говорит, что в Турецкой республике нет места шутам.

— А сам кого ищет? Не спросил? — поинтересовался Азми. Вдруг он вскочил: — Давай вставай, пойдем вместе!

Он произнес это с угрозой в голосе. И я понял, что он может не отстать.

Однако, встретившись со мной взглядом, он смягчился и сказал:

— Хочешь, я пойду вместо тебя?

В итоге ходьжа, Макбуле и я отправились в путь. Ходжа был не такой, как всегда.

— Докажу тебе, что я не такой дармоед и подлиза, каким кажусь, — произнес он.

— Я не говорил, что ты дармоед и подлиза.

— Не говорил, но подумал!

— И не думал даже.

— Если не думал, тогда ошибся. Потому что я именно такой, — стал нести чепуху ходжа.

— Короче говоря, потерплю. Скажу почти то же, что и Азми. Слова опять-таки к этому смыслу подведут. Что скрывать? Все же государственный деятель.

— Не забывай про полицейские дубинки, — сказал ходжа.

Губернатор на самом деле оказался трудолюбивым и способным человеком. Даже, можно сказать, хорошим человеком, и в руках у него не оказалось дубинки. Однако на него все же не наговаривали. Губернатор размахивал руками так, будто и в самом деле держал в руках эту самую вещицу. Он позакрывал кабаки и кофейни, запретил всякого рода собрания. Попадавших в уезд людей теперь проверяли по-одному. Даже на игроков, играющих в частных домах, делали облаву.

Всякий, кто предстал перед ним, походил на обвиняемого в полицейском участке. И он обязательно определял, виновен ли подозреваемый, по словам и взгляду. Нас он принял так же. И только потому, что мы приехали издалека и были одеты прилично, он сказал:

— Ну-ка, присаживаетесь!

И даже это «Ну-ка присаживаетесь!» у него получилось так, будто он это говорил провинившимся людям.

Ходжа и Макбуле начали разговор. И губернатор стал уже более радушным, представив себя на миг в Стамбуле, угостил нас кофе.

— Я запретил театры, но не искусство. То есть я хотел бы видеть документы, подтверждающие, что ваш театр несет настоящее искусство, — объяснил он.

— Мы слышали, что в Анкаре хотят открыть театральную школу, но пока — как же быть, — спросил ходжа.

Когда он говорил, я приблизился к столу губернатора.

— Если вы ознакомитесь с нашим репертуаром, то у вас сложится представление о нашем театре.

Губернатор с видом знатока-театрала начал рассматривать наши бумаги. Тем временем ходжа и Мак-

буле старательно расхваливали наш успех, который мы имели в местах, где гастролировали. Наконец губернатор произнес:

— Да-да. Неплохо. Думаю, ваше представление будет полезно для нашего уезда.

Мы поклонились губернатору до самого пола и галопом бросились из сей обители власти.

Глава тридцать третья

Не могу не рассказать об одном очень интересном человеке, которого мы встретили в одном из соседних уездов — это Сеит Али, пехлеван. Он был народным певцом, исполнителем песен на сазе.

Он принимал участие в движении Национальной армии. Там же играл на сазе. Потом, приехав в Анкару, познакомился с большими людьми и стал чуть ли не самым востребованным исполнителем в ночных развлекательных заведениях. Затем, принося счастье тылу, колесил по всей Анатолии.

И, несмотря на то, что постарел, он слыл еще и хорошим борцом-пехлеваном*.

У Сеита Али была свободная манера выражаться. Он читал народные стихи, знал скороговорки и прекрасно играл на сазе. А когда народная музыка стала развиваться и пользоваться популярностью, дома культуры начали наперебой приглашать его на работу. И теперь он при посредничестве дома культуры Анкары в сопровождении известной исполнительницы Хандан Джеляль ездил по всей Анатолии с концертами.

---

* Пехлеван — имя, даваемое борцу. Этот вид спорта считается самым древним видом борьбы.

Но однажды обнаружив, что дела идут не так хорошо, как хотелось бы, он в гневе решил все бросить. Мы приехали именно в тот день, когда Пехлеван решил расторгнуть творческий союз со своей партнершей. Между Пехлеваном и Хандан произошел большой скандал.

Хандан Джеляль занимала лучший номер в отеле. Ближе к вечеру она готовилась к отъезду.

Мы предложили этот самый лучший номер в отеле Макбуле. Однако она обиделась. Гордо подняв голову, с чувством отвращения выкрикнула:

— Она микроб, я не стану жить в ее комнате!

Я очень устал и задремал на диване. Хандан Джеляль, которая никак не могла собраться, распевала песни. Ее новая ссора с Пехлеваном только завершилась, и он спустился в казино.

Теперь, даже расставаясь, они не прощались. Женщина находила все пошлым, плакала и капризничала.

Пока я дремал в углу, дверь открылась. И совсем неожиданно появилось изящное и стройное создание с покрасневшим от слез и раздражения красивым лицом. Оно зашло в ванную комнату в пижаме и долго-долго там мылось. Уходя, в дверях оно столкнулось с ходжой. Он подошел ко мне с застывшим взглядом.

— Что это было? — спросил он. В его голосе не осталось никаких признаков усталости.

— Иногда так и хочется задушить этого бессовестного гада! — сморщившись, произнесла Макбуле.

Наконец пришли из дома культуры, чтобы забрать Хандан Джеляль.

Я не мог покинуть номер, так как хозяин отеля предупредил меня о том, что может прийти один военный, чтобы занять освободившуюся комнату.

Я увидел ее еще раз перед самым уходом. Ходжа, не выдержав, затерялся в толпе провожающих, чтобы в последний раз взглянуть на Хандан. После ее ухода он бросился в комнату, которую она покинула, и жадно стал осматривать ее ложе.

— Прошу вас, посидите немного в коридоре и разрешите мне убрать номер, — сказал ему вошедший работник отеля.

— Да что тут убирать? — разозлился на него бедный ходжа.

— Ведь тут человек спал.

— А если бы эта женщина не уехала сегодня ночью, а пригласила бы тебя к себе, тогда бы ты тоже испытывал отвращение?

— .....

— То-то и оно. Тогда нет проблем?

В комнате, пропитанной запахом ее духов, я моментально отключился. Когда наконец мне удалось встать со своего места, была ночь. Со всех сторон гремела музыка из граммофонов и по радио. Развлечения шли полным ходом. В угловом муниципальном казино давала представление прибывшая труппа арабов.

Сладкая парочка Масуме и Мелек находились там. Рядом с ними Дядька. Я заметил, что ходжа с Пучеглазым и Пехлеван вместе пили. Азми был опять, как всегда, без настроения. Он сидел за отдельным столиком обиженный и уставший. Увидев, он подозвал меня к себе.

Пехлеван решил остаться здесь. Девушки-арабки пели песни. Потом подошли к Пехлевану стали в знак уважения и почитания целовать ему руку и пригласили на сцену. Он действительно очень хорошо пел песни. Раздался гром аплодисментов, оглушивший всю улицу.

Пехлеван был очень любезен с нами. Воспользовавшись этим, ходжа попытался поговорить с ним на волнующую его тему — Хандан.

— Знаешь, брат, слава Аллаху, что избавился от этой ноши. Вот потаскуха-то! Обчистила меня до нитки! Оставь ты разговор про эту бабу! Так поругались! Чуть не избил ее, да плакать стала, — сказал Пехлеван.

Глава тридцать четвертая

Мы проходили через снежную и открытую всем ветрам гору, через поселки, где, как и на горе, невозможно было найти кров. Потом, замерзая, поднялись на вершину и начали спускаться в долину, и тут в горной теснине, окруженной со всех сторон горами, мы застали лето. Погода была настолько теплая, что я даже заметил что перелетные птицы, отбиваясь от своих стай, спускаются сюда, чтобы повеселиться. Наш путь проходил под теплыми солнечными лучами. На одной стороне мы видели огороженные дворы с домами из красной черепицы. На деревянных террасах были подвешены связки сушеных фруктов и овощей. Газали никак не мог отогнать от своего лица назойливую и большую муху и пытался ее убить.

— Оставь ее, она — вестник тех теплых краев, куда мы направляемся, — сказал ему ходжа.

В самом деле, нам показалось, что мы находимся на Эгейском побережье. Мы пошли вдоль маленькой речушки. Поселок должен был находиться восточнее, около речки. А пока попало только несколько оставшихся развалин — кругом привычный недодел. После позавчерашнего ветра и снега мы чувствовали себя разбитыми.

Мы узнали, что артисты в этих местах долго не задерживаются. Однако Пучеглазый предложил:

— Мы не должны проходить мимо, не разведав обстановки.

— Говорят, змей не ест землю из-за боязни, что она закончится! Так и я боюсь, что однажды все пути-дороги закончатся, и я окажусь дома, — с грустью говорил ходжа.

Мы вошли в поселок. Редкие дома то там, то тут были разбросаны по садам. Мы стали бродить наугад. После продолжительной прогулки оказались у кофейни с верандой из виноградных лоз. Сверху были еще ветки с зелеными листьями, на них висели маленькие, черные кисточки винограда.

Ремзие, потянувшись, сорвала одну кисть и угостила Дядьку.

Подойдя к речке, через которую шел низкий, каменный мост, мы заметили развилку и четыре дороги, ведущие к горе, что напротив. Странно еще то, что за мостом, впереди уже знакомой кофейни, виднелась заасфальтированная дорога, которая вела к недостроенной постройке, похожей на казарму. Из одной из лавок, расположенных по обе стороны постройки, вышел седой мужчина лет пятидесяти со значком на груди и подошел к нам. Справившись о нашем здоровье, он пожал женщинам руки, называя их «дорогими землячками». Мы попросили показать нам центр поселка.

— Пока что тут и находится, — сказал он, вздыхая. Видя наше изумление, он пояснил: — До прошлого года у нас был очень деятельный губернатор. В его программу входило развитие и подъем этих мест. Большую часть своего времени он проводил здесь. «Эти места должны быть центром уезда», — говорил он.

Уж очень старался. — Потом, показав, на видневшиеся, на холме среди деревьев развалины, добавил: — «Поселок должен быть построен тут. Сначала надо определить его границы. И не бояться больших пространств, раздумывая над тем, чем его заполнить», — говорил губернатор. Я сам был такого же мнения. Однако уж очень он расширил это пространство и потом сам ушел.

У мужчины было красное лицо, жесткая темно-русая борода, а из-под русских бровей выглядывали маленькие, зеленые глазки.

— Вы благородные люди, — произнес он после всего сказанного. — Разрешите вас пригласить в гости.

По нашему виду было понятно, что мы театральная труппа.

— У народа большой охоты нет, но все же работаем, стараемся. Есть и Народная комната, она же и партийная. Я возглавляю здешний партийный орган и дом культуры. И для революции делаем все, что в наших силах.

Он быстренько договорился с ходжой.

Глава дома культуры пригласил нас переночевать.

— Смотрите, ребята, что предлагает нам господин начальник, — произнес ходжа. — Он приглашает нас переночевать.

— Почему бы вам не остаться? — сказал нам начальник. — Правда, наш постоянный двор закрыли. По-новому теперь его называют домом культуры. Даст Аллах, обязательно построим настоящий дом культуры.

Оказалось, он был знаком с отцом Газали — шейхом. Странно было то, что он рассказывал о нем такие вещи, о которых сам Газали и не слышал.

Потом выяснилось, что обитель была закрыта.

— Обитель закрыта? — спросил Азми.

— Закрыта, уже давно, — пояснил мужчина и многозначительно подмигнул.

— Мы надолго не задержимся! — сказали мы.

— Стыдно нам будет не принять театральную труппу. Не уехал бы наш губернатор, у нас бы и театр имелся.

Был полдень. Дети вышли из большой постройке. Одни из них, размахивая своими сумками, шли навстречу нам, другие — в сторону горы и деревьев. Среди них были и те, кто садился на ослів. Молодой человек невысокого роста, который вышел вместе с ребятами, направился в нашу сторону.

Директор дома культуры, указывая на него, сказал:

— Директор средней школы. Мы решили построить среднюю школу, но, к сожалению, кроме первоклассников никто не пошел.

В это время к нам подошел человек с кривым носом.

— Мой зять, — объяснил директор школы.

Пучеглазый тоже представил ходьбу, как их коллегу.

Директор дома культуры сообщил нам кое-что про поселок:

— Те руины, которые вы видели — их наш бывший губернатор приказал снести, сказав, что «они аварийные и в них жить нельзя». Есть и те, кто остались, но большая половина народа ушла. И дети, которые сейчас живут в горах, не ходят ни в начальную, ни в среднюю школу. Однако ничего, все препятствия преодолеем. — Может, и через год-другой тут представления дадите.

У него была хорошо поставленная речь. Речь политика, привыкшего все время ораторствовать. Некоторых из нас он что-то спрашивал, с другими общался просто жестами.

Под виноградной верандой наши организовали стол. По-приятельски пригласили и новых знакомых. Они согласились. Директор дома культуры что-то шепнул на ухо работнику кофейни, и он побежал в одну из лавок, что находилась рядом с резиденцией губернатора, и принес оттуда арбуз, сыр и еще кое-что.

Через веранду проступало солнце, и мы поснимали пиджаки даже не потому, что в этом была необходимость, а для того, чтобы показать, что мы поверили в лето. Трапеза в такую теплую, летнюю погоду вернула нам настроение. И кто-то из нас проговорил «останемся», а кто-то спросил «где?» Партийный лидер кокетничал с дамами и уделял им больше внимания, чем нам. Он даже вел беседы о стамбульских театрах.

Нам пора было собираться, чтобы до вечера добраться до среднего уезда.

Директор опять очень вежливо поинтересовался:

— Не хотели бы вы посетить резиденцию местных властей? У нас там органы власти, суд, отделы общественных работ, школьный отдел — словом, все государственные органы власти. Поздороваетесь с господином начальником уезда.

— Сочтем за честь, — сразу же ответил Пучеглазый.

Однако из-за того, что нам сразу надо было собираться в дорогу, мы не могли задерживаться там надолго.

Все разом встали и направились в сторону здания. Место напоминало овощной базар. А само здание было огорожено изгородью. Внутри в комнатах размещались перечисленные отделы. Мы прошлись по комнатам и поднялись на второй этаж к начальнику. Начальник был прямо с картинки. Редкие волосы гладко зачесаны и выкрашены хной, как у стамбульских продавцов розового масла. Брови были редкими, а усы имели все тот же цвет хны. Как ни странно, ко-

стюм его своим красноватым цветом опять же напоминал хну, а на шее висел длинный галстук. Он сидел с таким видом, будто позировал нам, и если бы не тарелки с остатками еды, я подумал бы, что это специально подготовленная для нас мизансцена.

По словам партийного лидера, начальник тоже участвовал в развитии уезда. Голос у него был хриплым, сдавленным, словно ему что-то мешало в горле, но временами преграда в горле пропадала, и тогда его голос становился еще противнее.

— Театр — это школа морали, — говорил он. — Но, к сожалению, мы вас не увидим на нашей сцене, потому что пока у нас нет здания.

Когда мы вышли, глава дома культуры снова сказал:

— Если бы не ушел с поста наш губернатор, у нас давно уже было бы здание под театр. А вот некоторые темные силы, притворяясь и льстиво говоря «справимся, сделаем», ввели его в долги и кинули. Но революцию так не остановишь. Губернатор наш хороший человек, но он настолько запуган, что если ему даже просто предложить гвоздь вбить, то он сразу же поднимет крик, говоря: «Что, опять спекуляция?»

В ту ночь к нам из обители должны были прийти гости: господин Уккаш и Месут Эрджан.

— Обитель закрыта, но мы, как всегда, рады гостям!.. — сказал Месут Эрджан.

Все как-то сразу расслабились.

— Дело делом, но, кажется, больше всех это надо мне, — произнес Пучеглазый.

Слова Пучеглазого рассмешили всех.

— Подождите. Вечер уже закончился. А завтра утром мы вас проводим. Надеюсь, вам будет уютно.

Мы вспомнили, где нам приходилось ночевать до сих пор, и засмеялись.

— Вещи брать? — спросил Азми.

— Нет, ничего не трогайте! Предоставим все необходимое.

Только женщины взяли свои сумки.

Все вместе мы стали подниматься в гору через виноградники. После моста карабкались по маленькой узкой тропинке, прошли через виноградник, на котором все еще висели кислые маленькие, черные кисточки, и зашли в дом шейха. Наше удивление постепенно возрастало. Мы подошли к зданию, расширенному при помощи пристроек. На двери висела табличка с надписью «Комната для народа».

— Смотрите, революция докуда дошла, — сказал Месут Эрджан указывая на нее.

— Начали строить здание дома культуры. И пока оно строится, временно предоставили тут комнату. Вот так и боремся с темнотой, — стал объяснять нам шейх.

В комнате была печка. Месут Эрджан говорил, что сюда заходили многие важные люди, даже депутаты. На стенах висели фотографии известных людей. Он познакомил нас с сестрами обители. Старшую из них называли матерью, была еще одна помладше, которую величали старшей сестрой. Старшая, найдя сходство Мелек со своей средней сестрой, начала плакать.

Мы вышли в сад. Был такой же приятный вечер, как и в Аграх.

У проточной воды жарили на вертеле барашка.

— За деревьями, чуть дальше, могила Отца обители — он тоже тут любил проводить время, — сказал шейх.

Потом накрыли столы — кто хотел, мог спокойно поесть. В обители стал собираться народ.

Первую рюмку подняли за революцию, вторую — за упокой души Отца.

Та, которую называли матерью, оказалась кокетливой, избалованной женщиной. Она, не переставая, задавала нам вопросы. От нее мы узнали, что она черкешенка и в свое время находилась при дворе. А также что среди них была еще и молоденькая сестрица, но она умерла. Масуме с Мелек разговаривали с сестрами наедине. Временами из граммофона доносились звуки танго. Было хорошо и весело, и мы вдруг увидели, как из виноградников вышли начальник уезда и начальник жандармерии.

Сразу наступила тишина. Чтобы снять возникшее напряжение, Макбуле подошла к начальнику уезда и начала вести с ним светскую беседу, тем самым стараясь вызвать его интерес. Но безуспешно. Наконец ходжа, Макбуле и Масуме стали перешептываться.

Масуме подошла к каменному желобу, откуда текла проточная вода, и села под свет фонаря так, чтобы начальник уезда смог ее увидеть, и начала тихонько приподнимать юбку. Взгляды начальника уезда и шейха, скользя по нашей группе, остановились на ней. Я сидел таким образом, что сам не видел Масуме, однако мог себе представить, что она вытворяла. Я стал наблюдать за начальником уезда. Он был взволнован и в спешке начал протирать свои очки. Его глаза под дугообразными бровями слегка косили; верхняя губа была приподнята; ноздри раздувались, словно он принюхивался к куску мяса, подвешенному на крючке. Он походил на кота, сидевшего в засаде.

Потом я бросил взгляд на начальника жандармерии. Он смотрелся не лучше. Лица у обоих были напряжены. Начальник уезда восторженно воззрился на Масуме, а когда она приближалась к нему, он, тяжело дыша, протягивал ей какой-нибудь спелый фрукт или же пытался что-то сказать. Одновременно он уму-

дрялся говорить любезности Масуме, даже попытался рассказать анекдот по-арабски.

— Теперь будем веселиться! — провозгласил как-то по-особенному шейх.

Вечер был в полном разгаре. Звучала музыка, люди танцевали.

— Да, господа, нам обязательно нужен театр, потому что это школа морали, — в итоге произнес начальник усзда.

А гости все продолжали приходить. Среди них я узнал учителя.

В саду обители стояла телега соломы.

— Сейчас мы покажем вам один религиозный обряд, — сказал шейх.

Хайдар Джан принес разное тряпье и постелил на дно телеги, рядом поставил фонарь.

— Не знаю, как вы себе это представляете, но я объясню. Молодые этого не знают. Один очень уважаемый шейх, когда гостил у нас, совершал этот обряд, — стал объяснять шейх и посадил рядом с собой Газали.

Хайдар что-то мямлил, однако его голоса практически не было слышно.

— Мы тоже входим в роль! — заявил Пучеглазый и начал читать стихотворение:

*У безумца спросили, где живет счастье,
Он показал на свое сердце...*

Он читал настолько безукоризненно хорошо, что стены отвечали ему эхом.

— Ради Аллаха, продолжайте, — попросил шейх.

Он опустил позади Пучеглазого на колени и, как мальчишка, слушал оду со все возрастающим волнением.

Учитель тоже опустился на колени, за ним и начальник жандармерии. Потом все вместе с сестрами встали и начали раскачиваться в экстазе. Даже женщины.

Образовался круг. В круг вошел Хаккы, за ним — Горбун. А потом и Доктор. Пучеглазый своим ровным, сильным голосом продолжал читать. Никогда раньше я не слышал столь божественного голоса.

Все словно окаменели.

*О Аллах, что мне делать с этой горсткой пепла?
В молитве душа горит, на что мне этот огарок?
Сердце обогрилось кровью, на что мне это вино?*

И вот в этот момент Газали с побледневшим лицом, выкрикивая «Аллах», упал на землю. Мы все были в недоумении. Один из наших друзей, господин Уккаш, приподнял его, и мы все вышли в сад. И там долго приводили его в чувство. Начальник уезда опустился у его изголовья на колени. А сестры принесли одеколон и розовое масло.

— Я конченный человек, — дрожа, произнес Газали.

— Здесь все такие! — воскликнул Пучеглазый.

Хаджа, Азми да и все мы собрались вокруг него.

— Теперь стала понятна причина вашего сближения! — произнес ходжа.

Начальник уезда выглядел немного растерянным. Заметивший это Ходжа сказал:

— Вот что значит профессия актера! То ты дервиш, а то — янычар. Интересно! Что в имени тебе моем...

Поддерживая за руки, мы подвели и уложили Газали на диван. И на всякий случай оставили окна открытыми, затем включили граммофон.

Ходжа, наклонившись, тихонько зашептал мне:

— Это настоящая обитель. А еще говорят — обитель закрыта! Где уж там. Посмотри на начальника уезда, на начальника жандармерии. Шейх Саит похож на человека, которого сняли с виселицы.

Звучала прелюдия.

— Как бы нас не приняли за дервишей, — сказал Доктор.

— Революция похожа на моторную лодку! Когда ее заводят, она поднимает волны и море становится неспокойным и мутным. А как пройдет лодка, так все опять на свои места становится и успокаивается, — ответил ходжа.

О Аллах, что мне делать с этой горсткой пепла?

Ходжа заметил, как начальник уезда поцеловал руку Газали в знак почтения, когда они остались одни.

— Этого нам только не хватало. Теперь и обряды, что ли, будем устраивать? — злился ходжа. — Нет нам на земле покоя. Ты только посмотри! Надо же, к религии возвращаемся.

Потом, когда все закончилось, некоторых из нас до комнат сопровождали сестрицы, а остальных — сам шейх Фейзи.

Мне, ходже, Азми и Пучеглазому постелили на полу в общей комнате. Постель пахла ландышем. Мы уже много месяцев не видели подобного. Отглаженные ночные сорочки и тапочки...

Взволнованный ночными событиями, с горящими глазами, ходжа предложил еще посидеть. А Пучеглазый, уже переодевшись в ночную сорочку, делал записи в дневнике и приговаривал:

— Мы не теряя ни минуты, должны сразу же лечь спать и отоспаться. Интересно, сколько попросили бы в отеле за все это?..

— Это похоже на мою брачную ночь. Боюсь, как бы и другие печальные воспоминания не нахлынули, — тяжело вздыхая, сказал Ходжа.

Этой ночью я вспомнил «Галатасарай». Нет, не из-за постели, а из-за чего-то другого. Да, мы все те же выпускники школы. Однако уже не питаем надежд на будущее.

Несмотря на то что потушили свет и уже легли, мы никак не могли заснуть. Пучеглазый первым нарушил молчание:

— Человеку немного и душевный покой нужен. Без этого никак.

Потом раздался голос ходжи:

— Как бы этот тип не обидел Мелек и Масуме! У него глаза как у скотины. Под предлогом, что будет читать молитву, может и...

— Рядом с ними Макбуле. Она, как крепостная стена. Разве мимо нее пройдешь? — сказал Азми.

— Пройдет, пройдет. И через Макбуле пройдет, и через остальных тоже. Шейх он.

— Давайте спать, ребята! — произнес Пучеглазый своим низким голосом.

После недолгой тишины опять послышался голос ходжи:

— А средняя сестрица хороша. — И, уже грезя во сне, он продолжал говорить: — Она как перламутр. Очень красиво плачет. Так и обнял бы ее.

— Революция в надежных руках, — произнес Азми, глядя на картину, что висела в комнате.

На следующее утро мы проснулись рано и приняли решение задержаться еще на два дня. Нищета настолько надоела нам, что мы решили воспользоваться случаем и остаться.

На следующую ночь появились новые лица. Газали все больше и больше становился похожим на Будду.

Ему уже открыто целовали руку. Так что мы даже боялись с ним шутить.

Когда наша компания продолжила путь, мы сделали подсчеты. Наше пребывание в гостях длилось ровно три дня и тридцать минут. И все три дня мы совершали религиозный обряд.

Глава тридцать пятая

Понятие времени и места для нас уже почти не существовало. Те, у кого были часы, даже не заводили их. Мы смотрели на небо, видели, что оно красное, и только тогда понимали, что уже вечер. Шофер, который плохо знал эти места, не мог разобрать дороги. С одной стороны мы увидели Черную церковь, и это значило, что мы находимся недалеко от Каракёсе*. Но насколько недалеко?

С противоположной стороны ехал военный автомобиль. Азми остановил его и спросил дорогу. Шофер, объясняя, показывал рукой, и по его жестам стало ясно, что мы безнадежно далеки от цели. Мы не проявляли никакого любопытства. А когда наш водитель подошел к нам, мы даже не попросили разъяснения.

Странные вещи тут творились. Откуда взялось это зарево? Оно напоминало закат в Стамбуле. И мы снова ощутили, будто находимся в Чамлыджа.

Шофер, приняв Азми за военного, поприветствовал его и ответил:

— Только ближе к ночи будете на месте.

Нас охватило беспокойство. Газали изменился в лице.

---

* Каракёсе (сейчас Агры) — город в Восточной Анатолии. (Примеч. ред.)

— Куда спешишь, Газали? Черноокая девушка, что ли, ждет тебя в Каракесе? Доберемся, когда сможем, — тихо сказал ходжа.

Мы были в полном отчаянии от того, что до сих пор не добрались до церкви. Растянувшееся на все небо зарево наводило страх уже одним блеском и величием. Затем у подножия холма мы увидели речку. Даже глазам своим не поверили. «Это какой-то мираж!» — говорили мы. Но нет, это действительно была река с широким, местами высохшим руслом. Когда подобрались поближе, на берегу реки и на небольших островах заметили людей. Еще немного приблизившись, наткнулись на настоящий пляж. Вокруг слышались возгласы и крики. И тут мы поняли, что деревня где-то близко. Однако стало темнеть, и дорога начала теряться во мраке. Чтобы понять, где нам перейти реку, мы стали спрашивать местных.

Они уже давно привыкли к грузовикам, поэтому не проявляли к нам никакого интереса. Даже не слышали.

Тогда ходжа предложил сыграть на зурне.

Услышав зурну, детишки выбежали из воды. Заспешили мужчины и женщины. Словом, вырисовывалась забавная картина.

Газали разговаривал с ними на ломаном арабском. Пучеглазый читал молитвы. У людей в руках было много айвы, и мы без стеснения набили себе карманы. Мы переходили реку колонной между женщинами с голыми ногами и резвящимися ребятишками.

— О Аллах, только посмотрите на эти ножки! — произнес взволнованный ходжа.

Разве только ножки? Закат, словно лампами, осветил их лица, настолько отчетливо стали заметны их аккуратные носики и дугообразные брови.

Кто-то подошел к нам. Почему-то нам все время отдавали честь. Это оказалась курдская деревня. Не было никого, кто хотя бы немного знал бы турецкий язык. Нам предложили погостить. Все принимали нас за военных или служащих, которые переезжают на новое место службы. Даже не спрашивали, почему мы с зурной.

По какой дороге нам надо было идти, мы уже выяснили. Местные жители пообещали, что в полночь будем на месте.

Ярко светила луна. Мы могли продолжить свой путь. Однако к чему? Как выразился ходжа: «Какая черноокая нас ждет?»

Ходжа начал читать отрывок из «Эшбера»:

*Если б они не проявили интереса,
Я бы обязательно остался один.*

На берегу реки находился навес. Возле него лежала рыба, выброшенная на берег.

Мы разбили лагерь. В лунном свете камни и водоросли на дне реки горели, как рубины. Макбуле, поддавшись соблазну, зашла в воду. А за ней и все остальные.

— Мне тоже идти в воду? — спросила Ремзие.

— Тебе можно только ноги намочить, — ответили мы.

— Спаси Аллах, увидят голую женщину. Что потом будет... — испуганно произнес Газали.

— Ладно тебе, можно подумать, местные очень одеты, — сказал ходжа.

Мы словно находились внутри комичной декорации к неожиданной опере.

В воде не было ни веточки. И то, что мы вначале приняли за водоросли, оказалось какими-то большими листьями.

Хаккы, открыв свою жестяную коробку со всякой всячиной, стал укладывать туда речную рыбу, которую ему давали курды.

В эту ночь ходже пришлось туго.

Одна старуха что-то говорила Газали на курдском языке.

— Она спрашивает: «Если я умоюсь речной водой, не прочтет ли ходжа надо мной молитву», — перевел Газали.

— А как же, прочту! Да еще приворот сделаю. Захочет и в Высший Суд прямиком.

— Хватит тебе паясничать. Глядишь, и заработать сможешь! — сказали мы.

После этих слов ходжа начал читать молитву над старухами и молодыми женщинами. Ходжа во время снятия порчи слащаво говорил с молодыми женщинами, рассматривал их ножки и дотрагивался до груди.

— Ходжа, хватит, пора за стол, — произнесла Макбуле. — У нас еще впереди много дела. Наш «Новый театр» поставит здесь один из лучших своих спектаклей! Всем известную «Румяную девушку».

Барабанщик бил в свой барабан. Курды танцевали. Теперь настала наша очередь.

— Они же не понимают по-турецки.

— Кто не поймет языка песен! Будем играть свой спектакль.

У нас не было нехватки в декорациях и бутафории. Светила луна. Мы словно играли в античном театре под открытым небом.

Труппа заняла свои места. Представление началось.

Ремзие играла главную роль. Может, эта ночь была именно той ночью, где она совершенно в другом мире потеряла себя.

Пучеглазый обратился к Хаккы и Горбуну с предложением решить как-то денежный вопрос.

— Мы театральная труппа, и сбор денег — это как традиция. Иначе нам потом не будет везти, — сказал он.

Предложение Пучеглазого вызвало во мне отвращение. Ведь мы гости. Ремзие с криком бросилась мне на шею. Однако, сразу придя в себя, отстранилась.

Как и ходжа, она в этот вечер превзошла саму себя. Она учила слова о любви на курдском языке и перекладывала их на турецкий лад. Ходила с листиком в руках, читала стихи и пела.

Курдам очень понравилась наша игра.

— Мы хотим с вами сыграть! — говорили они.

И вот мы уже все начали веселиться.

Когда свадебное торжество закончилось, Ремзие опять бросилась мне на шею и поцеловала. Потом, словно застеснявшись или даже испугавшись, отстранилась. А после стала целовать всех, кто ее поздравлял.

Зачем вообще нужен язык? Мы все добавляем в молитву свое слово. Газали в тюрбане молится и заключает брак.

— Взял девушку в жены? — спросил он.

Курд, пританцовывая, отдает дочь.

— Вот вам и цыганская невеста, — произнес ходжа.

Бедная Ремзие была великая артистка, она заслуживала, чтобы ее так называли. А в эту ночь особенно!..

Снова курды пошли в пляс. За ними Хаккы со своими фокусами. Дядька тоже танцевал. Это было настоящее гала-представление.

Вдруг нам сообщили, что пришел старшина волости. Мы с радостью пригласили и его. Пока Хаккы глотал огонь, старшина волости наклонился ко мне и сказал:

— Рад приглашению!

В это время я посмотрел на луну и увидел, что она садится где-то очень далеко за горизонтом, и меня охватил ужас.

Могла ли быть связь между ранее невиданным заревом, которое охватило небо, словно огнем, и этой деревней? Не знаю. Но между птицами, летящими на юг, и заревом связь определенно была, потому что скоро зима. Как это случалось и раньше, среди нас нашлись те, кто не хотел спешить. Особенно ходжа настаивал на том, чтобы остаться. И те, кто говорил «нельзя», делали это специально, чтобы задеть его. Однако нам пора было в путь. И все это чувствовали.

Наконец наступило утро. Нас опять позвала дорога. Вечер, который казался таким близким, почему-то никак не наступал.

На нашем пути нас ждал еще один сюрприз. Это была гробница. Причём совсем новая. Архитектура этой гробницы до того напоминала стамбульскую, что мы не поверили своим глазам. Ее построили в память о ребенке одного из пашей, сосланных в ссылку.

*Всю ночь у твоего изголовья
Стоит, склонившись, кипарис;
А днем маленькие воробушки
Стучатся в твои двери;
Ты одинок на вершине горы
Тебе всего четырнадцать;
Спи, моя принцесса, спи!*

Местные объяснили, что это губернатор построил гробницу в честь дочери паши. Камни были специально привезены из Диядина.

Загадка опять осталась неразгаданной. От волнения, перенесенного прошлой ночью, Ремзие была совсем бледной и выглядела, как настоящая принцесса.

От усталости все словно находились в бреду.

— Бедная девочка достойна такой гробницы, — произнес ходжа. А потом, обращаясь в Дядьке, сказал: — Преклони колени. Ремзие, а ты дочка, прочти еще раз, что там написано. Еще раз произнеси «Спи спокойно, моя маленькая принцесса. В темные ночи и в светлые дни. Пусть гробница станет домом твоим».

— Ремзие, да ты сама как маленькая принцесса.

Мы вдруг затосковали, как большие дети. И это стало продолжением нашей ночной тоски. Я догадывался, что и Пучеглазый, и Доктор и даже Горбун были равнодушны к Ремзие.

И вот тогда на нас обрушился дождь. Мы быстро сели в грузовик господина Уккаша и направились в Каракесе. Мы как раз вовремя добрались до города.

***

Дождь с ветром, а потом и первый снег. Мы находились в большой провинции и надеялись, что сможем найти зрителей и тем самым продержаться несколько дней.

В центре города имелась улица, на которой пока не было домов, только средняя школа и военный клуб.

Ходжа, как настоящий учитель, посетил школу и встретился с учителями. А врач в медпункте оказался другом нашего Доктора.

— Ну что тебе не работалось? Все грезил — театр, театр. Как, достиг своей цели? — спросил он нашего Доктора.

— Наука, наука, наука. Медицина, медицина, медицина. А ты достиг? — передразнил его Доктор.

Ходжа занимался своим делом: готовил кандидатов в зрители среди учителей. На аншлаги мы не наделись. Но все же какая ни есть, а работа.

Планы Азми пошли наперекосяк. На улице становилось холоднее. Господин Уккаш принес плохие новости, что есть опасность застрять в дороге. Он сказал, будто дороги в сторону Элешкирта, Тахиргеди и Эрзурума закрыты, поэтому мы не сможем поехать в Ван.

Мы собрались в маленькой школе и долго спорили. Среди нас все вплоть до маленького Горбуна соблюдали принципы демократии. Только вот что я заметил:

Господин Уккаш был очень упрям. Он всегда занимал противоположную сторону и все отрицал. Однако то что говорила Масуме, он воспринимал странно покорно. Они все больше сближались. Тем не менее господин Уккаш любил наставлять ее.

Даже ходжа уже понял, к чему он клонит.

— Вот собака, — говорил он. — Смотрите в оба, ребята, таким нельзя доверять. Это настоящие сектанты. Посмотришь, и приворот сделают. Любят они это. Под предлогом молитвы все норовят быть ближе к женщине. А потом смотришь, всех нас обманул и девчонку увел. Как тот носатый свою потаскуху. Ну ее к черту. А вот мы остаемся ни с чем.

В этот раз противоположная сторона начала ссору. Макбуле пришла в ярость, чаша ее терпения лопнула. У нее имелся свой женский интерес к господину Уккашу. Ее привлекала теплота, исходившая от его голоса, манера говорить и вообще весь его облик. Она не шутила, когда дело касалось мужчин. И то, что раньше он уделял ей внимание, а теперь нет, оскор-

бляло ее самолюбие. Макбуле злилась и на Масуме тоже. Ведь эта она отбила его у нее.

Ее злобный выкрик выглядел смешно:

— О Аллах, да за что это все на мою голову!.. Один медведь пялится меня, ведет другую под венец, а тут еще эта малявка мне дорогу перешла. За этих двоих я и гроша ломаного не дам. Когда есть породистые лошади, а берут ослов — вот что невыносимо!

— Макбуле! Тебя могут понять только такие старцы, как я, — шутил ходжа. — Ты со своим прелестным носиком особенный человек.

— Ребята, давайте отошлем этого типа. Неужели другой машины не найдется? — произнес Газали и отвернулся.

— Ребята, вот увидите, если я его не задушу, я буду не я. Могу поспорить, с кем хотите! — сердито закричала Макбуле.

— Спаси Аллах, госпожа. Это очень опасные люди. У них есть оружие. Не пощадят вас, — на этот раз ответил Газали.

— Господа, госпожа Макбуле стала нам сестрой, а Масуме — дочерью, — вмешался в разговор Пучеглазый. — Надо нам заплатить ему какую-то сумму, чтобы можно было без проблем добраться. И об этом тоже следует подумать. Иначе нас могут просто высадить на полпути и взять более выгодных пассажиров.

— Повезет и без денег, да еще умолять будет, — сказала Макбуле. — Пусть лучше меня не злят. Что мне до таких идиотов, как он. Я буду играть, а вы, ребята, наблюдайте. Я сяду в машину рядом с этим козлом. Не бойтесь, далеко не зайду. Только скажу ему пару слов. Спою песню, потом немного плечико покажу, немного ножку, что мне прятать. Пусть эта малявка потягается со мной. Худосочная. Только моего пыла и мягкости будет достаточно!

— Что вы, госпожа, этого делать никак нельзя! — закричал Газали. — Нам жизнь еще дорога. По-моему, рядом с ним надо посадить госпожу Дюрдане.

— Что вы хотите этим сказать? — обиженно спросила Дюрдане. — А я что, не женщина? Как можно. Ты не обижайся, Газали, но ты, оказывается, образованный дурак.

— Прошу прощения, госпожа. Вы не так поняли.

Азми заливался смехом. Немного успокоившись, он сказал:

— Да, кажется, все же ей повезет!

Пока он это говорил, в разговор вмешалась Ремзиё.

— Я сяду рядом с ним. Хотя я тоже женщина, но я не опасна.

— Да, дочка, оказывается, ты женщина! А мы-то думали, что ты мужчина. Что же ты нас до сих пор обманывала? — спросил ходжа.

Глава тридцать шестая

Дорога на юг, куда летели птицы, была закрыта для нас, и теперь мы уже держали путь на север.

Надежды добраться до Вана рухнули. Прежде чем попасть в Элешкирт, мы проехали Тахиргедиги, а после свернули на уже покрытое снегом шоссе. Наконец мы нашли узкоколейку. Теперь будем ехать без остановки. Завернувшись в мешки, мы находились на пути в Эрзурум. Было ощущение, что мы больше спасаемся не от зимы, а от уже известных нам дорог. По мнению Пучеглазого, мы могли на несколько дней задержаться в этом городе. Однако все мы волновались, что от пережитых трудностей и усталости не сможем играть хорошо. По привычке мы покорились судьбе: «будь что будет». Что предначертано, то и свершится. А пока мы сидели в грузовике и мечтали как можно скорее попасть на юг.

Каждый раз, когда мы проезжали новый город или поселок, ходжа, прикрывая глаза, говорил:

— Опять придется возвращаться сюда, а так хочется новых мест. Не будем терять вкус к прекрасному!

Молнией мы проносились по многим местам. Тем, кто хотел остановиться и задержаться там, мы говорили: «Снова приедем сюда». Однако на недавно проложенной новой дороге мы увидели мост, который вел в Пюлюмюр, и остановились. Мост затерялся

в тумане, и перед нами открылась страшная картина. Азми чуть не упал в обморок. Потом, обозревая горы Мунзур, мы снова вышли на дорогу, что вела в Эрзинджан. Мы решили, что приедем сюда уже весной или летом.

С головокружительной быстротой мы преодолевали горы и реки Средней Анатолии. Наш путь лежал на юг.

Сидя в кузове среди ящиков кислого винограда и защищаясь от ветра и дождя брезентовым покрытием, несколько дней наш грузовик медленно полз в гору. Мы понимали, что теряем драгоценное время.

Все наше внимание было сосредоточено на Дядьке. Ремзие, положив его голову себе на колени, укачивала и поила его из бутылочки молоком, как ребенка и давала по ягодке виноград. Дядька болел. Время от времени внезапно у него развязывался язык, и он начинал говорить, словно пластинка, которую завели. Наверное, ему виделись его родственники или далекая деревня.

Ходжа, обращаясь ко всем, кто проявлял сочувствие к Дядьке, восклицал:

— О Аллах! Уготовь и мне такой конец, такую смерть!

Он, как и все, хотел иметь крышу над головой, свой очаг, чтобы было с кем помечтать при свете зажженной с приходом вечера лампы. А еще ходжа мечтал, чтобы его жизненный путь не продлился слишком долго.

Печаль и тоска нашла на всех. Газали присел на корточки и, закрыв лицо руками, заплакал. Вслед за Газали зарыдал Доктор, а потом и Горбун. Мы их, как могли, успокаивали. Немного погодя, на одном постоялом дворе, из хворостинки и веточек мы развели костер, и тогда все понемногу начали приходить в се-

бя. Наконец мы добрались до какого-то приюта. Мы не представились вышедшим нам навстречу жандармам. На этот раз мы с Азми начали играть свои роли. Женщины нарядились в лохмотья. Они выглядели как местные. Чтобы напугать Газали, мы предложили загримировать их под старух. Для этого сожгли бутылочную пробку и пеплом нарисовали на лицах Масуме и Мелек морщинки.

Но ходжа, увидев их покрасневшие от мороза лица и блестящие озорные глазки, закричал:

— Клянусь Аллахом, теперь они стали еще опасней. Они как молодые девчонки! Им только губы накрашивать, и все. Тогда держите меня. Раньше курдов к ним приставать начну. — А потом вдруг сказал мне: — Если вдруг будут приставать к нашим девочкам, мы, конечно, их защитим. Но Азми могут ранить, Газали побить. А потом наших девочек на наших же глазах...

Становились очевидными его ненормальные скрытые помыслы.

Дрожа от удовольствия, он смотрел на меня и, вдруг испугавшись, неожиданно произнес:

— Можешь говорить обо мне все, что хочешь. Все будет мало. Да, я аморальный. Я просто бессовестная скотина. Однако прошу, поверь мне. Это только на словах. Это лишь воображение... сны... Так, дурачество одно.

Ох, этот ходжа!..

* * *

Зима действительно застала нас в дороге. Теперь без какой-либо надежды, мы проезжали по селам. Среди нас были и те, кто торопился.

— Нет, мы должны остановиться и привести себя в порядок. Ведь мы не похожи на других бродячих ар-

тистов. У нас есть мастерство! И мы ничего не должны пропускать на своем пути, — говорил нам Пучеглазый.

Он уже стал настоящим импресарио. По дороге или там, где мы останавливались, он, не переставая, собирал информацию о местах и людях. На пути нам попадалось большое количество бродячих артистов. Это целиком было связано с запретом на трансляцию классической турецкой музыки по радио. Труппы становились малочисленными: два, три человека, а то и совсем распадались. Словом, дороги оживились. Среди путешественников находились и такие, кто становился муллой. Особенно это происходило во время рамадана. А потом их можно было увидеть на маленьких сценах. Одного такого мы случайно встретили. Когда он попался нам в первый раз, он являлся духовным лицом. Спустя какое-то время он уже участвовал в варьете и давал представление в кофейне. Сначала много пел, а затем играл на ложках.

В первые годы революции открывалось много баров. Сейчас вместо них работали кофейни, где громко звучала музыка. В городах они были своего рода причалами для многих артистов. Там они объединялись в труппы, там же потом и распадались.

В поселках тоже имелись кофейни с театральными подмостками. На рваных занавесях висели портреты русалок и муз искусства.

Однажды в одном таком месте мы смотрели очень комичный и странный спектакль. Тема была такова: Женщина изменила мужу. Потом обиделась на него, убила своих детей и сбежала с другим. Имена мужчин — Ахмет и Мехмет. А женщину звали Мидия.

Влюбленный говорил Мидии: «Мидия, я так тебя люблю, что готов поджарить и съесть». Все зрители умирали от смеха.

— Что это за имя такое? — спросил ходжа.

— Как это известная пьеса оказалась в этих краях? — внезапно произнес Азми.

Для молодых людей, уставших от внутренних проблем страны, такого рода представления являлись настоящим праздником. На этой маленькой сцене они хотели видеть надежду, любовь, красивых девушек, слушать стихи — пусть даже все это и примитивно. Они дети тех, кого считали «темными» и у кого не было молодости. Придет время, и эти молодые люди вернутся к молитвам и богослужению. И никакая революция их не остановит. Здесь находились разжалованные чиновники и оказавшиеся тут по долгу службы молодые мужчины. Уставшие к вечеру, сбежавшие из дому, все они находили приют в таких заведениях. Наша труппа не была похожа на них. Дни сменялись днями, но мы нигде и никогда не оставались голодными, потому что у нас имелась сила. Если раньше меня пугали новые места, закрытые двери — то теперь я уже привык. Мы моментально занимали свои позиции. Зурна, кларнет и добытый Доктором барабан — все шло в ход. Теперь это было уже не искусство. Мы не испытывали ни гордости, ни стыда. Давали представления, ставили новые спектакли (типа «Румяной девушки»). Бывало и такое, что мы сидели на берегу реки у костра и просто кипятили воду. Женщины, разложив белье на камнях, валиком стирали его. Мы были в Средней Анатолии и, не зная куда идти, направлялись к солнцу на юг.

Глава тридцать седьмая

На юге по пути в центр одного вилайета мы сделали остановку в поселке, который находился недалеко от границ Сирии. Это был развивающийся поселок. Там оказалось очень много рабочих, которым нравились музыка и развлечения. Наша труппа из семи человек здесь должна была неплохо подзаработать. В поселке имелось два казино, но их разрушили и вместо них открыли передвижные кофейни и с одной стороны установили рабочие палатки. Некоторые люди спали на открытом воздухе. Вечером в конце недели жизнь в поселке была ключом.

— Не отлично, но все же можно что-то сделать, — говорил довольный Пучеглазый.

Между кофейнями организовали представления. По два, три человека играли на сазе. Тут же имелось варьете. Между кофейнями шла конкуренция. Канатоходец давал представление, когда музыкант, играющий на сазе, отдыхал.

Пучеглазый придумал нам номер, имеющий отношение к варьете. Как всегда, наши спасители — Хакки, Горбун и Дядька, которые с каждым разом увеличивали число своих музыкальных инструментов. Они стали нашей опорой. Масуме и Мелек выступали в сопровождении певцов-арабов. Основной их задачей было наряжаться и сидеть. Делать что-либо большее у нас не было возможности. Однако и это приносило

неплохие доходы. Однажды Азми сидел в кофейне за столом с инженерами. Он поднял глаза и заметил кого-то.

— Смотрите, это разве не Хаккы? — удивленно спросил он.

Да это был Хаккы, одетый в шикарный плащ, который был стянут в поясе. Рядом с ним Горбун.

Через несколько часов Хаккы уже переоделся. Только на этот раз на нем были элегантные брюки и в руках блестящий саз с металлическим корпусом. Не веря своим глазам, мы вышли на прогулку и на время забыли о своих вопросах.

Вечером повторилось то же самое. Опять новая одежда, ходжа был поражен. Потом мы заметили, что Пучеглазый хихикает.

— Мы в затруднительном положении, — сказал он. — Граница открыта. Люди пересекают ее. Можно и нам сходить туда и обратно.

— Что ты, Пучеглазый, это же незаконно, — возразил ходжа.

— Можно и так, а может, и нет, — смеясь, проговорил Пучеглазый. Потом, глубоко вздохнув, произнес: — Да нет, просто пошли купить пару брюк. Дядьке, Хаккы. Мы же для себя. Закон тут ни при чем.

— А потом?

— А потом нашлись покупатели. Мы хорошо работали на этом. Девушки тоже были с нами. Им тоже кое-что перепало. Вот только на обратном пути они закапризничали и не хотели отдавать надетые на них вещи. А когда мы заставили их это сделать, они кричали и плакали, будто на них напали разбойники. Сначала Дюрдане наорала на них, а потом не выдержала и тоже расплакалась.

— Таможенники, комиссионные, все по закону, — продолжал Пучеглазый.

Пучеглазый был благородным человеком и с каждой своей сделки выделял каждому из нас какую-то часть.

— Удивляюсь я этому человеку. У него с собой никогда не бывает денег. Что он за чародей такой, — говорил ходжа.

— Народ ходит через границу, туда и обратно раза по четыре-пять. Покупают уйму вещей, — рассказывал Пучеглазый. — Проблем с продажей нет. Покупатели находятся тут же. Вот странные люди. С босыми ногами, зато на голове шапка. Синие трусы, шелковая рубашка и галстук.

В кофейне и молодые, и пожилые говорили об этом, как о чем-то пошлом.

— Бандит — святое существо, — странно пошутил Азми.

Глава пятьдесят восьмая

Осень. Мы снова в Каракёсе. За год тут многое изменилось. От наших прежних ощущений — ничего. Мы не нашли того, что оставили в прошлом году. И даже то, что нашли, не дало нам прежней радости. В очередной раз мы сели за стол. Карта Азми, уже вся продырявленная, лежит перед нами, чтобы опять по ней мы могли составить программу. Тела наши уже привыкли к бродяжничеству.

Ходжа повторил свое грустное признание:

— Говорят, змея боится есть землю. Может, она права. Потому что землю нельзя есть. Она несъедобна. Но наступает все-таки пора, когда и ее приходится есть.

Когда он говорил это, у него тряслись руки. В последнее время у него часто такое случалось. Как и раньше, он все еще искал перемен. Но ко всему была уже какая-то апатия.

— «Нового» уже не осталось, — говорил он.

Почти на всех подействовали его слова. Может, он в какой-то степени тосковал по родине. Когда он заводил речь о Стамбуле, в его голосе слышалась теплота. Однако обратный путь... Оказаться в чужом месте вечером или утром, чтобы опять куда-то пойти. Но куда?

Ходже продолжали приходить письма. Когда бывали деньги, он писал ответы и отсылал их, но в по-

следнее время он, казалось, даже не мог их прочитывать.

— Может, мы едим землю и она уже заканчивается? — спрашивал он нас.

Погода была хорошая, но массовый перелет птиц уже начинался. Мы боялись, что погода неожиданно переменится и зима застигнет нас в дороге, как это случилось в прошлом году. У нас имелась причина, чтобы волноваться: Дядька — был совсем слаб. Что с беднягой? Наверное, почувствовал усталость и поэтому погружался в забытие. Его состояние действительно вызывало беспокойство. Он много спал, однако приступов боли не наблюдалось. В отличие от ходжи, у него на душе был полный покой. Он даже не знал, где находится. Ремзие держала его голову на руках, как маленького ребенка.

— Теперь я стала его мамой, — шутила Ремзие.

Мы испытывали тоску и грусть не только потому, что перед нами лежала истрепанная карта, а из-за окружающих нас лиц. С одной стороны, волновала неизвестность. Но, с другой стороны, всякий раз видеть одни и те же лица и одну и ту же панораму... Как говорил ходжа, земля уже несъедобна.

Однажды утром Ремзие подошла ко мне и сказала:

— Мой совсем больной. Что будем делать?

— Как бы чего не вышло.

— Я тоже этого боюсь.

Мы отвели Дядьку к знакомому врачу. Сначала он сказал, что Дядька здоровее нас всех и что у него нет ничего серьезного, только из-за возраста ослаб организм. Но после анализов и осмотра сделал заключение:

— У бедняжки нефрит и еще кое-что. Он не сможет с вами продолжать путь.

— Но мы должны завтра или послезавтра уже отправляться в дорогу.

— Оставьте его у нас. Поместим в больницу, какая никакая, а все-таки крыша над головой, — сказал врач мягко.

— А как мы без Дядьки поедem?

Ремзие стала плакать. Я, чтобы успокоить ее, слегка погладил по спине.

— Не брошу его, останусь с ним, — проговорила она.

Потом, поняв, что все бесполезно, как-то разом пришла в себя и вытерла слезы.

Врач говорил с ней, будто обманывал ребенка:

— Вот увидите, госпожа Ремзие, он поправится. Вы сюда еще вернетесь. А пока он погостит у меня. Я вам буду сообщать о его состоянии.

— Нет, доктор, ничего не надо писать. Мы тоже не будем спрашивать! — сказала Ремзие уже совершенно другим тоном.

Две ночи подряд мы ходили в больницу. А в последнюю ночь были там всей труппой.

— Каждого из нас может постигнуть такая участь. Знаем ли мы свой конец? — произнес Пучеглазый своим низким голосом.

— Скажите, доктор, возможно ли такое, что перед смертью у человека появляется философское отношение к жизни и на него находит божественное отупение? — спросил ходжа.

Газали прочитал Дядьке молитву.

— Спою тебе еще раз песенку, — сказала Дядьке Макбуле.

— Лала, мы уезжаем на несколько дней.

— Я тоже поеду, я с вами!

— Тебе тут будет хорошо. А мы скоро приедем. Ты поправляйся и жди нас.

— Я тоже ему говорю, что вы вернетесь, — произнес врач и даже захотел показать ему какую-то игру.

Несмотря на то что Дядька не понимал, тот продолжал объяснять.

— Посмотри на лист.

— Это письмо? От кого? Мне это?

— Ты тоже ждешь писем?

— Вам буду писать.

— Нам не надо ничего писать!.. — вскричала Ремзие.

Глава тридцать девятая

Мы надеялись, что город Ван будет развиваться. С Диарбакыра сюда часто приезжал главный инспектор с большой делегацией. Гази для благоустройства города составил план, говорили даже, что здесь намеревались открывать университет. И еще сообщили, что он, приказав в короткий срок проложить железную дорогу, объездил Среднюю Анатолию и вернулся назад.

После нашего последнего визита Ван очень изменился. На берегу озера уже завершалось строительство. Повернувшись, я еще раз посмотрел на старый вид Вана.

С моим равнодушием к декору, вид разрушенных городов всегда навевал мне чувство хорошей грусти. Рухнувшие, обваленные стены, окна, улицы вызвали у меня какие-то образы. Но в Ване не было развалин и камней. Было нечто другое. И этот вид не давал полета фантазии. Однако чистые, аккуратные здания заставляли забыть обо всех несчастьях.

Мы приехали сюда с разбитыми сердцами, но вскоре обрели какую-то надежду. Знакомый, которого я знал еще по Кадикею, оказался здесь губернатором.

Он всегда был немного чужаковат, словно с другой планеты. Он держался почти как Римский император. Некоторых из нас он узнал — Пучеглазого, меня и Макбуле.

— Я встречал вас в парке в районе Мода в Стамбуле, — сказал он.

Эти воспоминания напоминали ей о возрасте, и она сделала вид, что не помнит.

— Вы, наверное, меня с кем-то путаете.

— Нет-нет, я помню даже ваш смех, — заверил он. — Однажды в Кадикее с причала один человек упал в море, и вы тогда так звонко смеялись. Кто-то даже сделал вам замечание.

— Каким же я была тогда ребенком!

Потом заговорили о театре. Он знал всех в театре: Шахиняна, Алексаняна, Чобаняна. Даже помнил спектакль Пучеглазого «Лига флота».

— Каким вы казались нам тогда великим и недостижимым, — задумчиво произнес он, а потом, чтобы исправить свою оплошность, добавил: — Вы и сейчас великий и недостижимый.

Собравшихся вокруг нас людей он отстранил движением руки, словно отгонял назойливых птиц.

— Теперь отдыхайте. Наверное, вы устали с дороги, — сказал он и пригласил нас в комнату. Он казался очень довольным собой. Было заметно, что мы напомнили ему Стамбул, по которому он скучал. Мы беседовали о том о сем, потом переключились на труппу Минасяна. Но тут его позвали на какое-то собрание.

— Пожалуйста, вы посидите, а я сейчас вернусь, — сказал он и вышел.

Пучеглазый сразу рассчитал, что от него нам будет выгода.

— Надо воспользоваться этим человеком. Здесь нас ждут великие дела, — подытожил он.

Губернатор, как и сказал, вернулся очень быстро. Он беседовал с нами очень тепло.

— Театр — это важно. Вот скоро откроем университет. Но какой университет без театра! В этом городе

четыре театра. Я им почти через каждые два вечера устраиваю проверки. Какое бесстыдство, какой позор! С вашей труппой все понятно. Вы не из тех людей. Разве вам к лицу заниматься этими делами!..

Пучеглазый, позабыв учтивость к чиновнику, показывал ему фотографии. Тот внимательно рассматривал Мелек, Масуме и Ремзие. А потом его взгляд задержался на фотографии Дюрдане, на которой она была снята в профиль, стоя в тени.

— Какая красивая. Безусловно, она претендентка на главные роли, — произнес он и тут же добавил: — Хотя она не настолько красива, как вы, мадам.

Губернатор хотел предложить нам прогуляться по Вану. Однако мы были заняты поисками театра.

— Разгоню этот бесстыжий театр из Битлиса. От него нет никакой прибыли. С завтрашнего вечера сцена в вашем распоряжении. Я завтра с утра поеду проводить инспекцию.

Странно было то, что в этот вечер он пригласил нас в театр Битлиса и сам пришел туда.

— Под предлогом проверки развлекается, сводник эдакий, — сказал ходжа.

Следующим вечером наш «Новый театр» с блеском дал представление, как это бывало в прежние времена. Только вот неожиданно заболел бедный Азми, и его роль пришлось отдать Хаккы. Я с восхищением смотрел, как играла Ремзие в последний раз. Дядька не выходил у нее из головы.

— Ремзие, Дядьке нужен покой. И ты знаешь, что за человек тот доктор. Я просто уверен, что Дядька еще будет вместе с нами.

— Прошу вас, если узнаете, не говорите мне. Для меня он всегда будет жив.

Губернатор вернулся с ревизии. Он не расставался с нами ни на минуту. Но наше совместное пребыва-

ние продлилось всего три дня. На четвертый день пришла телеграмма, в которой сообщалось, что губернатора просят сложить полномочия в этом регионе и поехать на новое место службы — на запад. Сначала он обрадовался этому назначению.

Потом пришла вторая телеграмма. В ней говорилось, что его назначили членом административного совета в один из западных регионов. Он старался найти себе утешение. «Где эта труппа?» — спрашивал он. И начал рассказывать о театральных труппах на побережье Средиземного моря. Затем стал жаловаться и признался, что его новое назначение — нехороший знак и что это дело рук клеветников. Он вытирал глаза, делая вид, что слезы вызваны дымом от сигарет.

— Ребята, давайте не пойдем на его проводы. Приезжает новый губернатор, и мы можем оказаться в черном списке, — со знанием дела произнос Пучеглазый.

Все разом засмеялись, мол, кому мы нужны. Однако он продолжил:

— Не скажите, кто знает, что это за штука управление.

Он сильно волновался и предлагал нам поторопиться:

— Вот увидите, это не дело будет. Погода может в любой момент испортиться, надо поскорее попасть в теплые края.

— Для чего все это?! — сказали мы.

Потому что мы уже были совсем другими. У нас не было уже прежних ощущений. Как подметил наш ходжа, море тоже высыхает.

Глава сороковая

То, что мы не послушались Пучеглазого, было большой ошибкой. Когда мы давали свои последние представления, погода стояла теплой, как это бывает осенью в Стамбуле. Но неожиданно она поменялась. Пошли сильные дожди, потом резко похолодало и выпал снег. Нам сказали, что дорогу на Битлис временно закрыли. И эта блокада продлится три месяца. Город все больше приходил в запустение.

Несмотря на то что мы уже попрощались, мы опять начали давать представления. В театре было холодно, он продувался со всех сторон. Однако зрители все же приходили. У нас уже не было ничего нового, что показать. И нам пришлось снова обратиться к старым представлениям.

Хакки и Горбун снова стали ходить по улицам и давать представления. Но безуспешно, денег не было. Мы оказались в долгах. Под конец от холода заболел и Горбун.

Новый губернатор был болезненным человеком. Вся жизнь города остановилась до весны. Нам казалось, что мы попали в безвыходное положение. Но все же мы старались поддерживать друг друга. Женщины даже заложили все свои украшения. Однажды Пучеглазый вернулся после долгого отсутствия:

— Смотрите, я нашел того, кто даст нам в долг под залог, — проговорил он своей обычной скороговоркой. — Заставил меня поклясться, зараза.

Потихоньку женщины заложили все свои вещи. Когда закладывать стало нечего, все выставили на продажу. Все вещи скупал некто по имени Ризе. Пучеглазый получал вырученные за вещи деньги и раздавал нам всем. На душе было беспокойно еще от того, что Ремзие пошла учительствовать, чтобы спасти нас от голода. А Горбун и Хаккы ходили по кофейням и фактически попрошайничали.

Одним из тех, кто заботился о трупке, был Доктор. Он наведывался в кофейню, где собирались земляки с Ризе, и играл в нарды с посетителями. Игра приносила доход, и он стал ходить и по другим кофейням в сопровождении ходжи. Затем, по наставлению Пучеглазого, начал посещать и частные дома. Пучеглазый тщательно наставлял его и объяснял, как себя вести. Когда Доктор приходил с хорошими деньгами, он учинял ему допрос. А если узнавал, что Доктор проигрался, Пучеглазый, конечно, огорчался, но все же находил для него слова утешения:

— Вот и хорошо, иногда нужно и проигрывать...

Доктора мы носили прямо на руках. Но он был немного трусоват. Если дело заходило слишком далеко, он начинал бояться, и тогда мы его пару дней никуда не отправляли.

* * *

Губернатор был болен и не выходил на службу. Пучеглазый часто наведывался в горсовет, а иногда в какой-нибудь кофейне писал прошения для крестьян и таким образом немного зарабатывал. Но после того, как познакомился с губернатором, дела пошли

лучше. Губернатор осознавал, что революция ждет от него действий, однако он был стар, измучен болезнями и никак не мог найти средство, чтобы исцелиться. К врачам он потерял всякое доверие. Сам того не осознавая, он потихоньку стал надеяться на чудо-лекарей. В окрестностях жил один курдский шейх. Услышав, что он готовит больным лекарства, губернатор приказал его привести и с помощью угроз заставил его приготовить для себя лекарство. Но потом шейх пропал, его так и не смогли найти. Пучеглазый очень удивлялся, рассказывая, как подобные лекарства иногда приносят больным облегчение.

— Вы знаете, не такой я человек, чтобы сразу воспринимать такие вещи всерьез. Но просто невозможно не поверить.

— Даже наука признает существование необъяснимых явлений, — помогал ему ходжа.

— Приведу вам один пример. У нас в труппе есть артист Газали. Он героически сражался в Египте. Сын шейха, непредубежденный, свободный от предрассудков. Выбрал профессию артиста. Как и признает наука, есть какие-то необъяснимые силы. Так вот, он смеялся над людьми, которых при помощи молитв вылечил его отец. И сам, шутя, рассказывал, как в детстве его плевок в рот вернул кому-то дыхание. А ведь он на самом деле обладает какими-то сверхъестественными способностями.

— Друзья, разве не так? Вы же сами знаете, — произнес Пучеглазый, обращаясь к нам.

Он рассказывал придуманные истории, что якобы некая больная женщина родила после того, как Газали прочитал над ней молитву, или как он быстро вылечил одного раненого курда. Потом приводил себя в пример и долго рассказывал, как он болел, специально приписывая себе то тут, то там услышанные

симптомы болезни губернатора. И что после молитв Газали ему сразу стало лучше.

— До сих пор не могу в это поверить. Может, это просто случайность. А может, и молитва подействовала, — говорил он.

Разговор шел и на другие темы, но губернатор больше ничего не слышал.

Когда мы уже прощались, губернатор сказал:

— Вы меня заинтриговали вашим другом. Завтра вечером я приглашаю вас на ужин. Приведите господина Газали тоже.

Когда мы вернулись в отель, Пучеглазый от радости плясал и кричал:

— Да здравствует свобода!.. Живем!

— Все это хорошо, а если у нас не получится? Разве Газали можно кому-то представлять. Он все время бредит, несет чушь. Как бы не подвел нас. Допустит какую-нибудь оплошность, — волновался ходжа.

— Не волнуйтесь вы так, справимся, — заверил Пучеглазый, облизывая свои усы.

Газали был не в себе, но мы все уже не могли отказать от этой затеи.

— Будем все стараться, — сказали мы.

На все наши наставления он говорил: «Да, да!» И действительно, он вроде бы немного очнулся. С преувеличенной вежливостью он начал принижать себя. Газали потихоньку возбуждался; и его поведение вызывало удивление у окружающих. Однако губернатор ничего не замечал. Наоборот, Газали произвел на него впечатление.

— Если позволите, я приглашу господина Газали погостить у себя, — сказал он. Потом серьезно и немного стесняясь добавил: — Вы же знаете женщин, моя супруга хоть и образованная, но женщина есть женщина. У нее нервное расстройство, и как след-

ствие она стала очень мнительной. Я хотел бы, чтобы Газали прочитал над ней молитву.

Нас ждала машина губернатора. При шофере мы не произнесли ни слова. Но когда уже поднимались по лестнице, не сдержались и опять пустились в пляс от радости. Макбуле, услышав наш рассказ, расхохоталась.

— Как бы он не намочил им постель. Пучеглазый говорил, что мочеиспускания это симптом выздоровления. А в таком случае они сочтут это за благое дело, — сказал ходжа.

Макбуле просто покатывалась со смеху, не обращая внимания, что на дворе полночь.

— Тише, услышат, — проговорила Ремзие.

— Ну и что! Возможно, даже будут счастливы, — высокопарно произнес ходжа.

— Я стала мастером по панихидам, а Газали — шейхом. На что надеялись и что нашли? — проговорила Макбуле.

— Не знаю, как ты. А вот я так и не понял, что искал. Однако твой смех лучше Газали лечит. Макбуле, хочу тебя попросить, сделаешь? — спросил ходжа.

Потом с видом, будто собрался зачитывать завещание, он произнес:

— Ты записывала когда-нибудь свой голос на пластинку? Конечно же, да. Но для меня ты можешь сделать еще одну пластинку? Только без всякого там саза. Хочу слышать только твой смех. Наверное, пора мне вернуться в свою меховую лавку. Стал похожим на Сервета. Делаю завещание: пусть, когда буду умирать, у моего изголовья звучит пластинка с твоим смехом.

Содрогаясь всем телом, он опустился на землю и заплакал. Меня охватила бесконечная печаль...

Вижу, как рядом стоящая Ремзие, рыдая, повисла ходже на шее.

Ходжа плакал и целовал ее:

— Все прекрасное происходит почему-то поздно!..
Вот пойми его теперь!..

Как-то забавы ради я записал на пластинку голос Дядьки. Пластинку сохранили. Но никто ничего не говорил ни про Дядьку, ни про пластинку.

Неожиданно Ремзие вспомнила про нее:

— Давайте возьмем граммофон из казино и послушаем голос Дядьки!..

— В такое время?

— Давайте, Сулейман, — попросила Макбуле.

Мы стали слушать пластинку. В ночной тиши раздавался смех Дядьки. Мы все рыдали.

Я чувствовал, что, наверное, Дядька уже умер. Однако на самом деле он умирал именно сейчас.

В сердце Ремзие его место теперь занял ходжа.

Глава сорок первая

Макбуле давно почувствовала, что настает конец. Безысходное расставание подступало.

Впервые это случилось через два дня.

Утром я проснулся от плача. Удрученно рыдал Горбун. Все были как помешанные. Наконец сказали, что случилось. Хаккы, когда ловил рыбу на озере, вместе с рыбаками внезапно упал в озеро и утонул. Тело так и не нашли. Я вдруг вспомнил, как, когда-то защищая его, ссорился на пароходе. Разве я думал, что так горько буду оплакивать его смерть.

— Пропадаем, пропадаем, — плача, говорил ходжа.

Ремзие укладывала ходжу к себе на колени, как когда-то Дядьку.

«Новый театр» исполнял свою самую большую драму. Страсть влюбленных, близость людей. И смерть, приносящую разлуку, горечь и боль. Семейные узы служат ключом от безысходности.

Видя, как маленький Горбун рыдает в объятиях Пучеглазого, я ощущал близость семьи в последний раз.

За глубоким трауром последовало радостное событие. Масуме выходила замуж за богатого молодого человека, и по этому поводу они устроили небольшой прием. Наш будущий зять не отставал от Масуме, пока она не согласилась выйти за него за-

муж. Конечно же, без участия Дюрдане здесь не обошлось.

Наконец настал день свадьбы. Масуме была настоящей красавицей. Восхищенный жених все время подходил к нам:

— Я убежден, ваш театр — лучше любой школы. Девушка, воспитанная даже в самой строгой семье, никогда не станет такой. Свободные нравы... Это искусство. Масуме лучше любой девушки, воспитанной в строгих правилах.

В этот вечер мы все вместе праздновали.

* * *

Ближе к вечеру Ремзие получила письмо. Конверт был весь исписан, и вид у него оказался сильно потрепанный.

Мы жили на верхнем этаже отеля, где шел ремонт. Раньше на этом этаже была кофейня, а теперь, как предполагал Пучеглазый, хотели сделать игровой салон. А пока мы тут подбирали ненужные доски, чтобы закинуть в печку.

Почтальон поднялся наверх и передал письмо Ремзие. Та, несмотря на то, что прочитала свое имя на конверте, очень удивленно спросила:

— Мне письмо?

Письма нам приходили очень редко, а Ремзие вообще никогда. Нам всем стало любопытно, однако Ремзие никак не открывала письмо. А ведь так легко разорвать конверт и удовлетворить всеобщее любопытство. Но она все смотрела с сомнением на письмо.

— Что это за безразличие?.. Я умираю от любопытства, — сказала Макбуле.

Ремзие с тем же видом спросила:

— Что это может быть?

Потом сделала вид, что кладет его в карман, а затем снова вынула.

Я понимал, что она чего-то ждет. Когда все отвлеклись, Ремзие потихоньку разорвала конверт. Создавалось впечатление, будто она не хочет разочароваться и поэтому тянет...

Я наблюдал за ней. Наконец Ремзие вскрыла конверт, пробежала глазами письмо, смяла его, сделав жест, будто хочет бросить его в печь.

Я вспомнил случай из детства. Пределом моих мечтаний тогда был трехколесный велосипед. Мне сделали сюрприз: купив его, поставили перед нашей дверью. Когда появляется то, о чем так долго мечтаешь, просто не можешь сразу это осознать. Помню, как долго смотрел на него с волнением. Все были поражены, и что-то говорили. А я все твердил: «Нет, нет, это не может быть моим велосипедом!» Я думаю, что Ремзие чувствовала сейчас то же самое. Она долго ждала это письмо, и теперь ей не верилось, что оно у нее в руках.

Она прочла несколько строк, потом опять скомкала бумагу. Она сама себе улыбалась. Я видел, как лицо ее вспыхнуло, а после заметил, что улыбка на лице исчезла и она стала оглядываться. Наши глаза встретились. Она приблизилась ко мне. Я понимал, что ее переполняли чувства.

— Не догадываетесь от кого? — спросила она.

— Ремзие, я уже давно это понял. И даже рад за тебя, — ответил я.

Я отошел от нее, надев на лицо бесстрастную маску, чтобы никто уже не смог ее с меня стянуть.

Немного погодя она зашла ко мне в комнату.

— Письмо от него. Он узнал, где я. Говорит, что все бросает и едет, чтобы повидаться со мной.

— Как ты думаешь, Ремзие, что будет? — спросил я.

— Да ничего не будет. Пусть едет. Что он думает, что так легко меня найти?!

— Конечно, легко, — парирую я.

— На сцене — возможно. Но не иначе.

— Ремзие, давай не будем играть. Вам обязательно надо повидаться. Ты же знаешь, я говорю тебе это как старший брат.

— Мы не сможем договориться.

— Не надо тебе убегать от него. Все очень серьезно. Оставь свои капризы. Поговори с ним.

Ремзие заупрямилась, как я в детстве с велосипедом.

— Нет, нет. Вы не понимаете.

В коридоре послышался напев. Макбуле вошла без стука. Она знала, о чем мы говорили, и все равно спросила:

— По-моему, у вас секреты?

— Если знаешь, зачем помешала, — ответил я.

— Могу и уйти, — бросила она.

— Давайте скажем ей, о чем мы говорили. Неудобно как-то, — произнесла Ремзие.

— А что скрывать?

Ремзие вкратце все пересказала Макбуле.

— Если хотите, прочитайте сами, — закончила она и протянула письмо.

Макбуле поднесла письмо к лампе и начала читать.

— Он влюблен в тебя. Да он просто сгорает от любви. Забрать тебя хочет.

Ремзие выпрямилась и твердо произнесла:

— Посмотрим еще. Я ему не игрушка.

— Вот дурочка! Причем тут игрушка! Вы любите друг друга. Это любовь! Да еще какая!

* * *

Ходжа, Макбуле, Пучеглазый и я долго все обсуждали. Потом мы позвали Ремзие.

— Завтра вечером мы приглашены к Масуме на ужин. Конечно, ты тоже должна быть там, — сказал ей ходжа.

Она испуганно спросила:

— А почему вы меня по-особенному предупреждаете. Я что, не так себя вела при зяте?

Мы увидели, что ходже не справиться.

— Нет, Ремзие. Просто ты обязательно должна быть там. Можно даже сказать, что ужин специально для тебя.

Мы все наигранно засмеялись.

— Специально для меня? — переспросила она.

Тут Макбуле не выдержала:

— Ну что вы мямлите? Придется уж мне сказать. Лапочка ты моя, на ужине будет твой. Потому.

Ремзие взволнованно вскочила:

— Имеет право. Тогда я не пойду.

Я понял, что ее невозможно будет переубедить. Однако, полагаясь на свой опыт, все-таки пытаюсь, в последний раз.

— Ремзие, тебе нужно быть с нами.

Она всегда была покорна, но в этот раз стала сопротивляться.

— Это очень личный вопрос.

— Знаешь, это последний вечер труппы «Нового театра». Два года назад мы уже распадались, и тогда же на станции все смогли собраться и заново создать труппу. Теперь все совсем по-другому. Надеяться больше не на что.

Ходжа устал и не хочет больше странствовать. Всему настанет конец. На нашем последнем совещании мы о тебе только и говорили. Ты всегда слушалась меня и была мне настоящей сестрой.

На глазах у всех выступили слезы.

— Девочка, ты заставила меня переживать, — сказал ходжа и потом продолжил: — Парень любит тебя. Из-за тебя до этих краев добрался. Ты должна встретиться с ним хотя бы раз.

Наконец Макбуле тоже высказалась:

— Ну и что, что обидел! Главное, любит. Если бы не любил, зачем бы ехал сюда? Невзирая на снег и ненастье, отправился в путь за тобой.

Я снова вмешался:

— Ремзие, встретиться с ним. Ведь ты сама мне про него рассказывала. Не думаю, что ты сама себе не веришь.

Эти слова больше всего подействовали на нее.

— Да, вы правы. Я пойду с вами и встречу с ним.

Я взял ее за руки и сказал:

— Вы договоритесь. А на обратном пути, возможно, мы заедем к тебе.

Однако некуда больше было ехать. Теперь с тоской мы держали путь обратно в те места, откуда, как от пожара, когда-то убегали.

Идущий рядом ходжа, плача, говорил:

— Каков век — таков и человек. Жизнь — это опыт. А прожить жизнь — значит познать мир.

Решад Нури Понтекин

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

Выпускающий редактор *Е. Новикова*
Технический редактор *С. Камышова*
Корректоры *И. Румянцева, Е. Щербакова*
Дизайнер обложки *Е. Маховикова*
Компьютерная верстка
ООО ТД «Издательство Мир книги»

ООО ТД «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 20.12.2008.
Формат 84х108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура NewBaskerville. Усл. печ. л. 15,12
Тираж 8 500 экз. Заказ № 4917019

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

